К. Селиванов

Литературные места Ульяновской области

К. А. СЕЛИВАНОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ 1969

8(069)
С 29

Селиванов К.
С 29 **Литературные места Ульяновской области.** Саратов, Приволж. кн. изд., 1969.
198 с.

8(069)

Карамзин, Гончаров, Минаев, Садовников, Скиталец — много писательских имен хранит литературная карта Ульяновского края. Здесь истоки «Бедной Лизы», «Обрыва», «Дома Черновых», «России, кровью умытой», «Семьи Ульяновых» и «Первой Всероссийской», известных песен и стихов о Волге, таких, например, как «Нелюдимо наше море...», «Слу-шай!», «Из-за острова на стрежень...».

Издание принесет пользу всем, кто пристально следит за развитием отечественной литературы, школьникам, студентам, краеведам.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В литературной географии нашей необъятной страны одно из почетных мест занимает Ульяновская область (в прошлом Симбирская губерния).

Родина Владимира Ильича Ленина связана с судьбами многих писателей, которые двигали развитие русской литературы. Среди них и широкоизвестные — С. Т. Аксаков, братья Тургеневы, Карамзин, Пушкин, Языков, Денис Давыдов, Гончаров, А. Н. Толстой, Скиталец, Неверов — и малоизвестные, второстепенные, забытые. Но последние тоже имеют право на память современного читателя. Владимир Ильич Ленин говорил, что «и маленькие писатели должны быть извлечены из забвения и должны войти в библиотеки наших читателей» [1].

В 1915 году в статье «Издалека» А. М. Горький писал: «У нас есть огромная литература «второстепенных», которую мы совсем не знаем и которая может дать чувству и мысли больше того, что дают сейчас». Он не раз тепло отмечал в них «честное отношение к судьбам Родины, к жизни народа, к литературе — святому долгу их жизни».

Памятные литературные места играют определенную роль и имеют определенное значение в жизни и творчестве того или иного писателя. Они дают часто воз-

---

[1] В. И. Ленин о литературе и искусстве. Изд. 3-е, доп. М., «Худож. литература», 1967, стр. 705.

можность проникнуть в творческую лабораторию писателя и вскрыть приемы его литературной работы.

Это убедительно доказали краеведы, занимающиеся изучением литературной жизни области. Еще до Октября много сделал в этом отношении Н. А. Державин, автор интересных фактическим материалом произведений, посвященных истории и литературе местного края. К его статьям и очеркам, многочисленным календарным газетным заметкам, к собранной им библиографии приходится прибегать каждому, кто знакомится с литературным прошлым нашего Поволжья. Не потеряли своей ценности и публикации М. Ф. Суперанского о Гончарове.

Невиданный размах получило развитие литературного краеведения после Великой Октябрьской социалистической революции. Сотрудники Ульяновского архива, краеведческого музея, Дворца книги имени В. И. Ленина, преподаватели пединститута выявили, собрали и обнародовали немало новых документов, создали разнообразные труды об отдельных земляках-литераторах.

Большую научно-краеведческую деятельность проводит доцент пединститута, критик, член Союза писателей СССР П. С. Бейсов. Ему принадлежит ряд краеведческих работ о симбирских поэтах и писателях (Минаеве, Садовникове, Скитальце и др.), в том числе капитальная — «Гончаров и родной край». Ни один гончаровед не может сейчас обойтись без этого исследования. По инициативе и под руководством Бейсова составлен библиографический указатель, заключающий свыше 400 страниц убористого машинописного текста, к которому приходится обращаться любому краеведу.

Настоящие очерки, не претендуя на освещение всех вопросов, возникающих при изучении литературной жизни, имеют целью кратко познакомить по возможности со всеми местами области, связанными с художниками слова. В основу очерков автор положил материалы, в разное время напечатанные в центральных и местных изданиях.

СИМБИРСК-УЛЬЯНОВСК

1.

Литературная жизнь Симбирска-Ульяновска тесно связана с его социально-экономическим развитием.

Симбирск был основан в 1648 году как крепость на Волге. Однако свое военно-стратегическое значение он вскоре утратил и превратился в административный, экономический и культурный центр большого края.

В 1773—1775 годах произошло крупнейшее народное восстание под руководством Емельяна Пугачева. Оно охватило огромную территорию, в том числе и Среднее Поволжье. Царское правительство бросило на подавление восстания крупные военные силы. В Симбирске находилась походная канцелярия командующего войсками графа Панина. Начальником канцелярии состоял Михаил Иванович Веревкин (1732—1795). Это был русский драматург, поэт и переводчик, один из образованнейших и остроумнейших людей того времени. По словам князя Вяземского, Веревкин имел особую способность по произволу заставлять смеяться или плакать целое общество. Державин, учившийся у Веревкина в Казани, на всю жизнь сохранил о нем благодарное воспоминание. Н. И. Новиков считал его одним из первых писателей.

В Симбирске Веревкин написал лучшее свое произведение — комедию «Точь-в-точь» (1774). Это чуть ли не единственное сочинение XVIII века, посвященное изображению Пугачевского восстания. Первоначально пьеса

называлась «Пугачев Емелька». Оказавшись неприемлемой для цензуры, комедия появилась в печати лишь в 1785 году под заголовком: «Точь-в-точь. Комедия, сочиненная в Симбирске».

В основу комедии положены местные материалы. Автор живо и довольно верно передал настроение различных общественных слоев города, использовал события, происходившие в Симбирске осенью 1774 года. В героях комедии современники узнавали живых лиц. Веревкин сатирически изображает воеводу, его секретаря, осуждает жестокость и скупость помещиков, взяточничество чиновников, но расправу над участниками движения оценивает как «истребление злодеев». В пьесе встречаются народные песни, язык богат поговорками, пословицами [1].

В Центральном архиве литературы и искусства хранится рукопись пьесы, на титульном листе которой автором написано: «Комедия «Пугачев Емелька» в трех действиях, представлена в первый раз на Симбирском театре благородными действующими лицами. Ноябрь, 25 дня 1774 года». О представлении комедии на сцене говорит и Вяземский: «Пьеса осмеивала некоторых из симбирских лиц и была представлена в их присутствии». Все это указывает на существование театральных представлений в Симбирске уже в 70-е годы XVIII столетия.

С Пугачевским восстанием связан и трехкратный приезд (1773—1774) в Симбирск Г. Р. Державина (1743—1816). Об этом он рассказал в своих воспоминаниях и письмах. Поэт вынужден признать, что народ, замученный помещиками и местной администрацией, идет за Пугачевым и что Симбирск оказался в положении осажденного города.

В 1780 году было учреждено Симбирское наместничество из 13 уездов с населением 306 тысяч человек. В связи с этим возросло и значение Симбирска как главного города. Возникли разные государственные учреждения, появился значительный по тому времени слой чиновников, развивалась торговля, усилился приток на-

---

[1] См.: А. Макеев. Комедия, сочиненная в Симбирске. — «Ульяновск. правда», 1965, № 297.

селения. Росла потребность в грамотных людях. Появились школы, частные пансионы для дворянских детей. Открылась книжная лавка.

К концу XVIII века закончилась в основном и колонизация края. Богатые помещики Дурасовы, Столыпины, Ивашевы, Бестужевы, Тургеневы и др., пользуясь даровыми руками и трудом крепостных крестьян, превращают свои городские особняки и поместья в роскошные центры дворянской усадебной культуры: Архангельское, Ундоры, Никольское-на-Черемшане и др.

Из среды этого культурного дворянства вышли первые деятели культуры — Бекетовы. П. П. Бекетов (1761—1836) стал издателем, пойдя по стопам известного просветителя Н. И. Новикова. В Москве Бекетову принадлежала лучшая типография, в которой он с не виданной тогда тщательностью печатал лучшие сочинения русских писателей. Издал альбом «Портреты знаменитых россиян» и «Пантеон российских авторов».

Еще более прославился Н. А. Бекетов (1729—1794), «первый лицедей» и писатель из симбирян. Н. И. Новиков говорит о нем в своем словаре: «В молодых своих летах много писал стихов, а более всего песен, из которых многие напечатаны в книгах: Собрание разных песен в 1769 и 1770 годах. Его песни многими знающими людьми похваляются. Он сочинил также трагедию, но в свет ее не издал». Он был талантливейшим и активнейшим участником сумароковских спектаклей. Его игра вдохновила и предопределила жизненный путь Г. Волкова, организатора русского профессионального театра. Волков говорил: «Увидя Никиту Афанасьевича Бекетова в роли Синава, я пришел в такое восхищение, что не знал, где был: на земле или на небесах? Тут родилась во мне мысль завести свой театр в Ярославле»[1].

2.

Истоки Симбирско-Ульяновского театра уходят в народное творчество. Поволжский фольклор богат театральными элементами. Бытовала народная драма. Были

---

[1] Краеведческий сборник. Вып. 3. Ульяновск, 1928, стр. 5. Успех Бекетова, его увлечение театром в известной степени содействовали возникновению театра в Симбирске.

свои исполнители, актеры, которых в первую очередь использовал крепостной театр, возникший в Симбирской губернии в последней четверти XVIII века.

Крепостной театр обязан своим происхождением двум обстоятельствам: огромным богатствам некоторых помещиков и стремлению дворянской аристократии, отошедшей от активной политической жизни, противопоставить свои вотчины императорскому двору, желанию во всем подражать придворной жизни. Меньше всего приходится говорить здесь о тяготении к искусству.

Первую крепостную труппу в крае создал в конце 70-х годов XVIII столетия богач-помещик Н. А. Дурасов, родственник Н. А. Бекетова. Дурасов имел четыре крепостных театра: в Симбирске, селах Архангельском и Никольском-на-Черемшане и в Москве. Почти одновременно возникли крепостные труппы Ермолова, Татищева, князя Грузинского. Несколько позднее появилась труппа Столыпина, которой суждено было выдвинуть на московскую сцену многих талантливых актеров — Кураева, Касаткина, Соколова, Репина, супругов Лисицыных, Носову, Новикову. Варвара Борисовна Новикова, больше известная под именем «Вареньки Столыпиной», попав на столичную сцену, вскоре вышла замуж за журналиста Н. И. Страхова, издателя прогрессивного журнала «Сатирический вестник» (1790—1792), и навсегда оставила сцену.

Судьба крепостной актрисы «Вареньки Столыпиной», как и судьба знаменитой Параши Жемчуговой, крепостной графа Шереметьева, — необычайное для того времени исключение. Как правило, помещики на своих крепостных артистках не женились — они брали их силой или подарками.

Представления в театре Дурасова начались более или менее регулярно с 1780 года. В 1785 году дурасовский театр закрылся, здание перешло в собственность дворянства, и с 1786 года театр стал существовать как общественное публичное учреждение.

Хотя Дурасов положил основание Симбирскому театру, но это нельзя считать сознательной заслугой помещика. Представления он давал из-за чванства, личной прихоти. По нужде или капризу продавал «актера-хама».

Не найдешь примера, где бы в барском увлечении театром лежало искреннее желание просветить народ.

На сцене Симбирского публичного театра в первое время выступали крепостные труппы, ставились спектакли сценического кружка любителей под руководством дочери помещика А. И. Жадовской, страстной театралки, и ее отца. Жадовская и ее подруги не были исключением. Известно, что дочери владельца крепостной труппы Столыпина «изволили сами занимать высокие амплуа в трагических пьесах». Если Жадовская и другие светские любительницы выступали в кругу им подобных, то Столыпины не гнушались играть вместе с крепостными актерами. Одна из дочерей Столыпина стала впоследствии бабушкой М. Ю. Лермонтова.

Жадовская занималась также литературным творчеством [1]. В Симбирске она перевела драму «Английский купец Бот», которая и была поставлена в местном театре в феврале 1804 года.

Член кружка Жадовской П. В. Сушков в 1803 году написал для Симбирского театра пьесу «Юлия, или следствие обольщения». Пьеса стала популярной, а будучи переделанной в оперу, обошла все провинциальные сцены.

В 1796 году Симбирск сделался губернским городом, что положительно сказалось на развитии его общественной жизни. Театр прочно вошел в быт городского дворянства. Все больше появлялось любителей театрального искусства и среди низших классов. По свидетельству А. Второва, в 1793 году в театре уже были дешевые, «народные» места.

О популярности театра, его роли в культурной жизни города говорит и стихотворение юного Андрея Тургенева. Летом 1796 года, уезжая из Симбирска, он написал «Разлуку с Симбирским театром»:

На целый месяц я теперь с тобой расстался.
Так в расставании с тобой мой дух терзался,
Что накануне я отъезда моего
Грустил, не спал, не ел и не пил ничего.
Познай, как я к тебе, познай, как был привязан.

В этом же году симбирские актеры, как говорит в

---

[1] Ее имя занесено в библиографический словарь русских писательниц князя Голицына.

своих воспоминаниях И. М. Долгоруков (Записки. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... Петроград, 1916), давали спектакль в Пензе в честь прибывшего в город генерал-губернатора князя Вяземского.

Страстными любителями театра были и члены небольшого кружка либерально настроенной разночинной интеллигенции, куда входили учителя Н. М. Веревкин, Иванов, Тихонравов, Цветков, чиновник И. А. Второв. Они участвовали в любительских спектаклях Жадовской, а в 1817 году организовали в здании гимназии свой театр, просуществовавший до 1820 года, когда из Казанского учебного округа пришло строжайшее предписание: «Спектакли прекратить, сцену уничтожить».

Участники этого кружка занимались самоусовершенствованием, вели дневники, журнал с описанием всех замечательных происшествий. Читали и обсуждали книги, сочинения Веревкина, стихи Иванова, мечтали об издании сатирического журнала «Провинциальный зритель».

Самой интересной личностью в кружке, несомненно, являлся И. А. Второв (1772—1844), один из просвещеннейших людей своей эпохи. Сын мелкого чиновника, он прошел трудную школу жизни, и если не погряз в тине тогдашней провинциальной жизни, то этим обязан «своему ментору» Н. М. Веревкину, театру и книгам, литературе. Второв свел знакомство с Карамзиным и Дмитриевым, с братьями Тургеневыми, Дельвигом, декабристами Рылеевым, Бестужевым, Пановым, писал чувствительные стихи, статьи, частично напечатанные в московских журналах. Его дневник (вел с 14 лет) — один из ценнейших источников познания духовной жизни, быта Симбирска и Самары конца XVIII и начала XIX веков. Появление таких людей, как Веревкин, Второв, говорило о росте культурно-политического самосознания демократической интеллигенции.

В 20-х годах XIX столетия в Симбирском театре работала саратовская труппа. В ее составе оказался и «виртуоз русской песни» Николай Григорьевич Цыганов (1797—1831). Его песни «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...», «Что ты рано, травушка...» поют и в наши дни.

Цыганов. выступал на сцене в небольших ролях и в дивертисментах, обязательных тогда для каждого театра.

Обладал небольшим приятным голосом, песни, народные и свои, пел под неразлучную гитару. Имел шумный успех. О Цыганове заговорили в городе как о талантливом поэте.

Сценическое и литературное дарование Цыганова заметил приехавший в Симбирск известный писатель М. Н. Загоскин. При его содействии Цыганов перебрался в Москву в труппу Малого театра. Вскоре песни Цыганова появились и в печати. Переложенные на музыку Варламовым и Гурилевым, они быстро расходились по всей России.

В лучших песнях Цыганова много теплого, искреннего чувства. Они просты, задушевны, выразительны. Основной мотив песен — любовь девицы или молодца, задавленных злой судьбой, и лишь в одной из песен слегка прорвалось стремление к воле, сознание своего разлада с окружающей жизнью.

Оседлаю я коня,
Сгину в ратном поле...
И родной мой край меня
Не увидит боле...

Впрочем, самая тихая, мягкая, нежная песня Цыганова являлась своеобразным протестом против народного страдания.

3.

Самое ближайшее отношение к Симбирску 70—80-х годов XVIII века имеют писатели-сентименталисты Н. М. Карамзин и И. И. Дмитриев. В основе приходившего в упадок русского классицизма лежали идеи служения просвещенной монархии, культ разума, стремление любое изображение втиснуть в рамки определенных правил. Сентиментализм Карамзина и его последователя Дмитриева, хотя и носил дворянско-усадебный характер, на первое место поставил интерес к «жизни сердца», к обстоятельствам личной жизни человека, к природе. Возглавив русский сентиментализм, Карамзин ввел новый жанр чувствительной повести («Бедная Лиза»), приблизил литературный язык к разговорному. Писатель был также официальным историографом и дал первый стройный и

последовательный свод фактического материала по истории России.

Николай Михайлович Карамзин (1766—1826) родился в семье симбирского помещика, в селе Знаменском, еще при жизни писателя переименованном в Карамзинку (ныне Майнского района). Отец его был довольно образованным человеком, имел солидную библиотеку, наполненную фантастическими романами.

Первым учителем будущего историографа был местный дьячок, «славнейший грамотей в околотке». Ребенок развивался быстро, чему много способствовала семейная библиотека, откуда мальчик, рано научившийся читать, беззапретно брал книги. Романы увлекали описаниями происшествий и сильно действовали на воображение и чувство.

Большое влияние оказала на Карамзина окружающая природа, в самом тесном соприкосновении с которой он находился с утра до вечера.

В Карамзинке произошло необыкновенное событие, сильно повлиявшее на впечатлительного мальчика. Раз во время грозы он бежал из леса домой, как вдруг из-за деревьев прямо на него вышел медведь. В ужасе мальчик упал без сознания. Когда он очнулся, то увидел зверя подле себя мертвым: его убило молнией. Этот случай Николай Михайлович подтверждал не раз.

Карамзинка расположена в 40 верстах от Симбирска. И Карамзины обычно осень и зиму проводили в городе, где у них на Венце был свой дом. В Симбирске Карамзин учился в городском пансионе, брал уроки немецкого языка у местного врача. Здесь он сблизился с будущим своим «сотрудником и помощником» Дмитриевым. Вместе с ним пережил увлечение Вольтером, поэмой английского поэта Э. Юнга «Ночные думы», одним из первых образцов сентиментализма, так называемой «кладбищенской поэзии». В 1784 году И. П. Тургенев уговорил юношу Карамзина уехать с ним в Москву. В дальнейшем связь с городом и Карамзинкой, где жил старший брат, поддерживалась письменно.

Са́мое сильное впечатление, увезенное Карамзиным с родины, была Волга. Он писал: [на ее берегах] «я небесным светом озарился и чувством жизни насладился... во цвете радостной весны, где я природу полюбил...» Волж-

ские пейзажи так пленили юное сердце Карамзина, что на всю жизнь стали самым отрадным воспоминанием и нашли отражение в его творчестве. В повести «Рыцарь нашего времени», характеризуя героя, в котором легко узнать самого автора, Карамзин пишет: «...Леон часто сидел с книгой на берегу Волги... Оставляя книгу, смотрел он на синее пространство Волги, на белые паруса судов и лодок, на станицы рыболовов... Сия картина так сильно впечатлелась в его юной душе, что он через 20 лет после того... не мог без особливого радостного движения видеть большой реки, плывущих судов... Волга, родина и беспечная юность тотчас представлялись его воображению, трогали душу, извлекали слезы»[1]. В письмах к братьям он часто вспоминал о Волге. «Величественная Волга, столь знакома мне с издетства». Побывав за границей, он не без гордости пишет: «Симбирские виды уступают в красоте немногим в Европе».

Едва ли не первым Карамзин сделал Волгу одной из любимых тем русской поэзии. Восторженным преклонением перед великой рекой дышит его стихотворение «Волга»:

Река, священнейшая в мире,
Кристальных вод царица-мать!
Дерзну ли я на слабой лире
Тебя, о Волга, величать...

Волжский запевала, Карамзин не остался одиноким в нашей поэзии. Тему Волги подхватили, расширили и углубили поэты-симбиряне И. И. Дмитриев, Н. М. Языков, Д. Н. Садовников...

О Волге не забыл вспомнить Карамзин и в повести «Наталья, боярская дочь».

Волжские впечатления содействовали образованию того культа природы, с которым мы встречаемся у писателя и который составляет одну из характерных черт сентиментализма.

Не прошло бесследно для творческой деятельности Карамзина и его пребывание в родном селе. В незаконченной повести «Рыцарь нашего времени» (1802—1803), основанной, по признанию автора, «на воспоминаниях

---

[1] Н. М. Карамзин. Избр. соч. В 2-х т., т. 1. М.—Л., «Худож. литература», 1964, стр. 766—767.

молодости», он описывает свое детство (сведения о нем вообще скудны), родителей, делает попытку разобраться в детской психологии, проследить формирование характера, что для русской литературы того времени являлось новостью. С добродушной усмешкой показаны в повести быт и жизнь окружающих помещиков. «Провинциалы наши, — пишет Карамзин, — не могли наговориться друг с другом; не знали, что за зверь политика и литература, а рассуждали, спорили, шумели. Деревенское хозяйство, охота, известные тяжбы в губернии, анекдоты старины служили богатой материею для рассказов и примечаний» [1].

В Карамзинке Николай Михайлович соприкоснулся с жизнью крепостного крестьянства. Какого-либо заметного следа это знакомство не оставило. Однако некоторые реальные детали мужицкой жизни вошли потом в рассказ «Фрол Силин, благодетельный человек». Фрол Силин действительно существовал: это был зажиточный крестьянин деревни Чекалино Сызранского уезда — о нем Карамзину рассказал И. И. Дмитриев. В рассказе Силин дан приукрашенным, нарочито назидательным. Консерватизм общего мировоззрения писателя резко ограничивал показ подлинной жизни как в исторических исследованиях, так и в беллетристических произведениях. В том же «Рыцаре нашего времени» ни слова не сказано о взаимоотношениях господ и крестьян, «сельская простота» патриархальной дворянской усадьбы, провинциальные помещики изображены с благодушной иронией.

В 1845 году в Симбирске был торжественно открыт памятник Карамзину (автор — известный скульптор Гольберг). Памятник представляет собой большую статую музы истории Клио, что должно было оттенить значение Карамзина как историка. Статуя Клио стоит на пьедестале, в нише которого выставлен бюст писателя. В то время царские законы разрешали увековечивать принцев крови да героев военного звания. Вот чем вызвана необычная композиция памятника.

Тенистый садик вокруг памятника носит название Карамзинского и служит одним из любимых мест отдыха

---

[1] Н. М. Карамзин. Избр. соч. В 2-х т., т. 1, стр. 769.

ульяновцев. Когда-то сюда любил ходить и Володя Ульянов с сестрами.

В областной библиотеке имени В. И. Ленина хранится 50 книг писателя. Среди них обращает внимание рукописная книга в 1700 страниц — «Летописания Матфея Стриковского». На всех книгах есть пометки, говорящие о кропотливой работе писателя. Хранится одно из писем Карамзина (от 1782 года) к своему брату.

Правой рукой Карамзина в утверждении литературных нововведений был И. И. Дмитриев (1760—1837), поэт и баснописец, предшественник И. А. Крылова. В наши дни поэзия Дмитриева, как и Карамзина, не находит читателя; для современников же его стихи и басни являлись полными живого, захватывающего интереса. Сильно увлекался поэзией Дмитриева юный Кольцов. Именно она и оказалась непосредственным толчком для поэтического творчества гениального русского песенника. Примечателен и другой факт. Песня Дмитриева «Стонет сизый голубочек» (музыка Дубянского), явившись одним из первых опытов творчества в «народном духе», прочно вошла в песенную практику народа и дожила до нашего времени.

Сын симбирского помещика, состоявшего в родстве с Карамзиными, Бекетовыми и другими известными дворянскими фамилиями, Дмитриев годы своего учения провел в Симбирске. Три года учился в местном пансионе, потом отец взял его и стал заниматься с ним сам. В доме Дмитриевых имелась хорошая библиотека, которой широко пользовался юноша. Большую роль в развитии поэта сыграли мать и «общество нескольких умных, образованных и недавно покинувших столицу»[1] людей, собиравшихся в доме отца и проводивших время за разговорами на политические и литературные темы.

В свои последующие неоднократные приезды в Симбирск поэт интересовался общественной и культурной жизнью города. «Даже в отечестве нашем, Симбирске, — писал он А. И. Тургеневу, — первый тамошний маляр списывает для всех на холст в большом виде с первого виньета к басням Измайлова»[2]. Любил ходить по

---

[1] Сочинения И. И. Дмитриева, т. 2. СПб, 1893, стр. 9.
[2] Там же, стр. 252.

ярмаркам, посещать праздничные гулянья, прислушивался к разговорам, вел запись простонародных слов и выражений. Некоторая часть этих материалов вошла в его стихотворения.

Дмитриев называл себя «волжанином», посвятив Волге несколько поэтических произведений.

Интересны воспоминания Дмитриева «Взгляд на мою жизнь», богатые литературным и краеведческим материалом.

Во время своих поездок и странствий по Среднему Поволжью, начиная с 1797 года, частенько бывал в Симбирске Сергей Тимофеевич Аксаков (1791—1859). В городе он обычно останавливался в доме тетки своего отца, Н. И. Куроедовой. Свои впечатления от Симбирска писатель оставил в «Детских годах Багрова-внука».

4.

На развитие общественно-литературной жизни в Симбирске и крае известное влияние оказали масоны (религиозно-философское общество). Вокруг них объединялась преимущественно та небольшая часть дворянства, которая была недовольна правительственной политикой и которую не удовлетворяла обывательская пошлость жизни.

Симбирские масоны были многочисленны и влиятельны. Первую масонскую ложу в 1784 году открыл в городе И. П. Тургенев (1752—1807), известный сподвижник Н. И. Новикова, видный культурный деятель, писатель. Вместе с Новиковым он был в 1792 году арестован и сослан в Симбирскую губернию.

Гораздо большую известность получили сыновья Тургенева — Андрей Иванович Тургенев (1784—1803), Александр Иванович Тургенев (1785—1845) и Николай Иванович Тургенев (1789—1871), родившиеся в Симбирске. Здесь частично прошли их детские и отроческие годы, сюда они неоднократно приезжали и в зрелом возрасте.

Андрей Тургенев — поэт. Он осудил узость сентиментализма и стал одним из зачинателей романтизма в русской поэзии, был «незабвенным другом» и руководителем Жуковского.

Александр Тургенев известен своей близостью к Пушкину и

другим выдающимся русским писателям. При всей рыхлости своих общественно-политических взглядов он был прогрессивным человеком, ненавистником рабства во всех его видах. Сотрудничал в журналах, собирал документальные материалы по русской истории. В своих дневниках и письмах А. И. Тургенев оставил интересные сведения о быте и жизни симбирского общества и крестьян.

Наиболее яркой фигурой был Н. И. Тургенев, один из руководителей Северного общества декабристов, выражавший в своих сочинениях («Опыт теории налогов» и др.) их передовые взгляды. Человек глубокого ума, больших и разнообразных знаний, Н. И. Тургенев поражал современников пламенным патриотизмом, величием духа. Его влияние на окружающих было значительным. Весь смысл своей жизни он видел в преданности идее «уничтожения рабства». Мысль о положении крестьян, о крепостном праве всюду сопровождала Тургенева. Приехав 17 июня 1818 года в Симбирск, он пишет: «При виде Симбирска я чувствовал что-то, но чувствовал весьма слабо. Зато первое и главное, что неоспоримо: крестьяне на оброке гораздо счастливее крестьян на пашне» [1].

Все симбирские впечатления Тургенев воспринимает в свете крестьянского вопроса. «В два или три дня пребывания моего здесь я имел случай заметить образ жизни провинциальных дворян, и по тому, что я видел в доме Аржавитиновых, я, кажется, могу заключить о прочих. Я приходил туда поутру и находил уже хозяев и гостей за пикетом, после обеда — за бостоном, за шашками и банком. Между тем фигуры рабов, как привидения из мира нечистоты, мелькали по комнатам. Все эти карточники более бы занимались делом, если бы у них не было крепостных крестьян. И просвещение есть следствие необходимости, а дворяне за картами и в привычке своей праздности не будут чувствовать и не чувствуют нужды в просвещении» [2].

Посетив еще нескольких знакомых, наслушавшись о делах в губернии, Тургенев с грустью записал: «Все это заставило меня вздохнуть о состоянии бедной России!.. Зачем досталось мне жить тогда, когда еще надобно приготовить все к лучшему?» [3]

В Симбирске Н. И. Тургенев посетил дом, где родил-

---

[1] Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. СПб, 1911, стр. 22.
[2] Там же, стр. 135.
[3] Там же, стр. 133.

ся, «два раза проехал по Венцу», полюбовавшись «прекрасным, величественным местоположением» и видом Волги, осмотрел город: «в Симбирске есть дома порядочные и хорошие, много дурных, внизу города много изб, крытых соломой...» [1]

Завернув на обратном пути в Симбирск, Тургенев записал, что родной город ему «показался гораздо лучшим городом, чем прежде». Общий же итог симбирских наблюдений получился нерадостным: «Разговоры с здешними помещиками и помещицами доказали мне, что я никак не мог бы жить и говорить с ними. Если бы мне не нужно было жить в Петербурге, а надобно было бы жить в России, то я всему предпочел бы деревню... Беда не в скуке от деревни, но в скуке от повсеместного здешнего порядка, от помещиков и управления» [2].

Симбирские впечатления легли в основу статей Н. И. Тургенева «Нечто о барщине» и «Нечто о крепостном состоянии в России», нашли отражение в записке Александру I о крепостном праве, в которой был выдвинут вопрос об ограничении рабства. По мнению профессора Е. И. Тарасова, статья «Нечто о барщине» вдохновила Пушкина на стихотворение «Деревня» [3]. В квартире Н. И. Тургенева написана Пушкиным ода «Вольность».

Среди редких книг Ульяновской областной библиотеки имени В. И. Ленина есть и книги Н. И. Тургенева, изданные за границей. Особый интерес представляет сочинение «Ответы», где автор возражает против приговора царского суда по делу декабристов.

Из среды передовых симбирских дворян, связанных с масонством, вышел и другой видный декабрист — Василий Петрович Ивашев (1797—1841). Он увлекался музыкой, писал стихи, но его литературные труды до нас не дошли.

Близко к декабристам стоял крупный симбирский помещик М. Г. Баратаев (1784—1856), грузин, масон, литератор и нумизмат с европейским именем (член нескольких академий наук). Был арестован и за недостатком улик освобожден.

Движение декабристов нашло в Симбирске больший отклик, чем в других городах Поволжья. В городе и губернии, как доказал своими изысканиями П. С. Бейсов,

---

[1] Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. СПб, 1911, стр. 132.
[2] Там же, стр. 152.
[3] См.: Е. И. Тарасов. Декабрист Н. И. Тургенев в Александровскую эпоху. Самара, 1923.

широкое распространение получила вольная рукописная литература (произведения Рылеева, Радищева, Грибоедова, Кюхельбекера) [1].

Восстание декабристов, аресты и жестокая расправа над участниками заговора сильно взволновали симбирское дворянское общество, которое в 1825—1826 годах имело и другие поводы для беспокойства: участившиеся побеги крепостных крестьян, случаи массового неповиновения, поджоги имений. Многих дворян охватила паника. По свидетельству И. А. Второва, началось уничтожение семейных архивов, «подозрительных» книг, прекращение знакомств [2]. Но к чести незначительной группы передовых дворян (Бестужевы, Ивашевы, Карповы, Беляевы и др.) нужно отнести их нравственное и гражданское мужество, проявившееся в нескрываемом сочувствии осужденным.

Разгром декабристов не заглушил окончательно передового общественного движения в стране. В 1827 году в Московском университете впервые после декабристов появилось тайное общество. Одним из организаторов его явился Н. Ф. Лушников, сын симбирского землемера. Он вел работу среди солдат, сочинял агитационные стихи и в качестве листовок рассылал их в Симбирск, Казань и другие поволжские города. В стихотворении «Мечты» он писал:

Упьется месть в крови злодея,
Мне голос сердца говорит,
И терем страшный, запустея,
Как башня, рухнув, загремит.
Звезда свободы оживит
Родную сторону мою...

Лушников продолжал традиции русской обличительной литературы. На следствии он сознался, что с восхищением повторял стихи Рылеева:

Погибну я за край родной,
Я это чувствую, я знаю...

В декабре 1828 года Лушников был арестован и по 1834 год сидел в разных крепостях. Затем служил в арестантских ротах и лишь в 1856 году получил право повсеместного жительства.

Интерес к событиям 14 декабря подогревался в Симбирске невольными посещениями города декабристами. Летом 1829 года через Симбирск проехал известный писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский (1797—1837). В сентябре 1837 года в Симбирске побывала груп-

[1] См.: П. Бейсов. Новые материалы о Кюхельбекере. — «Ульяновск. правда», 1955, № 176.

[2] См.: Де-Пуле. Отец и сын. — «Русский вестник», 1875, кн. 4—9.

па декабристов, следовавшая из Сибири на Кавказ через Казань, Симбирск, Пензу и 24 сентября посетившая Ивашевых в их доме на Венце. «Вчерашний день, — писал П. Н. Ивашев сыну, — я был приятно и неожиданно удивлен посещению людьми, коих имена только были мне весьма известны и коих несчастье сблизило сердцами: по высочайшей воле шестеро из колонизаций, из коих пять из Кургана и один из Ялуторовска, а именно: Нарышкин, Одоевский, Назимов, Лихарев, Лорер и Черкасов, определенные на военную службу в кавказских войсках, проезжая через Симбирск в сопровождении старика генерал-майора кн. Одоевского, отца, встретившего сына в Казани и, как ревностный аположист ранних дней моих (старик Одоевский был товарищем Ивашева по военной службе. — **К. С.**) со всеми путешественниками утешил меня несколькими часами приятнейшей беседы; вчера же они отправились в свой путь при благословениях двух стариков, не уступающих один другому в сердечных чувствах» [1].

Поэт-декабрист А. И. Одоевский (1792—1839), автор известного стихотворного отклика на пушкинское «Послание в Сибирь» (строчка этого отклика «Из искры возгорится пламя» послужила эпиграфом к ленинской газете «Искра»), был связан с симбирским дворянством. В Симбирской губернии находились его имение и имение его тетки Ланской.

Из Симбирска до почтовой станции поэта провожал отец. Там дорога разветвлялась: одна шла на Москву, другая — на Кавказ. В пути Одоевский сказал Нарышкину экспромт:

И мы на юг, в страну,
Где яхонт моря рдеет
И где из роз себе
Гнездо природа вьет [2].

Потом эти строки вошли в стихотворение «Куда несетесь вы, крылатые станицы?».

В апреле 1840 года (тоже проездом из Сибири на

---

[1] О. К. Буланова. Роман декабриста. Документальная повесть. М., Изд. политкаторжан, 1925, стр. 304.

[2] «Русская старина», 1881, № 9, стр. 6—7.

Кавказ) в Симбирск к своей сестре прибыли братья-декабристы Беляевы. В 1846 году в городе жил декабрист Цебриков.

Отголоски декабристских настроений теплились в некоторых симбирских дворянских семьях вплоть до 60-х годов прошлого столетия, когда они дали себя знать защитой либеральных позиций в крестьянском вопросе. Один из современников той эпохи, отец известного академика, Героя Социалистического Труда А. Н. Крылова, описывая борьбу в губернии вокруг предстоящего освобождения крестьян от крепостной зависимости, говорит, что только небольшая кучка помещиков смело высказывалась за эмансипацию крестьян с землей и без выкупа. «Это были осколочки людей 14 декабря, — замечает он, — и близких к ним» [1].

На умы передовых симбирских дворян конца XVIII и начала XIX веков оказывало некоторое влияние такое общественное явление, как вольтерьянство. «Властитель дум своего времени», Вольтер был широко известен и в провинции, в частности в Симбирской губернии. «Непостижимо, как повсеместно было его имя, — вспоминал племянник поэта И. И. Дмитриева. — Я помню (это было в моем детстве, в деревне, в захолустье), приезжавшая к нам из Сызрани женщина, безграмотная и простого звания, говорила о ком-то, что он держится вольтерьянской веры, она хотела назвать этим безверие» [2]. Автор известных мемуаров Н. А. Огарева-Тучкова, характеризуя 20—30-е годы XIX столетия в провинции (Пензенская и Симбирская губернии), пишет, что «все образованное меньшинство общества того времени» было поклонником Вольтера [3].

Образ симбирского помещика-вольтерьянца нарисовал И. А. Гончаров в воспоминаниях «На родине». Это — Козырев.

«Козырев был, — пишет он, — поклонником Вольтера и всей школы энциклопедистов, и сам смотрел маленьким Вольтером, острым, саркастическим, как многие тогда поклонники Вольтера. Дух скептицизма, отрицания све-

---

[1] «Исторический вестник», 1903, № 9, стр. 789.

[2] М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, стр. 49.

[3] См.: Н. А. Огарева-Тучкова. Воспоминания. М., Гос. изд. худож. литературы, 1959, стр. 30.

тился в его насмешливых взглядах, улыбке и сверкал в речах. Беседой нашей с ним служили французские писатели» [1].

Однако вольтерьянство не преследовалось, ибо оно не было способно поколебать основы строя, снисходительно относясь к его порокам.

Немаловажным социально-политическим фактором в общественной жизни города и края являлась высокая устно-поэтическая культура Поволжья. В большом количестве в народе бытовали былины, исторические песни, сказы и легенды о Разине и Пугачеве, сатирические сказки, пословицы и поговорки, драмы, песни. И прав П. С. Бейсов, утверждая, что «нет ни одного писателя и поэта, связанного с Поволжьем, который не испытывал бы живительного влияния устного народного творчества» [2].

5.

Симбирск, Волга—родина известного поэта пушкинской эпохи Николая Михайловича Языкова (1803—1847). Здесь он провел значительную часть своей жизни. В 20-е годы под влиянием декабристских идей и настроений, дружбы с Пушкиным в лирике Языкова преобладали вольнолюбивые и анакреонтические мотивы. В последние годы жизни, примкнув к правому крылу славянофилов, поэт перешел на реакционные позиции.

Неизгладимое впечатление произвела на Языкова Волга, ставшая любовью и вдохновением на всю жизнь. «Я волжанин»,— с гордостью любил говорить о себе Языков. Волга с ее преданиями, легендами и песнями скрасила незавидное домашнее воспитание, стала своего рода противоядием влиянию пустой жизни городского дворянства.

В 1820—1821 годах поэт жил в Симбирске. По словам Д. Садовникова, серьезно занимавшегося биографией Языкова, поэт за это время написал «много стихов, писал

---

[1] И. А. Гончаров. На родине. Изд. «Ульяновск. правда», 1956, стр. 20.

[2] П. С. Бейсов. Гончаров и родной край. Куйбышев, Кн. изд., 1960, стр. 19.

их всякому, кто ни попросит» [1]. К сожалению, эти стихи до нас не дошли. Но праздная, животная жизнь окружающего общества не удовлетворяла молодого поэта. «Как бы ни было, — писал он брату, — а здесь заниматься почти невозможно: весь день приносишь жертву богу объедения, и одна ночь остается на упражнения ума, к которым тело, отягченное дневными суетами, неспособно» [2].

Летом 1821 года Языков уехал в Петербург, а затем в Дерпт продолжать образование. Через три года поэт снова в Симбирске, где написал стихотворение «Разбойники» (отрывок из задуманной повести, основу которой должны были составить волжские легенды и предания) и одно из любимых своих произведений — «Родина» («Нечто о моем пребывании в Симбирске»). И здесь на первом месте «властительница русских вод» — Волга.

Весной 1829 года, окончательно расставшись с Дерптом, Языков, уже прославленный поэт, ненадолго приехал в Симбирск с желанием «петь... Волгу». Шел май. Все зеленело, цвели сады, спускавшиеся к самой Волге. А разлив этой весной был особенно полноводен, могуч и широк, напоминая море.

Через ее разлив не перекинешь взгляда,
Чрез море вод и островов...

Поэт часами неотрывно смотрел на реку, стоя у обрыва Венца. В непогожие дни Волга хмурилась, вскипала пеной разбушевавшихся волн, среди которых белыми точками мелькали паруса смелых рыбаков. В тихие ясные дни река отливала голубым зеркалом и манила в сверкающие дали. Но какой бы Волга ни была, она всегда волновала, будила в душе чувства бодрости, звала к борьбе, рождала образы, мотивы. Через несколько дней Языков читал своим близким стихотворение «Пловец», одно из лучших его созданий, полное глубокого чувства и мысли.

Нелюдимо наше море.
День и ночь шумит оно...

---

[1] Языковский архив. Вып. 1. СПб., Изд. Академии наук, 1913.
[2] Там же, стр. 408.

«Пловец» действительно навеян Волгой, а не морем, как ошибочно сказано в одном из сборников. В рукописи стихотворения есть авторская пометка: «Симбирск, 1829». В самом языке этого стихотворения, в громкозвучной размашистой его мелодии есть что-то от широкого волжского раздолья.

Будучи напечатанным, «Пловец» вызвал совершенно исключительные восторги современников. И. Киреевский писал Языкову: «Поздравляю тебя с «Пловцом». В нем все, чего тебе не доставало прежде: глубина чувств, обнявшись с мыслью... Но откуда ты взял такую поэзию чувства и мысли?» [1] Переложенный Вильбуа на музыку, «Пловец» стал широкоизвестной песней, популярной и в наше время.

По свидетельству Дмитрия Ильича Ульянова, брата Ленина, Владимир Ильич любил петь эту песню дуэтом с сестрой Ольгой. «...И я помню, — вспоминает Дмитрий Ильич, — впечатление от последнего куплета:

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья!
Бурей полный,
Прям и крепок парус мой.

Я почти не помню в пении Владимира Ильича минора, грусти, у него всегда звучали отвага, удаль, высокий подъем и призыв», — замечает Дмитрий Ильич Ульянов [2].

Бытовала в семье Ульяновых и другая популярная песня Языкова «Из страны, страны далекой, с Волги-матушки широкой». Написанная в 1827 году в Дерпте, она стала одной из популярнейших песен демократического студенчества и дожила до самого недавнего времени. В этой среде песня претерпела некоторые текстовые изменения и приобрела более прогрессивный характер.

«Гимназистами в старших классах в Самаре, — вспоминает Дмитрий Ильич Ульянов, — мы пели хором обычные, ходовые в то время песни, вроде «Коперника», «Быстры, как волны», «Из страны, страны далекой» и

---

[1] Н. М. Языков. Полн. собр. стих. М. — Л., «Academia», 1934, стр. 794.

[2] Д. И. Ульянов. Любовь к музыке. — В кн.: В. И. Ленин о литературе и искусстве. Изд. 3-е, доп. М., «Худож. литература», 1967, стр. 617.

т. д. Владимир Ильич принимал участие в пении и даже добавил куплет к «Копернику» [1].

Из всех приездов Языкова в Симбирск этот явился наиболее плодотворным в художественном отношении. Поэт написал: «Тот не поэт», «Язык души красноречивый», «А. М. Готовцевой», «Другу» и др.

Но и расставшись с Симбирском, Языков не забывает Волгу. В 1840 году в стихотворении «К Рейну» он дает поэтическое описание всех основных рек Симбирской губернии, «этих данников и данниц величавой державной северной реки», и поет «своего рода торжественный гимн во славу родной Волги». В обращении к Рейну Языков говорит:

Я — волжанин: тебе приветы Волги нашей
Принес я. Слышал ты об ней?
Велик, прекрасен ты! Но Волга больше, краше,
Великолепнее, пышней,
И глубже, быстрая, и шире, голубая!..

Во Дворце книги имени В. И. Ленина в Ульяновске хранится портрет поэта неизвестного, возможно, крепостного художника. Сохранился и дом Языковых в Ульяновске (ул. Советская), где помещается сейчас детский дом. В этом доме бывали Пушкин, Анненков, поэт-славянофил Хомяков, братья Киреевские, Денис Давыдов, Соллогуб, Ознобишин.

6.

Осенью 1833 года, совершая путешествие в Среднее Поволжье, Александр Сергеевич Пушкин (1799—1837) приехал в Симбирск. Здесь он надеялся собрать сведения о Пугачеве, над историей которого работал. Симбирск мог дать материалы о «мужицком царе». Пугачев дважды был в городе: в декабре 1772 года его под стражей везли в Казань через Симбирск, а в октябре 1774 года он был доставлен сюда в цепях. Здесь и произошел его смелый разговор с графом Паниным, так поразивший собравшийся народ.

Симбирск привлекал Пушкина и как родина близких

---

[1] Д. И. Ульянов. Воспоминания о Владимире Ильиче. М., Изд. политич. литературы, 1964, стр. 40.

ему людей — братьев Тургеневых, Карамзина, Дмитриева, Языкова.

В Симбирск поэт приехал днем 10 сентября. Сопровождал его камердинер Ипполит, о котором он писал жене: «Одно меня сокрушает: человек мой. Вообрази себе тон московского канцеляриста: глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные рябчики, пьет мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом. Бесит меня, да и только. Свет-то мой Ипполит!» [1]

Где остановился Пушкин в городе, точно неизвестно, скорее всего в одной из гостиниц. По рассказам многочисленных симбирских знакомых, поэт хорошо был осведомлен о городе.

Что собой представлял в то время Симбирск, видно из описания его И. А. Гончаровым. «Те же большею частью деревянные, посеревшие от времени дома и домишки, с мезонинами, с садиками, иногда с колоннами, окруженные канавками, густо заросшие полынью и крапивой, бесконечные заборы; те же деревянные тротуары, с недостающими досками, та же пустота и безмолвие на улицах, покрытых густыми узорами пыли. Вся улица слышит, когда за версту едет телега или стучит сапогами по мосткам прохожий» [2].

В день приезда Пушкин посетил губернатора Загряжкого, передавшего ему письмо от жены, первое после отъезда из Петербурга. Об адресовании писем на Загряжского, приходившегося Пушкину дальным родственником, поэт договорился с женой заранее. Встретился со старожилами, лично видевшими Пугачева, в частности с 83-летним помещиком Шуваловым, который, когда ему было 16 лет, служил у Пугачева ефрейтором. Совершил прогулку по Венцу.

Утром 11 сентября Пушкин уехал за 65 верст в село Языково к поэту Н. М. Языкову, переночевал там и 12-го днем вернулся в Симбирск. На обеде у губернатора он встретился и беседовал со Второвым, а в ночь на 13 сентября поехал в Оренбург горной дорогой (по правому берегу Волги). Добравшись до Сенгилея, вернул-

---

[1] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. В 10-ти т., т. 10. М., «Наука», 1966, стр. 448.

[2] И. Гончаров. На родине. Изд. «Ульяновск. правда», 1956, стр. 22.

ся обратно, о чем подробно рассказал в письме к жене от 14 сентября. «Опять я в Симбирске. Третьего дня, выехав ночью, отправился я к Оренбургу. Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне ее. Черт его побери, дорого бы дал я, чтобы его затравить. На третьей станции стали закладывать мне лошадей — гляжу, нет ямщиков — один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решился я возвратиться и ехать другой дорогой; по этой на станциях везде по шесть лошадей, а почта ходит четыре раза в неделю. Повезли меня обратно — я заснул — просыпаюсь утром — что же? не отъехал я и пяти верст. Гора — лошади не взвезут — около меня человек 20 мужиков. Черт знает, как бог помог — наконец взъехали мы, и я воротился в Симбирск. Дорого бы дал я, чтоб быть борзой собакой; уж этого зайца я бы отыскал. Теперь еду опять другим трактом. Авось без приключений.

Я все надеялся, что получу здесь в утешение хоть известие о тебе — ан нет» [1].

Вечером 13 сентября Пушкин присутствовал на обеде у брата поэта Языкова, Александра Михайловича, в его доме на Спасской улице (ныне Советской). Пушкин был знаком с ним и очень его ценил. Среди дворянской интеллигенции Симбирска А. М. Языков представлял незаурядную личность. Разносторонне талантливый, он много читал, занимался самообразованием, брал в Москве уроки у лучших профессоров, страстно увлекался собиранием фольклора. На обеде присутствовали генерал-майор Г. В. Бестужев, братья Юрловы, ветеран 1812 года Аржавитинов и помещик Столыпин (вероятно, А. А. Столыпин, родственник Лермонтова по бабушке). После обеда все гости посетили Юрловых в их доме на Покровской (ныне удица Льва Толстого, дом этот впоследствии перестроен). По свидетельству Юрлова, Пушкин много острил, декламировал и импровизировал.

На другой день (14 сентября) Пушкин выполнил

---

[1] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. В 10-ти т., т. 10. М., «Наука», 1966, стр. 447.

Отзвуком пребывания Пушкина в Сенгилее является рассказ (не опубликован) престарелой жительницы этого городка Рамзаевой о том, как ее сосед, будучи мальчишкой, возил поэта. Рассказ был записан сотрудницей Ульяновского краеведческого музея в 1963 году.

просьбу своего знакомого, князя В. Ф. Одоевского — посетил его мать, бывшую вторично замужем за здешним градоначальником Сеченовым. Спустя полтора месяца поэт, не без тонкой иронии, писал Одоевскому из Болдина: «Теперь донесу Вашему сиятельству, что, будучи в Симбирске, видел я скромную отшельницу, о которой мы с Вами говорили перед моим отъездом. Недурна. Кажется, губернатор гораздо усерднее покровительствует ей, нежели губернаторша. Вот все, что мог я заметить» [1].

Написав жене письмо, уже цитированное нами, Пушкин отправился в Оренбург, избрав на этот раз более благоустроенный заволжский, степной тракт. У переправы через Волгу, в ожидании парома, поэт сделал в своей зеленой тетради зарисовку Симбирска со стороны Смоленской горы. Этот единственный волжский пейзаж, набросанный рукой Пушкина, помещается в двух страничках его дорожной тетради: карандашом помечены крутая гора, спускающаяся к Волге, церковь, несколько домиков на горе и под горою. Под рисунком подпись: «Смоленская гора (церковь смоленская) и дом Карамзина. 15 сен. Волга». (Цит. по ст.: П. Краденов. Пушкин в Симбирске. — «Ульяновск. правда», 1945, № 239—240.)

В Симбирске Пушкин прожил в эту поездку дольше, чем в других городах. На обратном пути поэт ехал через Сызрань, Тереньгу, Большие Ключищи и 29 сентября ранним утром еще раз побывал в Симбирске, но не останавливался и поехал прямо московским трактом в село Языково.

Пребывание Пушкина в Симбирске и губернии не осталось бесследным. Собранные им пугачевские материалы были использованы в «Истории Пугачева». Произошли изменения и в творческой истории «Капитанской дочки». Главный герой повести Гринев стал уроженцем Симбирской губернии, в которой существовали мелкие помещики Гриневы. Один из них служил в 70—80-е годы XVIII столетия в армии. Другие жили в селе Воецком (ныне Майнского района), где и до сих пор одну часть села старики зовут «гриневской барщиной». Об этих Гриневых могли сообщить Пушкину Языковы. Само

[1] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. В 10-ти т., т. 10. М., «Наука», 1966, стр. 455.

действие повести частично перенесено в пределы Симбирской губернии. В симбирской деревне, недалеко от города, проходит детство и отрочество Гринева. В Симбирске произошла встреча Гринева с Зуриным. В опущенной главе повести рассказывается о посещении деревни Гринева пугачевцами во главе со Швабриным, о разгроме этого отряда Зуриным.

Приезд Пушкина явился крупным событием в культурной жизни края. Прежде всего он всколыхнул передовые слои дворянской интеллигенции, группировавшиеся вокруг Языковых и Д. В. Давыдова. Литературные новости, привезенные Пушкиным, его собственные творческие искания и борьба за их реализацию, беседы о том, в каком направлении действовать писателю, какие основные идейные задачи вставали перед русской литературой, — все это, естественно, вызывало оживленные суждения, нашедшие отражение не только в разговорах, но и в переписке.

В Симбирске и губернии многие образованные люди восторженно увлекались Пушкиным: переписывали его стихи в альбомы, тетради, по рукам ходили рукописные экземпляры «Евгения Онегина». Один из них хранится в Ульяновском Дворце книги. Там же находится альбом Ланской, где на первом месте стоят стихи Пушкина, туда же вложен рукописный список «Евгения Онегина». Существовал альбом княгини Оболенской (до сих пор не найден), где рукою поэта были вписаны неизвестные нам стихи.

Изысканиями П. С. Бейсова установлено, что распространялись вольнолюбивые стихи Пушкина и других писателей, потаенные произведения о гибели поэта — «На смерть поэта» Лермонтова, письмо дочери Карамзина (Мещерской). Один список стихотворения Лермонтова «На смерть поэта» сохранился в семье А. С. Кабанова, домашнего учителя семьи Ульяновых. С ним был знаком и Володя Ульянов.

Пушкина любили в семье Ульяновых. В их библиотеке имелось собрание сочинений поэта под редакцией Ефремова. Не без влияния «Капитанской дочки» Володя Ульянов с другими товарищами-гимназистами увлекался сбором легенд, преданий и песен о Пугачеве, о его пребывании в Симбирске, посещал места, связанные с Пугачевским движением. Некоторые из гимназистов на

основе собранного фольклора и «Капитанской дочки» писали рассказы, стихи. Д. М. Андреев, товарищ Володи Ульянова по гимназии, в своих воспоминаниях приводит одно из таких стихотворений — «Разговор Панина с Пугачевым в Симбирске». Вот что в нем говорит Пугачев Панину:

Вороненок я — не ворон!
Ворон скоро прилетит,
К сытым мести будет полон,
Всех несытых ублажит.
Издевался дворяне
Без конца над мужиком,
Не в такой — кровавой бане
Быть за это им потом.

И Андреев замечает: «Многие из нас переписывали эти стихи для себя. Ульянову они нравились. Он даже читал их громко во время перемены»[1].

Так с ранних лет формировалась у Ленина любовь к Пушкину, пронесенная через всю его жизнь.

Жива память о Пушкине и в народе: это «Пушкинская ель» в Языкове; сказы о пребывании поэта в Сенгилее; упорно бытующее убеждение в селе Воецком, что именно их мелкий помещик Гринев послужил прототипом героя «Капитанской дочки».

Симбирск-Ульяновск не раз служил местом находок рукописей Пушкина. В 1897 году связку рукописей поэта обнаружил Д. Сапожников. В 1920 году найдено 5 подлинных писем Пушкина к Н. М. Языкову. В 1931 году Н. Н. Столов отыскал в архиве В. Назарьевой 8 подлинных рукописей.

7.

Особо значительную роль сыграл Симбирск в жизни и творчестве Ивана Александровича Гончарова (1812—1891), одного из великих представителей русской классической литературы. Известно, что В. И. Ленин часто обращался к Гончарову, используя в своих работах образ Обломова и понятие обломовщины.

---

[1] Д. М. Андреев. В гимназические годы. — «Звезда», 1941, № 6, стр. 6.

В Симбирске Гончаров родился, провел детство, учился в городском пансионе, приезжал сюда на каникулы из Московского коммерческого училища и университета (1822—1834) и почти год служил в канцелярии симбирского губернатора. Неоднократно приезжал он в родной город и потом (1849, 1855, 1862), живя здесь иногда месяцами.

Очень многое связывало Гончарова с Симбирском. В конкретных условиях городской общественной и бытовой обстановки формировался характер Гончарова, возникали его творческие замыслы. Здесь, среди «картин сна и застоя», наблюдал он будущих героев «Обломова».

Первоначальное образование писатель получил в Симбирске. Большое положительное влияние на Гончарова оказал его крестный отец, отставной офицер-моряк, помещик Н. Н. Трегубов (в воспоминаниях «На родине» Трегубов выведен писателем под именем Якубова). Масон, связанный с Южным обществом декабристов, Трегубов был образованным человеком, «чистым самородком честности, чести, благородства и той прямоты души, которой славятся моряки, и притом с добрым, теплым сердцем» [1]. От него юный Ваня получил много полезных сведений по математике, физике, истории, географии.

Многим хорошим обязан Гончаров также и своей матери, энергичной женщине, о которой он впоследствии писал: «Ни о ком у меня мысль так не светла, как о ней» [2].

Значительный след оставила и служба Гончарова в Симбирске. Бейсов, приводя многочисленные факты, говорит, что за год работы в Симбирске перед Гончаровым «раскрылись в трагической глубине непримиримые противоречия между дворянской и крестьянской Россией» [3]. Жизнь города и губернии вплотную обнажила свои язвы перед молодым секретарем канцелярии губернатора. Детские и юношеские впечатления об обломовщине,

---

[1] И. Гончаров. На родине. Изд. «Ульяновск. правда», 1956, стр. 16.

[2] «Вестник Европы», 1907, № 2, стр. 586—587.

[3] П. С. Бейсов. Гончаров и родной край. Куйбышев, Кн. изд., 1960, стр. 43.

в которых было много неясного, дополнялись впечатлениями взрослого человека.

Немало дали Гончарову и его последующие приезды в Симбирск.

В 1849 году родной город увидел Гончарова уже известным писателем, автором «Обыкновенной истории», получившей блестящую оценку Белинского.

Все культурное население города было взволновано приездом прославленного земляка. «Все начинают читать «Обыкновенную историю», — вспоминает один из современников, — все спрашивают: «А вы читали? Ах, как хорошо!» [1]

Этот же современник, домашний учитель семьи Гончаровых, Г. Н. Потанин, сохранил нам и тогдашний внешний облик Гончарова. «Мужчина среднего роста, полный, бледный, с белыми руками, как фарфор; коротко остриженные волосы, голубовато-серые глаза, как на портрете отца, но улыбка не отцовская, насмешливая. Одет он был безукоризненно: визитка, серые брюки с лампасами и прюнелевые ботинки с лакированными носками, одноглазка на резиновом шнурке и короткая цепь у часов, где мотались замысловатые брелоки того времени: ножичек, вилочка, окурок, бутылка и т. п. Гончаров был подвижен, быстр в разговоре, поигрывая одноглазкой, цепочкой или разводил руками» [2].

Популярность писателя была в Симбирске огромна. «Общество дворян и купцов осаждало его день и ночь, точно они хотели видеть невиданного страуса или белого слона» [3].

О своем пребывании в родном городе, о впечатлениях от него и знакомых, о встрече с Анненковым довольно подробно рассказал писатель в письмах к Майковым.

В Симбирске Гончаров пережил увлечение гувернанткой В. А. Лукьяновой, которое перешло в глубокую любовь, оказавшуюся неудачной. Сердечная рана оставила след на всю жизнь.

В городе Иван Александрович прожил четыре месяца. В это время он продолжал работать над «Обломовым» и напряженно обдумывал план нового романа,

---

[1] Г. Н. Потанин. Воспоминания об И. А. Гончарове. — «Истор. вестник», 1903, № 4, стр. 107.

[2] Там же, стр. 109.

[3] Там же, стр. 116.

навеянного встречей со знакомыми местами. В письме к А. А. Краевскому он сообщал из Симбирска: «Моя поездка и все приобретенные в ней впечатления дали уже много материала на другой рассказ, но все это пока материал, который еще не убродился в голове, и что из него выйдет, я хорошенько и сам не знаю» [1].

В конце сентября 1849 года И. А. Гончаров отправился в Петербург. Провожали его торжественно: многочисленные коляски и кареты сопровождали до станции Кондорать (ныне село Карсунского района).

В 1855 году, возвращаясь через Сибирь из кругосветного путешествия, Гончаров ненадолго заехал в Симбирск повидать брата и сестру.

Летом 1862 года писатель снова появился в Симбирске и жил у сестры А. А. Музалевской. Политическая атмосфера в городе была накалена — шла борьба вокруг крестьянского вопроса. А он в Симбирской губернии с ее ярко выраженным помещичье-крепостническим характером землевладения стоял довольно остро. Крестьяне были недовольны реформой и волновались. Многие помещики бежали из своих поместий в город. Эта обстановка захватила Гончарова и сказалась на пересмотре замысла романа «Обрыв», над которым он в то время работал. Произошли изменения в образе Веры, Волохова, ставшего потом «карикатурой на нигилизм». Под нигилизмом Гончаров подразумевал революционную демократию. Симбирские наблюдения сказались и на других компонентах «Обрыва»: сценах, репликах, намеках, новых чертах характера героев — особенно в главах, не вошедших в основной текст романа.

Приезд Ивана Александровича в Симбирск в 1862 году был последним. Через 12 лет он пытался описать это путешествие в очерке «Поездка на Волгу», предназначенном для сборника в пользу голодающих Среднего Поволжья. В очерке писатель впервые коснулся крестьянской темы. К сожалению, произведение осталось незаконченным [2].

Однако связь Гончарова с Симбирском не прекращалась до самой смерти. Выражалась она исключительно в переписке с родными (братом, сестрой, невесткой), в от-

---

[1] «Волжская новь» (альманах). Куйбышев, 1940, стр. 81.
[2] См.: «Звезда», 1940, № 2.

кликах на культурно-просветительные мероприятия, проводившиеся в городе. Так, Иван Александрович принял активное участие в восстановлении после пожара бывшей Карамзинской библиотеки, послав туда очень много книг.

Почти все, что написано Гончаровым, начиная с первой повести «Нимфодора Ивановна», в которой впервые нашли отражение впечатления раннего детства, в той или иной степени навеяно Симбирском, местными наблюдениями, встречами, фактами. Даже «Фрегат Паллада» известным образом обязан симбирянину Трегубову, пленившему воображение маленького Вани рассказами о кругосветных путешествиях.

С признанием о том, что Симбирск, его люди, быт, приволжская природа являются первоисточниками знаменитых романов, Гончаров выступал неоднократно. «То, что не выросло и не созрело во мне, чего я не видел, не наблюдал, чем не жил, то недоступно моему перу. И я написал только то, что переживал, что мыслил, чувствовал, что любил, что близко видел и знал, словом, писал и свою жизнь и то, что к ней прирастало»[1]. «Я сам и среда, в которой я родился и воспитывался, жил, — все это, помимо моего сознания, само собою отразилось силою рефлексии у меня в воображении»[2].

Свою неразрывную связь с родиной, с Волгой, с «почвой родной Обломовки», Гончаров особенно подчеркивал. Путешествуя вокруг света, за тысячи километров от Симбирска, он пишет: «Однообразные картины родного Поволжья милее и ближе... в них есть что-то даже материнское...» «На Мадере, — рассказывает он во «Фрегате Паллада», — я чувствовал ту же свежесть и прохладу волжского воздуха, который пьешь, как чистейшую ключевую воду»[3]. По меткому замечанию Е. А. Соловьева, родина «снабдила его (Гончарова. — *К. С.*) на всю жизнь запасом резко определенных целостных впечатлений»[4].

---

[1] И. А. Гончаров. Полн. собр. соч. В 12-ти т., т. 11, Изд. Маркса, 1899, стр. 90.

[2] И. А. Гончаров. Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938, стр. 153.

[3] И. А. Гончаров. ПСС, т. 5, стр. 117.

[4] Е. А. Соловьев. И. А. Гончаров. СПб, 1895, стр. 11.

В статье «Лучше поздно, чем никогда» Гончаров говорит: «Когда я писал «Обыкновенную историю», я, конечно, имел в виду — и себя, и многих подобных мне, учившихся дома или в университете, живших по затишьям, под крылом добрых матерей, и потом отрывавшихся от неги, от домашнего очага, со слезами, с проводами, как в первых главах «Обыкновенной истории», и являвшихся на главную арену деятельности, в Петербург» [1].

Еще определеннее авторские указания в отношении романа «Обломов». В своих воспоминаниях «На родине» он пишет: «Мне кажется, у меня, очень зоркого и впечатлительного мальчика, уже тогда, при виде всех этих фигур, этого беззаботного житья-бытья, безделья и лежанья, и зародилось неясное представление об «обломовщине». И по приезде домой, по окончании университетского курса, меня обдало той же «обломовщиной», какую я наблюдал в детстве» [2].

Наиболее тесно связан с Симбирском и Волгой последний роман Гончарова «Обрыв». Место действия, образы, природа, заголовок — все взято из родных мест, которые в 1849 году и натолкнули писателя на создание этого произведения. «Как только я приехал на Волгу, на меня, как будто сон, слетел весь план романа» [3]. «Тут хлынули ко мне старые, знакомые лица, я увидел еще не отживший патриархальный быт, и вместе новые побеги, смесь молодого со старым: сады, Волга, обрывы Поволжья, родной воздух, воспоминания детства... Я унес новый роман, возил его вокруг света в голове и в программе» [4]. И в другом месте: «План романа «Обрыв» родился у меня... на Волге, когда я, после четырнадцатилетнего отсутствия, в первый раз посетил Симбирск, свою родину. Старые воспоминания ранней молодости, новые встречи, картины берегов Волги, сцены и нравы провинциальной жизни — все это расшевелило мою фантазию, и я тогда же начертил программу всего романа» [5]

---

[1] И. А. Гончаров. Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938, стр. 154.

[2] И. Гончаров. На родине. Изд. «Ульяновск. правда», 1956, стр. 22.

[3] И. А. Гончаров. ПСС, т. 1, стр. 53.

[4] Там же, стр. 38.

[5] И. А. Гончаров. Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938, стр. 132.

«Набросаны были в программе многие характеры и большая часть сцен, как они потом написаны» [1].

Влияние родины в какой-то степени определило и некоторые стороны стиля Гончарова. Так, яркая жанровая колоритность его произведений была бы едва ли возможна, если бы не было симбирских наблюдений над «беззаботным житьем-бытьем, бездельем и лежанием», над «картиной сна и застоя».

По свидетельству гончаровских исследователей, мемуаристов, заявлениям современников, многие симбиряне послужили прототипами героев писателя. По одной версии, прообразами Веры и Марфиньки («Обрыв») явились воспитанницы помещика Киндякова, по другой — прототипом Веры — Е. П. Майкова, по третьей — сестры Рудольф (свояченицы писателя): старшая, Аделаида, серьезная, начитанная, волевая, и младшая, Эмилия, бойкая, жизнерадостная.

Наиболее сложен образ Веры, до сих пор еще недостаточно раскрытый, несмотря на то, что из всех гончаровских женщин она больше всех волнует современного читателя. Она и задумана была вначале как героическая девушка, рвущая с семьей, помещичьим обществом и следующая за любимым человеком в Сибирь. Такой замысел мог быть навеян поступком Камиллы Ледантю, приехавшей в качестве невесты к декабристу В. П. Ивашеву.

О прототипах Волохова («Обрыв») Гончаров писал Е. П. Майковой: «Я сам видел (не двух и трех, а десятки) их в 1862 году и в Москве и на Волге» [2]. По преданию, прообразом М. Волохова послужил сосланный в Симбирск Бернгольц. «Вместо нигилиста Волохова, — писал Гончаров, — каким он вышел в печати, у меня тогда был намечен в романе сосланный под надзор полиции, по неблагонадежности, вольнодумец» [3]. Есть и еще одно предположение: Волохов списан с племянника писателя, студента Владимира Кирмалова.

Прототипом бабушки была мать Гончарова. В Тите Ватутине современники видели Трегубова. Слуги, по признанию автора, списаны с живых лиц. Слуги дома Гонча-

---

[1] И. А. Гончаров. Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938, стр. 105.

[2] И. А. Гончаров. Собр. соч., т. 8. ГИХЛ, 1955, стр. 401.

[3] Сб. Российской публичн. биб-ки, т. 2. Пг., 1924, стр. 15.

ровых, Никита и Софья, явились прообразами Евсея и ключницы в «Обыкновенной истории». Старая няня Аннушка — няня Обломова.

В книге «Фрегат Паллада» прообразом барина (глава «Силуэт англичанина и русского») послужил родственник писателя М. М. Кирмалов.

«Все это портреты, типы — слишком местные, вышедшие из небольшого приволжского угла... в них сквозит много близкого и родного автору», — говорит Гончаров о героях своих произведений. Это верно. Но вместе с тем со всей силой надо подчеркнуть, что местный симбирский материал доведен в творчестве Гончарова, особенно в «Обломове», до широкого художественного обобщения. Его герои типичны. В них отразилась жизнь той эпохи со многими ее характерными сторонами. Недаром В. И. Ленин говорит про Обломова, что это «тип русской жизни».

И прав в своем выводе П. С. Бейсов: «Глубокая связь творчества писателя с родным краем несомненна. Но воспитала его как художника Россия Пушкина и Белинского. Всем тем, что есть ценного в его творчестве, он обязан ей, великой России» [1].

«Обрыв» Гончарова появился в печати в 1869 году. В Симбирске его читали «запоем». Это увлечение, конечно, не миновало и семьи Ульяновых, которая приехала в Симбирск в том же году и в которой интерес к литературе и искусству всегда был велик.

Увлечение «Обрывом» пережил и гимназист Володя Ульянов. Его товарищ по гимназии Д. Андреев вспоминает: «Той же весной (вероятно, в 1885 г. — К. С.) мы ходили в Киндяковскую рощу, к обрыву, описанному Гончаровым. Гимназисты под свежим впечатлением романа ходили в Киндяковку посмотреть на знаменитые места. Я был там в компании с Ульяновым и Сердюковым. До Киндяковки нас провожал отец Володи. Он хорошо знал окрестных помещиков и рассказывал нам, кого Гончаров описывал в своих романах. У Киндяковки отец Ульянова сел в ехавший за нами тарантас и отправился дальше по делам, а мы трое долго бродили еще по Киндяковской роще и рассуждали о Волохове, о Ве-

---

[1] П. С. Бейсов. Гончаров и родной край. Куйбышев, Кн. изд., 1960, стр. 87.

ре, о Райском. Мы обошли весь обрыв, искали следы знаменитой беседки и старались представить себе, как пробирался к этой беседке Волохов. Мы так увлеклись, что не заметили, как село солнце и наступил вечер. Это была наша последняя прогулка перед летними каникулами» [1].

А Илье Николаевичу было что рассказать о Гончарове и источниках его романов. Он состоял членом комитета Симбирской Карамзинской библиотеки, где почетным членом был и Гончаров. Известны были Ульянову также местные статьи о Гончарове из «Симбирского сборника исторических и статистических материалов», рассказы знакомых старожилов.

Володя Ульянов был знаком и с другими сочинениями И. А. Гончарова (в семье имелось собрание сочинений писателя), в частности с «Обломовым», который занял первое место в памяти вождя. В своих воспоминаниях А. В. Луначарский приводит слова В. И. Ленина: «Вот стихи Пушкина люблю, Гончарова люблю» [2].

Ульяновск свято хранит память о своем великом земляке. В краеведческом музее, помещающемся в доме-памятнике писателю, имеется специальная гончаровская комната, где собраны портреты, картины, вещи, принадлежавшие писателю, его письма и домашний «Летописец». В 1955 году краеведческому музею Президиум Верховного Совета РСФСР присвоил имя И. А. Гончарова. В художественном музее города имеется много картин на гончаровские темы — Пузыревского, Архангельского и других. Есть беседка-памятник, сооруженная в 1912 году в ознаменование столетия со дня рождения Гончарова. Она построена на обрыве, описанном в романе. Памятник состоит из нескольких колонн с куполообразной крышей. В центре беседки обелиск с барельефным портретом романиста. Из беседки открывается прекрасный вид на Волгу.

На доме, стоящем на месте прежнего дома Гончаровых, имеется мемориальная доска. Имя писателя носит и главная улица Ульяновска. Возле Дворца книги имени

---

[1] Д. М. Андреев. В гимназические годы. — «Звезда», 1941, № 6, стр. 9.

[2] Цит. по ст.: В. Злобин. Гончаров и родной край. — «Ульяновск. правда», 1951, 5 августа.

В. И. Ленина (здесь хранится личная библиотека писателя — около 900 книг с автографами его и других писателей) в 1948 году открыт памятник Гончарову.

В июне 1837 года, сопровождая в качестве наставника будущего царя Александра II, заглянул в Симбирск знаменитый поэт и переводчик В. А. Жуковский (1783—1852). Он останавливался в доме губернатора. О Симбирске поэт был много наслышан от Н. М. Карамзина и А. И. Тургенева, а больше всего от А. Ф. Воейкова, мужа «Светланы» (урожденной Протасовой, чье имение находилось недалеко от города).

Жуковский встретился в Симбирске со своим старым другом П. Н. Ивашевым, который рассказал поэту про неудачные попытки смягчить наказание сыну-декабристу и просил облегчить его положение. Следы этих разговоров нашли отражение в последующей переписке. От нее сохранились два письма Жуковского к старику Ивашеву.

Жуковский интересовался карамзинскими местами в Симбирске, пребыванием здесь Пушкина, расспрашивал про Дмитриева. Долго бродил по Венцу, любуясь Волгой и ее далями, сделал зарисовку. Этот рисунок (он сохранился и находится в Институте русской литературы) поэт послал вместе с письмом А. И. Тургеневу, не поскупившись на похвалы симбирско-волжским видам.

В июне 1847 года «злая неволя» промчала на тройке через Симбирск великого украинского кобзаря Т. Г. Шевченко (1814—1861): жандармы, загоняя насмерть лошадей, везли его в ссылку в Оренбург. В Симбирске «я едва успел пообедать в какой-то харчевне или, вернее сказать, в кабаке», — записал Тарас Григорьевич в дневнике [1].

Через десять лет, возвращаясь из ссылки по Волге, Шевченко хотел посмотреть город и, в частности, взглянуть на памятник Карамзину, но пароход запоздал, погода испортилась, и поэт в город не попал.

8.

Симбирск считался отдаленным и тихим городом и временами служил местом ссылки политически неблагонадежных людей. Первым сосланным в Симбирск литератором оказался поэт и переводчик, друг юного Герцена и «самый близкий» человек Огареву, Н. М. Сатин (1814—1873). В Симбирск его выслали во исполнение приговора по делу Герцена, Огарева и Сатина, арестованных по доносу еще летом 1834 года за пение революционных песен.

Сатин служил в Симбирске в канцелярии губернатора и, как сын богатой матери-помещицы, вращался в местном высшем обществе. Человек острого ума и пылкого воображения, он быстро разглядел пустоту и пошлость жизни дворянско-чиновничьего общества, едко и зло высмеял его представителей, составив альбом метких карикатур. Альбом получил огласку, но, благодаря заступничеству

---

[1] Т. Г. Шевченко. Дневник. М., ГИХЛ, 1939, стр. 165.

губернатора, Сатин отделался легко: уничтожил альбом. Симбирская ссылка Сатина продолжалась с перерывами четыре года.

Впоследствии Сатин сотрудничал в «Современнике» и «Отечественных записках», переводил Шекспира, писал оригинальные стихи, из которых наибольшим успехом пользовались в свое время «Три подруги» и «Умирающий художник».

Яркую сатирическую картину быта и нравов симбирского дворянства нарисовал в поэме «Сашка» (1839) Михаил Юрьевич Лермонтов (1814—1841). Ее главный герой — уроженец Симбирска. Здесь проходят его детские и отроческие годы. Сопоставляя написанное Лермонтовым о симбирском дворянстве 20—30-х годов XIX века с письмами, дневниками и воспоминаниями, нельзя не отметить, что поэт удачно решил задачу реального воспроизведения жизни, близости к фактам, к природе.

Поэма говорит о произволе над крепостными, о деспотизме, грубости, бескультурье и пустоте помещичьей жизни, о ее животном характере.

Иван Ильич наш слыл, по крайней мере,
Любезником в своей симбирской сфере.
Он был врагом писателей и книг,
В делах судебных почерпнул познанья.
Спал очень долго, ел за четверых;
Ни на кого не обращал вниманья
И не носил приличия вериг [1].

Это отрывок из поэмы.

А вот факты. В письме к родным, называя Симбирск «болотом человеческих глупостей», местом, «где ничего не знают», поэт Языков сообщает: «Вот вам самые последние новости: Иван Ал. всякий день пьян... Мужиков бесчеловечно грабят... Губернатор спит и ничего не видит, в его глазах обдирают мужиков в правлении» [2]. Племянник Языкова, славянофил-историк А. Д. Валуев говорил: «Если бы я должен вечно жить в Симбирске, то скорее согласился бы быть лошадью, чем симбирским дворянином» [3].

Лермонтов довольно точно передал симбирский пейзаж, знаменитую гору над Волгой, великую реку,

---

[1] М. Ю. Лермонтов. Собр. соч. В 4-х т., т. 2. М., «Худож. литература», 1964, стр. 411.

[2] Языковский архив. Вып. 2. СПб., Изд. Акад. наук, 1913, стр. 407—409.

[3] Там же, стр. 408.

пристани, расположение города, его внешний облик. Все это сходится с описанием, сделанным Гончаровым, Соллогубом и др.

Однако нельзя согласиться с общей характеристикой Симбирска: «сон и лень вполне Симбирском овладели» [1],—которая с легкой руки поэта получила всероссийскую известность, сохранялась многие десятилетия, вошла в публицистическую литературу («сонный город»). В Симбирске билась и другая жизнь, как мы видели, жизнь, связанная с передовой русской культурой.

Творческие связи с теми или иными местами являются не только следствием личного пребывания в них писателя. Иногда они — результат широкого поступления материала от других лиц писательского окружения, выходцев из определенной местности. Рассказы, сообщения, воспоминания, письма, документы, часто яркие и занимательные, остаются в памяти писателей и порой находят отражение в художественных произведениях.

Именно такой характер носит творческая связь Лермонтова с Симбирском, где поэт никогда не был и о котором все же сумел написать. Связь поэта с городом осуществлялась через многочисленную родню и знакомых. Эта связь продолжалась всю жизнь Лермонтова, с детства до смерти. Она-то и обусловила симбирский характер поэмы.

Бабушка Лермонтова, Е. А. Арсеньева, с которой он жил сначала в Тарханах, а потом в Москве и Петербурге, была дочерью крупного пензенско-симбирского помещика А. Е. Столыпина. Она не раз бывала в городе, В местном архиве есть сведения о возможном пребывании Е. А. Арсеньевой в Симбирске в 1829 году.

Хорошо знали город братья бабушки, один из них жил здесь. От этих близких людей Лермонтов и мог прежде всего услышать рассказы о нравах симбирского дворянства.

Среди многих знакомых Лермонтова немало было симбирян: Урусов, писатель Соллогуб, семьи Мещериновых, Карамзиных, где поэта любили, как родного, в их домах имелись во множестве зарисовки видов Симбирска, Волги. Коренным симбирянином являлся Н. И. Поли-

---

[1] М. Ю. Лермонтов. Собр. соч. В 4-х т., т. 2. М., «Худож. литература», стр. 425—426.

ванов, владелец села Акшуат, товарищ поэта по университету, член студенческого кружка «16», герой (Лафа) поэм «Гошпиталь» и «Уланша». Известны стихи, посвященные Лермонтовым Поливанову. Поэт был знаком и состоял в переписке с таким знатоком симбирских дел, как А. И. Тургенев. Наконец, самые подробные и свежие сведения о жизни города Лермонтов получил от другого товарища по университету, Сатина, с которым очень часто встречался в 1837—1838 годах на Кавказе. Можно не сомневаться, что наблюдательный и колкий на язык, сам литератор и карикатурист, Сатин не поскупился на подробную информацию о жизни Симбирска.

Тесными связями Лермонтова с Симбирском объясняется появление и распространение в городе и губернии стихотворения «На смерть поэта», вошедшего в потаенную литературу нашего края.

Лермонтова любили и читали в семье Ульяновых. В их домашней библиотеке имелись «Сочинения Лермонтова», книга Гербеля «Русские поэты в биографиях и образцах». Поэт пользовался большой любовью и в среде учителей, близких к Ульяновым.

Небезынтересно отметить, что одним из многих откликов на трагическую гибель поэта были три стихотворения симбирской поэтессы В. Н. Анненковой (1795—1866), близко знавшей Лермонтова. Стихи Анненковой вышли отдельным изданием в 1844 году под заглавием «Для избранных. Стихотворения Варв. Анненковой». Симбирянкой оказалась и Е. А. Сушкова, автор известных «Записок» (воспоминаний о поэте).

С Симбирском связана литературно-общественная деятельность В. А. Соллогуба (1814—1882), сыгравшего заметную роль в литературной жизни своего времени. Он был крупным помещиком губернии. Начиная с 1822 года, стал бывать в Симбирске. В 1839 году он участвовал в составлении статистического описания Симбирской губернии.

Соллогуб сотрудничал в местных «Губернских ведомостях», написал интересные заметки о Симбирском театре, очерк «Поездка в Архангельское». Для своих повестей и рассказов, изображавших прозябание в глухих городках, он многое почерпнул из жизни Симбирска. В образах провинциальных дворян («Медведь», «Три жениха» и др.) современники усматривали черты некоторых симбирян. Да и сами герои не скрывают своей принадлежности к жителям Симбирска. «Мы, кажется, жили тогда на Московской улице или на Венце...» «На Венце, близ Губернского правления...» (из рассказа «Метель»).

Многочисленным путешествиям Соллогуба в наше Поволжье на тарантасе в какой-то степени обязано своим появлением лучшее его произведение «Тарантас. Путевые впечатления». «Книга умная, даровитая и, что всего важнее, книга дельная», — писал о «Тарантасе» Белинский. «Я прочел «Тарантас» Соллогуба, который гораздо лучше его самого», — писал Гоголь. («Неизвестное письмо Гоголя». — «Известия», 1962, № 181.)

Соллогуб известен как автор популярной «Серенады» («Накинув плащ...»), посвященной товарищу по Дерптскому университету поэту Языкову. «Серенада» была ответом на его студенческую песню «Из страны, страны далекой...». «Серенада» Соллогуба (музыка Направника), попав в город, претерпела значительные текстовые изменения. В обновленном виде живет она и поныне.

9.

Не раз проездом приходилось бывать в Симбирске Николаю Гавриловичу Чернышевскому (1828—1889). То были поездки из Саратова в Петербург (через Симбирск, Казань, Москву) и обратно. Об одном из таких путешествий рассказал сам Чернышевский в дневнике, письмах, а впоследствии в автобиографии. Для нас это интересно не только как память о великом писателе и революционере, но и как свидетельство современника о людях нашего города.

Стояла вторая половина марта 1851 года. Чернышевский, закончив Петербургский университет, отправился в родной Саратов, чтобы занять должность учителя в местной гимназии. Ехал он сложившимся революционером, врагом крепостного права и самодержавия, человеком обширных знаний, высокой культуры и гуманности.

Путешествовал он не один, а вместе с Д. И. Минаевым и Н. А. Гончаровым. С Минаевым, отцом известного поэта-сатирика, Чернышевский познакомился в Петербурге. Там же встретил и Гончарова (брат романиста), в повозке которого ехал через Москву, Нижний Новгород, Казань и Симбирск. «Дорогою, — записал Чернышевский в дневнике, — все рассуждали между собою о коммунизме, волнениях в Западной Европе, революции, религии (я в духе Штрауса и Фейербаха). Д. И. Минаев показался мне человеком еще лучше того, чем раньше — человеком с светлым умом и благородною душою; я имел на него, как мне кажется, довольно большое

влияние своими толками о Штраусе и коммунизме...» [1]

В Симбирск путешественники приехали в пятницу 23 марта, в три часа дня. Чернышевский и Минаев остановились у их общего знакомого Н. Е. Андреева, отца известного впоследствии артиста В. Н. Андреева-Бурлака. Ничто не помешало «провести вечер, — замечает Чернышевский, — в разговорах большею частью в известном демократическо-социалистическом духе» [2].

На другой день Николай Гаврилович обедал у Н. А. Гончарова, учителя Симбирской гимназии, познакомился с его женой Елизаветой Карловной, о которой записал: «Славная женщина, хороша собой, весьма худа и зелена, должно быть от скуки, тоски, может быть и от болезни» [3]. А вечер снова провели у Андреева, где долго слушали его рассказы о городе. Замечания хозяина дома носили сатирический характер и нравились Чернышевскому.

Судя по дневнику, за несколько дней пребывания в Симбирске Чернышевскому пришлось встретиться и с другими представителями городского общества. Вот какие характеристики дал он некоторым новым знакомым: «Николай Ив-ч — бесстыдный пьяница, которого часто выводят под руки с вечеров и с собрания, гадкое, грязное существо. С виду добродушный пьяница, на самом деле и по душе низкий человек, обделил сестер и отжилил по суду полученные от татарина 3 тысячи рублей из восьми тысяч за просрочку двух дней». «Н. М. Овсянников — старый губошлеп, лысый решительно, с гадко пришлепывающим языком между редкими зубами» [4]. «Сверхнабожный Шишков», похожий на гоголевского Чичикова, пьяница Воейков и др. Однако многое здесь, видимо, заимствовано из рассказов Андреева.

Записи эти сделаны прямо в Симбирске, на листе писчей бумаги.

Впоследствии писатель не раз вспоминал о поездке с симбирскими спутниками и неизменно тепло отзывался о них.

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. В 16-ти т., т. 1, М., ГИХЛ, 1939, стр. 402.
[2] Там же, стр. 402.
[3] Там же, стр. 404.
[4] Там же, стр. 405.

Отдохнув в Симбирске после десятидневного пути, Чернышевский через Тереньгу и Сызрань отправился в Саратов.

Негодующие замечания Чернышевского как бы перекликаются с критическими высказываниями Павла Васильевича Анненкова, который провел в городе зимние месяцы 1848—1851 годов.

Анненков (1812—1887) — критик-беллетрист, мемуарист, первый издатель и серьезный исследователь Пушкина, приехал в Симбирск после двухлетнего странствия за границей. Местная жизнь произвела на него самое безотрадное впечатление. Разнузданность правительственной реакции, жестокость расправы с петрашевцами особенно остро чувствовались в провинции, и в частности в Симбирске, который оказался причастным к делу «самых ранних социалистов в России», как Ленин называл петрашевцев. Сын симбирского помещика В. А. Головинский (1829— дата смерти неизвестна) был членом революционно-демократического крыла петрашевцев. Отец, генерал-майор в отставке, масон, дружил с декабристами, вел знакомство с Герценом, который в 1846 году прислал ему отдельный оттиск своего романа «Кто виноват?». Роман был прочитан вслух в присутствии всей семьи и многочисленных знакомых. А тут еще деятельность Огарева в Проломихе и его арест. Словом, поводов к усилению репрессий и панике было немало [1].

«Терроризация достигла и провинции, — вспоминал впоследствии Анненков. — Города и веси сами указывают, кого хватать из так называемых либералов; доносы развиваются до сумасшествия; общее подозрение всех к каждому и каждого во всем» [2].

В этой атмосфере безудержного правительственного произвола, указывает Анненков, «возникает царство грабежа и благонамеренности в размерах еще не бывалых». Как яркий выразительный пример — сам губернатор Булдаков, «величественный распутник, обжора, тонкий человек, которого особенно боялись купцы: он на прогулках забирал у них вещи и остался должен

---

[1] В Симбирске провел детские годы писатель-петрашевец А. И. Пальм (1822—1885), автор известного в свое время автобиографического романа «Алексей Слободин» (1873).

[2] П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1960, стр. 529—530.

после смерти всем — мясникам, магазинщикам, доктору, аптекам и проч.» [1].

Чрезвычайно характерна для тогдашней полицейской атмосферы городской жизни, порожденной жандармско-крепостническим режимом Николая I, следующая сценка. В соборе протодиакон громовым басом читает манифест о войне с венграми. «...Возле меня, — пишет Анненков, — послышался громадный зевок, испущенный каким-то высоким и седым мужиком. Откуда ни возьмись подлетел к нему полицеймейстер, и между ними возник следующий, чисто этнографический разговор полушепотом: «Что ты, обезумел, что ли?» — «А что?» — «Да разве не слышишь: царский манифест читают, а ты рот дерешь?» — «Ой ли! А ведь я думал, что все еще обедня идет!» [2]

Не без тонкой иронии набросан портрет главы местных либералов А. Татаринова, который «носил бороду, заставлял молодых людей вокруг себя насильно читать скучнейшие книги, вроде «Политической экономии» Смита, Сея, Бастиа... презирал чиновников, ненавидел молодцов, плохо образованных и литературой не занимающихся, да скучал страшно, до апатии, самозабвения и сумасшествия» [3].

В Симбирске Анненков написал некоторые из «Провинциальных писем» и рассказ о Бубове, пытливом симбирском мещанине.

Последующие приезды Анненкова в Симбирск были очень кратковременны.

На 60-е годы прошлого столетия падают посещения Симбирска А. Н. Островским и Л. Н. Толстым.

Связи А. Н. Островского (1823—1886) с нашим городом начались в 50-х годах, когда в Симбирск приехал работать брат знаменитого драматурга, М. Н. Островский. Он увлекался искусством, литературой. Между братьями шла оживленная переписка. М. Н. Островский информировал писателя о симбирской жизни, о большом интересе к нему и его пьесам, которые начали ставить в местном театре раньше других поволжских городов.

Конец 50-х и начало 60-х годов у Островского были заполнены напряженной творческой работой, осложнявшейся театральными дрязгами и неустройством личной жизни. Драматург нуждался в

---

[1] П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1960, стр. 530.

[2] Там же, стр. 539.

[3] Там же, стр. 538.

отдыхе, в отвлечении от московской обстановки. Для этого Островский решил попутешествовать по любимой Волге. С ним отправился его неизменный друг, писатель и артист И. Ф. Горбунов (1831—1896) и писатель-этнограф С. В. Максимов (1831—1901).

Вечером 27 мая 1865 года А. Н. Островский и его спутники прибыли в Симбирск и остановились в одной из гостиниц (брат драматурга в это время в городе уже не служил). Горбунов намеревался дать в городе концерт, но театр не работал, летней сцены в саду не существовало. Максимов, ранее бывавший в Симбирске, показал своим товарищам достопримечательности города: Венец, памятник Карамзину, дом Языкова. 29 мая Островский написал артистке М. А. Васильевой, своей будущей жене, письмо, где сообщал подробности поездки. В тот же день вечером путешественники отправились вниз по Волге в Самару, Саратов.

Впечатления и материалы этих дней использованы в пьесах «Лес» и «Таланты и поклонники».

Приезд Л. Н. Толстого (1828—1910) в Симбирск относится к сентябрю 1869 года, когда великий писатель побывал в селе Ильмино Пензенской губернии, намереваясь купить «в тамошней глуши» имение. Не купив имения, возвращался через Симбирск.

Лев Николаевич путешествовал на перекладных, по всей вероятности, старым Пензенским трактом, как наиболее близким к Николо-Пестравке, откуда он выехал. Толстого сопровождал слуга Сергей Петрович Арбузов, оставивший воспоминания о своей службе у писателя. Сама поездка запечатлена Толстым в «Записках сумасшедшего».

В Симбирск Лев Николаевич прибыл 10 или 11 сентября в четыре часа дня. Знакомых у Толстого в городе не было, и он остановился в одной из гостиниц. Отдохнув от долгого пути на тарантасе по пыльной дороге и бегло осмотрев город, писатель поздно вечером отправился вверх по Волге до Нижнего Новгорода...

О своей поездке по Симбирской губернии Толстой вспомнил в 1881 году в статье «К молодым людям» (черновой набросок неоконченной статьи против пьянства). «Ехал я раз на перекладных лошадях по Симбирской губернии, — писал Толстой, — и пришлось переменять лошадей в большом селе. Дело было осенью...»[1] Дальше рисуется картина поголовного пьянства в день

---

[1] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. В 24-х т., т. 18. Изд-во Сытина, 1913, стр. 107.

религиозного праздника, из-за чего писатель чуть не заночевал в селе, так как ямщики все были пьяны.

Толстой вел борьбу с пьянством, стараясь придать ей широкий общественный характер. Впоследствии он основал первое в России общество трезвости под названием «Согласие против пьянства», но его не утвердило царское правительство, видевшее в водке одно из средств одурманивания народа и выколачивания доходов.

Однако связь Толстого с Симбирском на этом не прекратилась, а продолжалась почти до конца жизни встречами и перепиской с некоторыми симбирянами. Произведения Толстого появились в Симбирске уже в 50-х годах. Интерес к ним рос с каждым годом. Они были настольными и в семье Ульяновых. В конце 90-х годов по читаемости Толстой занял в Симбирске первое место. Проникали в город и запрещенные произведения писателя: «В чем моя вера?», «Ответ синоду», «Солдатская памятка» и др. В начале века для целей пропаганды своих взглядов ими пользовались симбирские большевики.

В 1887 году в Ясной Поляне состоялось знакомство Л. Толстого с выдающимся артистом В. Н. Андреевым-Бурлаком, коренным симбирянином, рассказы которого писатель слушал до двух часов ночи. Для Андреева-Бурлака Толстой начал писать «Крейцерову сонату», которую артист должен был рассказать со сцены. Самый разговор пассажиров в вагоне, являющийся как бы вступлением к исповеди Познышева (герой «Крейцеровой сонаты»), основан на сообщении Андреева-Бурлака.

Через год, встретившись в Москве с Андреевым-Бурлаком и Репиным, Лев Николаевич предложил: «Давайте изобразим «Крейцерову сонату» доступными нам способами искусства. Я напишу рассказ, Андреев-Бурлак прочитает его перед публикой, а вы (Репин.—**К. С.**) напишите на эту тему картину, которая будет стоять на сцене, пока Андреев-Бурлак будет читать мою повесть» [1]. С началом повести Лев Николаевич познакомил артиста. Андреев-Бурлак был в восторге от услышанного и тут же

---

[1] П. И. Бирюков. Биография Л. Н. Толстого, т. 3. М., ГИЗ, 1922, стр. 107.

стал пробовать передавать тот нервный звук, вроде рыдания, который Познышев издает во время своего рассказа. Преждевременная смерть Андреева-Бурлака помешала выполнить замысел писателя.

Толстой переписывался с А. В. Жиркевичем (1857—1927) [1], который жил в Симбирске и посылал писателю свои сочинения со ссыльным революционером-народником А. С. Бутурлиным (1845—1916), отцом известного ученого-зоолога С. А. Бутурлина. Лев Николаевич познакомился с А. С. Бутурлиным в 1879 году и в течение 30 лет поддерживал с ним переписку. Бутурлин одним из первых критиковал религиозную проповедь Толстого.

Недавно опубликована переписка Льва Николаевича с симбирским крестьянином В. И. Ермохиным о трактате последнего «Природа и нравственность» [2]. В июне 1909 года Толстой получил из Симбирска письмо крестьянина Ф. А. Абрамова, просившего разъяснить, «что есть наука и чего до́лжно требовать от науки». В ответ на этот вопрос Толстой написал целое научное сочинение. В этом же году симбирская газета «Волжские вести» опубликовала известную статью Толстого «Не могу молчать». В рассказе «Фальшивый купон» Лев Николаевич переносит действие в Симбирскую губернию.

Конкретные детали Симбирска можно найти и в творчестве ныне несправедливо забытого беллетриста Н. Лебедева, писавшего под псевдонимом Морской.

Н. К. Лебедев-Морской (1846—1888) родился в Симбирске, в семье преподавателя мужской гимназии. По окончании Петербургского университета занялся литературной работой.

Известность Лебедеву-Морскому принесли романы «Аристократия гостиного двора» (1879) и «Содом» (1881), посвященные изображению купечества. Оба произведения вызвали большой шум и имели успех у читателя. Сильное впечатление произвели они на Ф. М. Достоевского. При личном свидании великий писатель одобрил сочинения Лебедева-Морского и сказал, что, по его мнению, он самый интересный и жизненный из молодых романистов, что в нем виден искренний и достаточно оригинальный художник.

Перу Лебедева-Морского принадлежит много повестей и рассказов («В цветах», «Мамочка», «Дешевый хлеб», «Под землей» и др.). Написанные неровно, порой растянуто (гнала нужда), они от-

---

[1] А. В. Жиркевич, военюрист по профессии, малоизвестный поэт и беллетрист (псевдоним А. Нивин). Портрет Жиркевича работы И. Репина (1888) находится в Ульяновском художественном музее.

[2] См.: «Литературная Россия», 1964, № 23.

личаются занимательностью, бойким, живым изложением, богатством жизненных наблюдений. Несомненная заслуга писателя в том, что он одним из первых приоткрыл завесу над «темным царством» петербургского купечества.

Использовал Лебедев-Морской и симбирские материалы. В городе Носове («Содом») нетрудно угадать Симбирск (названы улицы Шатальная, Кирпичная, упоминаются уездные города губернии). В других произведениях звучат автобиографические мотивы, встречаются события, взятые из симбирской хроники.

10.

Заметное оживление в литературную жизнь Симбирска внесла в конце 50-х и в начале 60-х годов общественно-политическая борьба вокруг центрального вопроса целой эпохи русской жизни — крестьянского. Столкнулись, с одной стороны, помещики-крепостники и либералы, а с другой — крестьянство и демократическая интеллигенция.

В Симбирской губернии, как губернии с наибольшим развитием дворянско-крепостнического земледелия (Салтыков-Щедрин называл ее «губернией отставных корнетов»), крестьянский вопрос вызвал острую борьбу. Она шла и в самом дворянском губернском комитете по подготовке проекта крестьянской реформы, созданном в 1858 году, и в губерний, где крестьянство волновалось, участились случаи неповиновения, поджогов и убийств помещиков.

Хотя столкновение дворян-либералов с крепостниками и было борьбой «двух крепостнических лагерей» (В. И. Ленин), тем не менее оно временами принимало довольно резкие формы.

Громадное большинство симбирских дворян занимало яро-крепостническую позицию. Д. А. Бестужев на весь дом Дворянского собрания кричал: «Убить меня можно, но убедить никопда! Низших надо драть, лупить, бить» [1]. Этой оголтелой ораве зубров-помещиков противостояла небольшая кучка либерального дворянства: братья Татариновы, А. И. Ермолов, Н. Д. Давыдов (сын поэта-партизана), А. М. Языков (брат поэта), поэт-помещик Д. П. Ознобишин, бывший петрашевец В. А. Головинский и некоторые другие. Наиболее смело и резко

[1] «Историч. вестник», 1900, № 5, стр. 164.

выступал Головинский, которого крепостники звали «висельником», «каторжником» (был приговорен к повешению, замененному каторгой) и язвительного языка которого они побаивались, Головинский сравнивал комитет с огородом, где «очень мало голов, но много кочанов, а еще больше кочанчиков на брюссельской капусте» [1].

На проведение в жизнь «Положения 19 февраля 1861 года» недовольное крестьянство губернии ответило многочисленными волнениями, переходившими нередко в открытые восстания, жестоко подавлявшиеся вооруженной силой. Такая общественная атмосфера не могла не сказаться и на литературной жизни города.

Развертыванию литературно-политической борьбы в сильной степени содействовал выход в свет романа Гончарова «Обломов» (1859). Передовая часть симбирского общества оценила его как могучую помощь в борьбе с дворянской реакцией. В столичной печати появляются выступления симбирских журналистов Соколовского и Юрлова, стихотворные фельетоны Д. Д. Минаева и его знаменитая сатирическая поэма «Губернская фотография» (1861), роман Г. Н. Потанина «Старое старится — молодое растет» (1861), стихи Ознобишина.

Социально-экономические сдвиги 60-х годов сказались на оживлении театральной жизни в Симбирске. Появился культурный антрепренер и талантливый артист А. А. Рассказов (1831—1902) с первой «благоустроенной» труппой, с классическим репертуаром. Поставленные им пьесы А. Н. Островского имели огромный успех у демократического зрителя. С его запросами и требованиями приходилось считаться и антрепренерам и хозяевам города — помещикам и купцам. Они иногда открыто и настойчиво вставали на защиту передовых артистов, как это было, например, с П. А. Стрепетовой.

В 60-е годы, кроме Стрепетовой, на сцене Симбирского театра начали свой артистический путь такие выдающиеся актеры, как М. И. Писарев, симбирянин В. Н. Андреев-Бурлак, В. Н. Зорина.

Сатиры, фельетоны Дмитрия Дмитриевича Минаева (1835—1889) приводили современников в изумление ярко выраженным даром импровизации и стихотворной виртуозности. За это его и звали «королем рифмы». А. М. Горький относил Минаева к числу «крупных имен», «к компании самых резких и демократически

---

[1] Н. А. Крылов. Накануне великих реформ. — «Историч. вестник», 1903, № 9, стр. 817.

настроенных людей того времени» [1]. Публицист, переводчик, драматург, он являлся выдающимся сотрудником известного сатирического журнала «Искра», о поэтах которого Н. К. Крупская писала: «Стихотворения братьев Курочкиных, Д. Минаева, Пушкарева и других переходили из уст в уста, запоминались со слов. Мне кажется, что на нашу оценку людей сильнейшее влияние оказали поэты «Искры». Ильич в известной степени переживал то же, хотя и в других разрезах. Поэтов «Искры» он также читал, знал их стихи, помнил»[2]. По словам Надежды Константиновны, «в семье Ульяновых очень увлекались поэтами «Искры»... Особенно много стихов поэтов «Искры», легальных и нелегальных, знала Анна Ильинична, сама писавшая стихи. Она помнила их всю жизнь. Меня удивило, когда мы были с Ильичем в ссылке в Сибири, какое количество стихов поэтов «Искры» он знал» [3].

Д. Д. Минаев родился в Симбирске в небогатой дворянской культурной семье. Отец поэта — Д. И. Минаев (1808—1876) тоже был причастен к литературе: писал стихи, рассказы, повести, печатавшиеся в столичных журналах 30—50-х годов. Главный литературный труд его — вольное стихотворное переложение «Слова о полку Игореве», отмеченный как положительное явление многими тогдашними журналами.

Рано выучившись грамоте у отца, будущий поэт продолжал свое образование дома. Когда Минаеву исполнилось 11 лет, семья переехала в Петербург, где мальчика отдали в военное учебное заведение. В 1852 году Дмитрий Дмитриевич вернулся в Симбирск и поступил на службу в казенную палату. К этому времени относятся первые сатирические стихи на городские темы. Не попав в печать, они в многочисленных списках долго ходили по Симбирску.

Прослужив около трех лет в казенной палате, Минаев перевелся в Петербург, где вскоре, выйдя в отставку, отдался исключительно литературной работе. Начался блестящий, самый плодотворный период творчества поэта. Он тесно связывается с революционно-демократическим движением 60-х годов и обрушивает свою сатиру на все

[1] Архив А. М. Горького, т. 1. История русской литературы. М., 1939, стр. 216.

[2] «Литерат. газета», 1934, № 101.

[3] Н. Крупская. Детство и ранняя юность Ильича. — «Большевик», 1938, № 12, стр. 69.

уродливые явления дореформенной и пореформенной России. Имя поэта делается одним из самых известных и грозных для представителей «всего недостойного, подлого и злого».

Поэзия Минаева 60—70-х годов насыщена духом борьбы и протеста. Поэт преследовал либералов, разоблачал преступников, скорбел о крестьянстве, ограбленном реформой 1861 года.

Литературная деятельность Минаева подвергла автора репрессиям со стороны царского правительства. С 1865 года он состоял под негласным надзором полиции. В 1866 году просидел несколько месяцев в Петропавловской крепости. Царская цензура относила его «к нигилистам, эпиграммистам и пасквилянтам».

Существенное место в творчестве Минаева занимает Симбирск. Ему, «тихому губернскому городку», родному «Приволжску», он посвятил немало язвительных строчек, печатая их под разными псевдонимами (Дм. Свияжский, «Обличительный поэт», «Темный человек» и др.). В «Дневнике темного человека», «Губернских силуэтах», «Губернских эпизодах» и других произведениях Минаев бичует спячку, лень, скуку тогдашних обывателей, высмеивает некоторых представителей городского общества, разного ранга чиновников, светских прожигателей жизни, «сиятельных», «эмансипированных» барынь, останавливается на отдельных событиях. «Над богоспасаемым городком носится призрак обломовщины, — писал он, — и сквозь сонные глаза улыбается кроткая и самодовольная лень...» [1] Герои фельетонов выведены под вымышленными именами, но портреты так точны, что прототипы легко узнавались в городе.

Сатирические стихи на симбирские темы Минаев печатал в «Русском слове», «Гудке». Издатель последнего Иероглифов говорил: «Посмотрите, вон Минаев из Симбирска, так ведь он в каком переплете-то всю губернию держит». И он (Иероглифов.— *К. С.*) показывал массу писем, полученных из Симбирска с подтверждениями рассказанного или нарисованного в «Гудке» [2].

Самым ярким произведением на симбирскую тему явилась сатирическая поэма «Губернская фотография»

---

[1] «Русское слово», 1864, № 10, стр. 21—22.

[2] С. Н. Тертигорев. Воспоминания. — «Историч. вестник», 1896, № 4, стр. 51.

(1861), полный текст которой был напечатан лишь в 1913 году, но которая в бесчисленных списках ходила не только в Симбирске, но и по всему Среднему Поволжью. «Губернскую фотографию» Минаев написал в Петербурге в два вечера, слушая рассказы про родину своего хорошего знакомого-земляка, симбирского присяжного поверенного Н. М. Соколовского. Последний привез поэму в Симбирск, она стала известной и произвела впечатление разорвавшейся бомбы. «Вскоре весь Симбирск, вся губерния читала и декламировала творение Минаева, — писал современник. — Стихи вызвали целую бурю негодования, начиная с его отца, но, тем не менее, они заучивались наизусть взрослыми и детьми — от мала до велика. Многие стали известны только благодаря этому произведению. На них указывали, что называется, пальцами» [1]. Зато передовые люди города получили сильное подкрепление в своей борьбе с крепостниками-обломовцами.

Основанная на точных фактах, «против правды не греша», поэма приводила к позорному столбу свыше ста лиц из симбирского привилегированного общества. Не скрывая фамилий, не оставляя никаких сомнений, поэт беспощаден в своих характеристиках. Вот портрет архиепископа:

Пою тебя, святый владыка,
За то, что кистью всей руки,
В обедню, близ святого лика,
Дьячкам ты ставишь синяки.
Ты перл российских семинарий,
Резерв для будущих мощей,
С церквей берущий гонорарий
И служек бьющий, как кощей.
На барынь смотришь ты сурово,
Не ешь цыплят на серебре,
И не посмеет уж Бычкова
С тобой шептаться в алтаре.

Простые по форме, выразительные и резкие, стихи попадали прямо в цель.

Где Трубецкой, в проказах чванства,
Всех наглой роскошью дивит
И к славе дряхлого дворянства
Жену шутами веселит.

---

[1] «Симбирские губернские ведомости» № 45, 1899, ст. Н. Никольского.

И, мужиков лишая крова,
Бросает деньги круглый год;
На лбу ж написано два слова:
«Аристократ и идиот».

С особой силой звучит язвительная насмешка, соединенная с презрением и негодованием, в адрес крепостников, таких, как Наумов, Бестужевы, член губернского комитета, а потом и делегат от губерний в главный комитет Шидловский.

Глядит Шидловский либералом,
Крестьян считает за детей
И в то же время за бокалом
Читает речи в честь плетей.
А вот и он, Наумов Павел,
В среде дворянской — медный лоб,
Себя повсюду он прославил,
Как мракобесец и холоп.

Никогда еще в русской поэзии в такой выпуклой, конкретно-индивидуальной полноте не давался типический образ крепостнического города, вырождающегося «первого сословия» — дворянства, как это сделал Минаев. И прав литературовед П. С. Бейсов, говоря, что «Губернская фотография» — это не бытовая, местная, а социально-политическая сатира, вызванная к жизни острой классовой борьбой 60-х годов XIX столетия и направленная против защитников крепостничества. В этом отношении ее значение вышло за пределы Симбирского края. Об этом говорит и распространение поэмы в Поволжье.

Появление «Губернской фотографии» не прошло бесследно: возникла полемическая литература, направленная против Минаева и против революционно-демократической литературы вообще. В полемике принял участие и сам автор.

Стихотворения Минаева о Симбирске послужили сигналом к появлению рукописной сатирической литературы о городе. В ульяновских архивах П. С. Бейсов обнаружил немало обличительных произведений, связанных с определенными городскими лицами и событиями: «После городского обеда», «Я проникся таким убеждением», «Из интимной переписки друзей» и др. Все они носят следы воздействия минаевских стихотворений.

«Губернская фотография» Минаева продолжала тра-

дицию, начатую в 30-х годах Саниным, автором альбома карикатур на симбирское дворянско-чиновническое общество, и продолженную Лермонтовым в поэме «Сашка». Поэма Минаева выгодно отличается своеобразием и документальностью. П. С. Бейсов полагает, что «Губернская фотография» оказала известное влияние на последующие произведения подобного жанра: «Губернскую поэму» Д. Садовникова, «Головинский проспект» Н. В. Симборского, уроженца Симбирской губернии.

В 1877 году Д. Д. Минаев приехал в Симбирск на постоянное жительство «подлечиться воздухом родины». Он купил себе небольшой домик на Нижне-Солдатской (ныне Минаевской) улице и зажил почти в полном одиночестве: симбирское привилегированное общество игнорировало замечательного поэта-патриота. Даже в день похорон Минаева никто не явился из обывателей. Зато, узнав о смерти Минаева, рыдал в Саратове Чернышевский, повторяя: «Умер Митя...» Лишь через 10 лет на могиле Минаева был поставлен памятник, созданный на средства, собранные по подписке.

На Минаевской улице сохранился дом Минаевых. В 1851 году в этом доме побывал Н. Г. Чернышевский. Во Дворце книги имени В. И. Ленина в отделе редких книг хранится «Божественная комедия» Данте с дарственной надписью Минаева-переводчика.

Против черных сил старого мира выступил в 1861 году и писатель Гавриил Никитич Потанин (1823—1910): в «Современнике» появился его роман «Старое старится — молодое растет», написанный на материале детских и юношеских впечатлений, полученных автором в Симбирске.

Потанин был глубоко захвачен обновляющей силой 60-х годов. Он примкнул к тем просветителям, о которых В. И. Ленин писал, что они были одушевлены «горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области» [1]. Отсюда яркообличительный характер романа и других сочинений Потанина, направленных в защиту народа, просвещения, свободы, в защиту человеческой личности.

В своем ненапечатанном дневнике «Ночник» автор

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 519.

пишет, что в романе «Старое старится...» он «был карателем тунеядцев, подлого сословия дворянского, как червь, подтачивающего зеленый дуб святой Руси».

Главный герой романа — крепостной мальчик Вася. Через его восприятие и показывается мир угнетателей, помещиков Людоедовых, Душегубовых и др. Вася, по замыслу автора, и должен помочь читателю найти «истинный путь».

Роман вызвал многочисленные теплые отклики. Критика отмечала изумительную наблюдательность автора, яркий и глубокий показ психологии крепостного мальчика, сравнивала молодого писателя с Диккенсом. Высокую художественную и идейную оценку дал произведению Некрасов: «...Вещь замечательная, талант большой и русский, народного элемента много...» [1] Некрасов сам привез Потанину журнал с его романом и помог материально.

Иное отношение встретил роман со стороны цензуры. Под ее давлением данное автором заглавие «Крепостное право» пришлось заменить безобидным «Старое старится — молодое растет». Были сглажены и многие антидворянские места в романе. Эта война с произведением продолжалась вплоть до закрытия «Современника», и роман остался в печати недоконченным.

Царская цензура преследовала и другие произведения Потанина: «Год жизни», «Уездное училище», «Штатный смотритель». В повести «Год жизни» цензор нашел «проникнутые крайним цинизмом отзывы об основных понятиях о чести и о нравственности вообще» [2].

Г. Н. Потанин родился в Симбирске, в семье дворового человека, учился в местной гимназии. Материальная нужда заставила Потанина еще на школьной скамье искать заработка. Он учит детей богатых купцов, получая за уроки по 10 копеек ассигнациями. Делается домашним учителем будущего поэта Д. Д. Минаева и племянниц Гончарова, живших в доме бабушки.

Окончив гимназию, Потанин поступил учителем в Самарское уездное училище, но по жалобе губернатора лишился места. В поисках заработка уехал в Бугульму, а

---

[1] Н. А. Некрасов. Собр. соч. В 8-ми т., т. 8, М., «Худож. литература», 1967, стр. 269.

[2] М. Лемке. Эпоха цензурных реформ. СПб, 1904, стр. 436.

потом в Петербург. «Полгода я бродил по улицам столицы, — вспоминал он впоследствии, — делал пешком по 20 верст в день» [1].

Встреча с Некрасовым резко изменила положение. Потанин устраивается преподавателем. Во второй половине 60-х годов уезжает инспектором народных училищ в Витебскую губернию. В 1871 году Потанин возвратился в Симбирск, поселившись в небольшом флигельке на Московской улице (ныне ул. Ленина) в глубине двора дома № 29. Жил писатель замкнуто, одиноко, целиком уйдя в книги и рукописи. В городе его звали «живой энциклопедией», «огненным стариком».

Участником крестьянских реформ в Симбирской губернии был поэт Дмитрий Петрович Ознобишин (1804—1877). Помещик, он долгое время состоял членом симбирского губернского по крестьянским делам присутствия, издал руководство для пользования «Положением 19 февраля 1861 года», писал по вопросам устройства крестьян в местных «Губернских ведомостях». Занимая либеральные позиции, осторожно, робко касался жгучих тем тогдашней действительности. Лишь в сказочном стихотворении «Городок» (1867), под которым разумеется Симбирск, имеются элементы сатиры в адрес дворянства и купечества. Родному городу посвящено и другое его стихотворение — «Симбирску», написанное вскоре после пожара 1864 года.

В письме к Вяземскому Ознобишин с гордостью именует себя «приволжским поэтом». Однако Волга, природа края нашли слабое отражение в поэзии Ознобишина. Гораздо больше поэт сделал в изучении и популяризации таджикско-персидской классической литературы. Один из первых русских ориенталистов, в совершенстве владевший многими иностранными языками, в том числе восточными («мой поэт и полиглот», — звал его Н. М. Языков), он много переводил. В 1874 году принял участие в сборнике «Складчина» в пользу голодающих Поволжья.

Произведения Ознобишина, разбросанные по разным журналам, ждут еще издателя.

11.

Начиная с 70-х годов, литературная жизнь в Симбирске и губернии идет на снижение. Объясняется это тем, что Симбирский край оказался в стороне от народнического, а потом и марксистского движения.

Наиболее примечательным моментом в идейной жиз-

---

[1] Цит. по ст.: И. П. Ювачев. Г. Н. Потанин. — «Историч. вестник», 1911, № 5, стр. 517.

ни Симбирска 70—80-х годов явилось пребывание в городе замечательной семьи Ульяновых. Талантливый педагог-демократ и крупный общественный деятель, один из образованнейших людей своего времени, Илья Николаевич Ульянов (1831—1886), отец Владимира Ильича Ленина, стал «просветителем целой губернии». За 17 лет (1869—1886) его руководства народным образованием губернии в качестве сначала инспектора, а потом директора народных училищ количество их увеличилось с 89 до 434, было вновь построено 151 школьное здание. На открытых Ильей Николаевичем двухгодичных курсах и в учительской семинарии в селе Порецком было подготовлено много учителей, которых называли «учителями нового типа», «украшением времени», «ульяновцами».

Невиданный размах деятельности Ильи Николаевича, его беззаветное служение народу, неукротимая энергия вызвали в городе и губернии всеобщее удивление. Это хорошо выразил писатель В. Н. Назарьев: «Произошло нечто неожиданное. Точно среди суровой, слишком долго затянувшейся зимы настежь вдруг распахнулось наглухо запертое окно, и в него полились лучи яркого солнечного дня. Да, это была настоящая весна, это было время всяких неожиданностей и чудес. Да и как же не назвать чудом появление в наших палестинах таких людей, как Илья Николаевич Ульянов, единственный в то время инспектор народных училищ на всю губернию, с первого же шага отдавший всю свою душу возложенной на него обязанности» [1]. «Добрым гением учителей и учительниц», «идеальным инспектором» назвал его Назарьев.

Благородная целеустремленная личность И. Н. Ульянова не могла не собрать вокруг себя передовую разночинную и дворянскую интеллигенцию: учителей (В. В. Кашкадамова, А. С. Кабанов, В. А. Калашников, В. А. Анновский, И. Я. Яковлев), инспекторов, его непосредственных помощников (К. Амосов, В. Стражалковский, В. Зимницкий, А. Красев, И. Ишерский), врачей (А. А. Кадьян, Покровский), земских и государственных служащих, общественных деятелей (В. Н. Назарьев, А. М. Языков, А. Каханов, Л. Персиянинов, А. Ф. Белокрысенко и

---

[1] В. Назарьев. Вешние всходы. — «Вестн. Европы», 1898, № 4.

др.) Все они пришли под его знамя «по убеждению и совести, а не под влиянием страха» (В. Н. Назарьев) и в той или иной степени испытывали его животворное влияние.

Некоторые из перечисленных лиц были причастны к литературной деятельности. Ею занимались домашние учителя семьи Ульяновых — Калашников и Кабанов. Они писали стихи, рассказы, составляли хрестоматии, сборник, собирали фольклор. Их работы пронизаны вольнолюбивыми идеями Некрасова, Чернышевского, Добролюбова, Писарева и самого Ильи Николаевича. Авторами книг для чтения и методических пособий являлись А. Зимницкий, А. Красев. Писали также И. Я. Яковлев, К. Амосов, В. А. Анновский, — последний редактировал «Памятные книжки Симбирской губернии» и «Симбирские сборники», издававшиеся губернским статистическим комитетом. Сотрудничал в этих изданиях и А. Ф. Белокрысенко, управляющий казенной палатой. Писателем, активным сотрудником поволжских и центральных газет и журналов был В. Н. Назарьев.

Литературным трудом приходилось заниматься и И. Н. Ульянову. Ежегодно солидными книгами выходили и рассылались по школам составленные им отчеты о состоянии начальных народных училищ. Помимо исторического интереса, эти отчеты имеют большое значение и для современников: в них «прогрессивные педагогические идеи неразрывно связаны с повседневной практикой и вытекают из нее» [1].

Литературными интересами, любовью к искусству была проникнута вся духовная жизнь семьи Ульяновых. Здесь огромную роль играла М. А. Ульянова, мать Владимира Ильича Ленина, очень одаренная женщина. Она знала три иностранных языка, много читала, занималась музыкой. В личной библиотеке Ульяновых можно было найти книги русских и иностранных авторов, лучшие журналы того времени: «Отечественные записки», «Современник», «Русское слово», детские издания. Брали книги из Карамзинской библиотеки, у знакомых. В семье практиковалось громкое чтение, дети интересовались литературными играми: Одно время по субботам выходил домашний рукописный журнал «Субботник», в котором участвовали только дети. Редактировал Александр,

---

[1] А. Иванский. И. Н. Ульянов. М., Госполитиздат, 1963, стр. 4.

а Володя писал рассказы под псевдонимом «Кубышкин». В субботу вечером в присутствии родителей весь журнал читался вслух.

Особенной любовью в семье Ульяновых пользовалась поэзия. Кроме Рылеева, Некрасова, любимого поэта Ильи Николаевича (Ленин говорил, что сам «он воспитан на Некрасове»), много внимания уделяли поэтам «Искры». Стихи обсуждали, декламировали, заучивали наизусть. Трогательная деталь: в день своего рождения Илья Николаевич нашел на письменном столе конверт с надписью: «Моему милому папе». В конверте на голубой бумаге, украшенной переводными картинками, было написано стихотворение местного поэта Коренева «Воспоминание»:

Я не забыл тебя, далекий,
Но сердцу близкий городок,
И Волги берег твой высокий,
И тротуары из досок.

То был подарок от Анны Ильиничны (письмо бережно хранится в Ульяновском Доме-музее В. И. Ленина).

Значительное место в культурной жизни Ульяновых занимал театр. Мария Александровна была поистине музыкальной душой семьи. Прекрасная пианистка, она привила любовь к музыке и своим детям. Все они, в том числе и Володя, играли на рояле и пели. Из уст матери дети впервые услыхали про оперу. Они хорошо познакомились с оперой Верстовского «Аскольдова могила», которую Мария Александровна образно пересказывала, дополняя музыкой и пением. Володя часто напевал некоторые мотивы из «Аскольдовой могилы».

Старший брат Саша, которого Володя очень любил и которому подражал во всем, увлекался коллекционированием театральных афиш.

В конце лета 1879 года Володя Ульянов поступил в гимназию. В том же году рядом с гимназией на Спасской улице (теперь Советская) начались представления в новом каменном театре, ныне реконструированном. Это не могло не захватить гимназистов. Как свидетельствует один из товарищей Ленина, зимой большим развлечением для гимназистов старших классов было посещение театра. Володя не только не отставал от других, но и по-настоящему полюбил театр.

Екатерина Арнольд вспоминает, что «любимейшим занятием его (Володи. — *К. С.*) было устройство детских спектаклей, в которых он исполнял самые разнообразные обязанности, начиная от режиссера и кончая суфлером» [1]. «В гимназические годы, — сообщает Н. Кашкадамова, — Владимир Ильич вместе со своей сестрой не пропускал ни одной постановки в театре» [2].

Более подробные сведения о театральных интересах Володи Ульянова дает в своих воспоминаниях подруга Оли Ульяновой А. Ф. Щербо [3]. В складчину собирали деньги и брали дешевую ложу в третьем ярусе. За билетами обычно ходил Володя, а Оля с подругами ждали в Карамзинском садике.

В Симбирском театре во время зимнего сезона представляли драму, а весной оперу. Из опер, по словам Щербо, Володя слушал «Евгения Онегина», «Демона», «Африканку», «Аиду». Между прочим, с «Аидой» связана одна гимназическая проделка не без участия Володи Ульянова. Как-то раз, когда в гимназической церкви проходила особо торжественная служба в присутствии попечителя, всего начальства и многих посторонних лиц из знатной публики, гимназический хор под управлением ученика Писарева исполнял божественные песнопения на мотивы из оперы «Аида», заменив слова оперы церковно-славянским текстом. Присутствующие были в восторге от пения и благодарили хор. Зная об этой проделке, Володя заразительно смеялся и уверял товарищей, что в этот раз он получил в церкви настоящее удовольствие.

Из драматических произведений Володя смотрел «Гамлета» Шекспира, «Ревизора» Гоголя, «Коварство и любовь», «Разбойников» Шиллера, «Бедность не порок» и «Грозу» Островского. А. Ф. Щербо отмечает, что в «Ревизоре» роль слуги исполнял комик Рассказов, чья игра понравилась Володе. Из актрис Щербо выделяет Е. П. Струйскую (1845—1902), впоследствии артистку петербургского Александринского театра.

---

[1] Екатерина Арнольд. Мои воспоминания. — В кн.: А. Иванский. Молодой Ленин. М., Изд. политич. литературы, 1964, стр. 167.

[2] Н. Кашкадамова. Единственный, неповторимый. — «Нева», 1964, № 4, стр. 217.

[3] См.: И. Иванский. Молодой Ленин. М., Изд. политич. литературы, 1964, стр. 216—217.

Увлечение Владимира Ильича театром подогревалось и его тесной дружбой с Д. М. Андреевым, двоюродным братом артиста В. Н. Андреева-Бурлака. В своих воспоминаниях о Ленине Д. М. Андреев говорит, что, бывая в театре, гимназисты предпочитали сидеть на галерке не только из экономии, а еще и потому, что тогда галерка вернее судила о таланте артиста. Она наполнялась молодежью, не скупившейся на аплодисменты любимым актерам. Когда Володя ходил в театр без сестер, то сидел на галерке.

Через Д. М. Андреева Ульянов познакомился и с В. Н. Андреевым-Бурлаком в один из приездов артиста в родной город. Это произошло, вероятно, в начале второй половины 80-х годов. Володя, пользуясь контрамарками, вместе с Андреевым и с другим товарищем по гимназии, Сердюковым, посещал все выступления Андреева-Бурлака. Огромное впечатление на Ленина произвел знаменитый артист в роли Поприщина в «Записках сумасшедшего» Гоголя. Когда опустился занавес, трое гимназистов прибежали в уборную артиста и молча встали около него, обессиленного игрой. Заметив их, он поднялся с дивана, потрепал каждого по голове и сказал: «Не могу еще влезть в свою оболочку». «Когда мы вышли, — рассказывает Андреев, — Володя все время повторял задумчиво: «Вот так талантище!»

А на другой день сказал мне: «Знаешь, я хотел узнать, насколько трудно перевоплощаться в какую-нибудь роль, и пробовал декламировать «Записки сумасшедшего», да ничего из этого не вышло. Талант надо!» [1]

Кроме Андреева-Бурлака, в 80-е годы на сцене Симбирского театра выступали артисты Писарев, Глама-Мещерская, Горин-Горяинов, Вадимов, Варламова, Кривская, Глинская, Добровольская, Кручинин, Арсеньев.

Отношение юного Владимира Ульянова к Симбирскому театру еще раз говорит о широте и многосторонности его духовных интересов, о раннем тяготении к искусству, близкому к жизни, народу. Уже в эти годы он предпочитал видеть на сцене пьесы, которые правдиво отражали действительность, поднимали вопросы большого соци-

---

[1] Д. М. Андреев. В гимназические годы. — «Звезда», 1941, № 6, стр. 12.

ального звучания. Конечно, скромный юноша Ульянов в в то время и не предполагал, что через много лет, затаив дыхание, будут слушать со сцены проникновенное ленинское слово.

Более четырех десятилетий бывший Симбирский театр носит название Ульяновского. Там, где в 80-е годы прошлого столетия бывал, волновался, аплодировал юный Владимир Ильич, теперь идут пьесы, посвященные его жизни, труду и борьбе. Театр поставил в разные годы «Человека с ружьем», «Кремлевские куранты» и «Третью патетическую» Николая Погодина, «Семью» Ивана Попова. 90-летие со дня рождения великого вождя Ульяновский театр отметил постановкой пьесы «Нет прекрасней назначенья» местного драматурга Василия Дедюхина. Пьеса рассказывает о юношеских годах Володи Ульянова. Драматург и театр избрали своей целью раскрыть, как родилась, зрела и претворялась в действие у Владимира Ильича высокая и благородная мысль — все силы и всю жизнь отдать великому делу борьбы за освобождение и счастье человечества. 7 апреля 1960 года состоялась премьера пьесы. Спектакль прошел с большим успехом. Эта новая работа была показана затем московскому зрителю на сцене Кремлевского театра и передана по Центральному телевидению.

Любовь к искусству, к литературе, как и любовь к труду, была характерной чертой семьи Ульяновых. Ярче всего она нашла выражение в изумительно многогранной личности Владимира Ильича. Немалую роль здесь сыграл и город. В самом деле, только одни улицы Симбирска давали юноше целую картину литературного развития России. Вот Карамзинский садик и в нем памятник знаменитому симбирскому уроженцу Карамзину, главе русского сентиментализма и реформатору русского языка. Вот улица, по которой бегали еще мальчишками братья Тургеневы. Вот дом поэта Языкова, где бывал Пушкин. Дом Гончарова, поэтический «обрыв». Дом «короля рифмы» Минаева и сам поэт-сатирик, доживавший здесь последние годы. Дом Аксаковых... А Волга с ее чудесными песнями, легендами и сказаниями о Разине и Пугачеве!

«Сердцу близкий городок» Симбирск, Волга раскрывали молодому, жаждущему знаний и правды уму целые полосы историко-литературного развития России.

Быть может, здесь и была заложена основа последующего напряженного интереса Владимира Ильича к истории, к литературе, к той внутренней углубленности в жизнь, которая его характеризовала.

12.

С Симбирском и краем неразрывно слита биография талантливого поэта-переводчика и известного собирателя фольклора Дмитрия Николаевича Садовникова (1847—1883). Из 36 лет своей жизни почти 30 поэт прожил в нашем городе. Последние шесть лет он жил в Петербурге, да и то часто наезжал в Симбирск.

Нелегко сложилась жизнь Дмитрия Николаевича. Сын домашнего учителя, он трех лет от роду лишился матери и остался на попечении отца, сумевшего привить ему любовь к литературе и языкам. Мальчик обнаружил очень раннее развитие: пяти лет великолепно читал, восьми — сочинял стихи, а десяти — уже увлекался научными занятиями. Отец готовил его прямо в университет, куда хотел поступить и сам, чтобы не расставаться с сыном и оказывать ему помощь своими знаниями. Но смерть унесла отца, когда Дмитрию было только 13 лет.

Садовников учился в Симбирской гимназии, где его товарищами были Андреев-Бурлак, Мандрыкин (впоследствии известный в Поволжье журналист). Однако гимназии кончить не удалось, как не удалось поступить и в университет. Пробелы в образовании пришлось наверстывать серьезной самообразовательной работой, что позволило экстерном сдать экзамен на звание домашнего учителя. Свободно владея четырьмя иностранными языками, поэт добывал средства к существованию частными уроками и переводами.

В 1871 году Садовников женился. В разных журналах появляются его статьи, стихи, этнографические изыскания. Интенсивно развертывается и его фольклорная деятельность.

В 1877 году умирает жена. Оставив у симбирских родственников троих детей, Садовников переселился в Петербург, целиком отдавшись литературной работе. Имя его становится известным. Поэта одобряют И. С. Тургенев, Эртель, Я. П. Полонский. А. Н. Майков предсказы-

вает ему блестящую будущность. Однако — «оборвалась песня на полслове»... В 1883 году после поездки в родной Симбирск Садовников, в расцвете творческих сил, неожиданно умирает.

Садовникова называют «певцом Волги и воли». О Волге писали многие. Но никто не посвятил Волге своего вдохновенного дара целиком — это сделал лишь Садовников. «Волга была моей первой (и последней, добавим.— *К. С.*) любовью, первое представление о прекрасном неразрывно связано с ней», — признавался поэт [1].

Овеянная пленительной народной легендой, качавшая на своих волнах струги Разина и его сподвижников, вольная, любимейшая историческая река русского народа, полная обаяния и красоты — такой рисуется Волга в поэзии Садовникова. Главный герой его стихов и песен — Степан Разин, воспринятый через призму народных преданий на фоне волжской природы, Жигулей. Разин — это добрый русский молодец, народный богатырь, гроза бояр и царских воевод.

За Степаном — только свистни —
Колыхнется весь народ...
А кому охота биться
За царевых воевод?

Разин — горячий патриот: его долг — защищать бедных, оберегать границы «святой русской земли». На вопрос народа: «Где, кормилец, пропадал?» — Разин отвечает: «За святую бился Русь».

Лето 1883 года Садовников провел в Симбирске. Быть на Волге и не посетить любимых Жигулей — да разве это возможно? Поэт спустился на пароходе до Моркваши и отсюда совершал прогулки по горам, пропадая сутками. Скоро в «Волжском вестнике» появилось одно из лучших созданий Садовникова—стихотворение «Из-за острова на стрежень». Здесь Разин показан не только человеком большого сердца, но и вождем с высоко развитым чувством товарищества. По силе этого чувства он напоминает гоголевского Тараса Бульбу. Даже любовь к прекрасной женщине не может заставить Степана изменить узам товарищества, которое связывается у него с борьбой за волю.

---

[1] Цит. по статье В. Крупянской. — В кн.: Певец Волги Д. Н. Садовников. Куйбышев, Кн. изд., 1940, стр. 5.

Прошло несколько лет. На одном из вечеров в Москве писатель Скиталец под аккомпанемент гуслей спел «Из-за острова на стрежень». С его легкой руки песня быстро распространилась по России и стала одной из любимейших песен нашего народа. Где и кто ее не поет? Тем более здесь, на широкой Волге, на ее родине.

Под стать Разину и остальные герои Садовникова, люди воли и энергии, подвига и самоотверженного порыва («Усолка», «Богатырь-девка» и др.). Патриотические дела лучших представителей народа захватили воображение поэта. О них он написал книгу «Подвиги простых русских людей».

Много прекрасных стихов посвятил Садовников волжской природе, волжским былям. В лето 1883 года, последнее лето своей жизни, поэт работал над циклом лирических стихов о Волге. Целыми днями бродил он по знакомым берегам, забирался на горы, на Венец, засиживаясь там до глубокой ночи, а придя домой (он жил в доме родных жены, на Петропавловском спуске), писал:

Мне памятны такие ночи,
Когда на Волгу с высоты
Глядятся звезды, словно очи,
А Волга, двигая плоты,
Своими светится огнями,
И темной ночью невдомек,
Где небо? Высоко над нами
Иль на земле у наших ног?
Их два: то небо недвижимо
В покойной тонет глубине,
А это проплывает мимо,
Послушно медленной волне.

Волжские пейзажи у Садовникова полны света, красок, движения. Образы свежи и своеобразны. Стих гибок, красив, звучен. Не даром восторгался им Я. П. Полонский, говоря: «У него кованный самой искусной рукой стих» [1].

Большую ценность представляет этнографическая деятельность Садовникова, давшая целый цикл статей: «Жигули и Усолье на Волге», «Из волжских преданий о Стеньке Разине», «Из летней поездки по Волге» и др.

Заслуживают внимания труды поэта по литературному краеведению. Он занимался изучением архива поэта Языкова и опубликовал со своими комментариями

[1] Цит. по ст.: Д. Н. Садовников. — «Нива», 1909, № 5, стр. 97.

письма Пушкина к Н. М. Языкову, письма П. В. Киреевского в выдержках, касающихся Пушкина. Работал над биографией Н. М. Языкова, которая за смертью автора осталась незаконченной.

Тяжело и мало жил Садовников. И написал немного. Но у литературного наследства его есть особенно дорогая нам черта: оно зовет знать и любить свой край, народ, родину и во имя их идти на труд, борьбу, на подвиг.

В Симбирске прошли детские и юношеские годы Юрия Дмитриевича Беляева (1876—1917), писателя, видного театрального критика начала XX века.

Беляев учился в первой мужской гимназии Симбирска (ныне средняя школа имени Ленина). Затем вместе с родителями переехал в Петербург. В 1894 году Беляев жил в Крыму, в семье известных артистов М. И. Писарева и П. А. Стрепетовой, начинавших свой сценический путь в Симбирске. Их влияние оказалось решающим: юноша страстно полюбил театр и посвятил ему всю свою жизнь. «Живите в театре, любите театр, умрите в театре», — любил говорить Беляев.

Он писал пьесы («Путаница», «Красный кабачок», «Дама из Торжка» и др.), рассказы, романы, был режиссером, заведовал театральными отделами многих центральных газет и журналов. Увлекательный рассказчик в беседе (на него приглашали как на что-то особенное, редкостное), Беляев и в литературе выделялся своим оригинальным стилем, соединявшим отточенность формы с лиризмом, тонким юмором, меткостью и выразительностью слова. Почти все его литературно-критические труды посвящены театру: «Русские водевилисты», «Пушкин и актеры», «Актеры и пьесы», «Мельпомена», книги о Комиссаржевской, Яворской. В 1905 году Беляев, совершая путешествие по Волге и Заволжью, посетил родной Симбирск. Результат поездки — книга волжских впечатлений «В некотором царстве».

Наибольшее признание зрителя и критики получила пьеса «Псиша» (1911—1912), самое крупное общественно значимое произведение писателя, где он использовал материалы и из истории симбирского крепостного театра. В «Псише» автор рассказал о быте и работе крепостных артистов, об их неравной борьбе за свое освобождение, за право на свободную жизнь и свободное искусство. В этой драме Беляев излил всю свою любовь к русскому театру и его актеру.

Ю. Д. Беляев умер 5 января 1917 года. А через несколько дней, 21 января, Симбирский театр почтил его память постановкой «Псиши».

С большим успехом «Псиша» шла в первые годы революции на сцене многих театров. Под названием «Лиза Огонькова» она была издана в 1936 году для колхозной сцены.

Уроженцем города Симбирска является и поэт А. А. Коринфский (1868—1936), прозванный «волжским певцом». Сын главного симбирского губернского архитектора А. А. Коринфский посту-

пил в гимназию одновременно с В. И. Лениным. Жил Коринфский почти самостоятельно, во флигеле. Страстный книголюб, он собрал библиотеку, в которой было 1325 томов. Здесь имелись классики русской и иностранной литературы, комплекты передовых русских журналов, произведения революционных демократов и народников, а возможно, и нелегальная литература. «Мы все любили Аполлона Коринфского», — вспоминает Д. М. Андреев, товарищ его по гимназии.

Володя Ульянов пользовался библиотекой Коринфского и часто бывал у него. «Когда к Коринфскому заходил Ульянов, — пишет Андреев, — его нельзя было оторвать от шкафов с книгами. Он взбирался на высокую табуретку, перелистывал книги и так зачитывался, что забывал все на свете. Бывало, зовешь его в общую комнату, а он только отмахнется и скажет: «Отстань!» И даже уши заткнет, чтобы больше не приставали» [1].

Коринфский был критически мыслящей личностью. Он входил в существовавшую в 1887 году небольшую кучку передовой молодежи (М. А. Мандрыкин, В. И. Маненков — поэт, бывший сельский учитель, и др.), которая занималась самообразованием, спорила о «важных материях». Большое значение для Коринфского имело его близкое знакомство с приехавшим в этом же году Д. Д. Минаевым. Когда Минаев умер, его юный друг смело заявил в печати о своей любви к поэту, «каравшему своим звучным, отточенным стихом все пустое, рутинное и гнетущее»[2].

С обличений начал еще гимназистом свою литературную деятельность и Коринфский. В стихах, статьях и фельетонах, печатавшихся в «Волжском вестнике» и «Самарской газете», он давал нелестную картину жизни Симбирска 80-х годов, сравнивал его с «медвежьим углом», «болотом», называл «дворянским гнездом».

Гимназии Коринфский не закончил, выйдя из нее в 1885 году и целиком отдавшись литературной работе. В 1891 году перебрался в Петербург.

Коринфский — автор многочисленных сборников стихов, очень неравноценных по своей общественно-художественной значимости. Идейные позиции поэта были шаткими. Хотя он и говорит: «О Русь крестьянская! С тобой я кровно связан: мой прадед пахарь в душу мне вложил зерно заветных сил», — в жизни и поэзии он часто бывал далек от демократических сил, идеализировал старину, впадал в великодержавный шовинизм. В его поэзии немало холодного однообразия, манерности, шаблонного пафоса.

Для нас наибольший интерес представляют стихи Коринфского о Волге, волжской природе, которую он любил, тепло и ярко изображал в музыкальных строфах (сборники «Картины Поволжья», «Волга. Сказания, картины, думы», «В родном краю»). Много задушевных стихов посвятил поэт народным учителям, детям (сборник «На ранней зорьке»). Занимался Коринфский также переводами, писал критические статьи.

А. А. Коринфский был чутким, бескорыстным человеком и оказывал большую поддержку многим писателям из народа. В годы со-

---

[1] Д. М. Андреев. В гимназические годы. — «Звезда», 1941, № 6, стр. 7.

[2] Ж. Трофимов и Г. Хаит. Симбирянин А. А. Коринфский. — «Ульяновск. правда», 1965, № 207.

ветской власти Коринфский печатался мало. После него остались неопубликованные мемуары.

В 1912 году появилась статья В. Г. Короленко «И. А. Гончаров и «молодое поколение». Написана она в связи со столетием со дня рождения Гончарова.

Статья интересна не только меткими замечаниями о гончаровской жизненной драме, о его разладе с «молодым поколением», но и характеристикой самого Симбирска, в которой слышатся отзвуки личных впечатлений от посещения города.

Короленко любил Волгу, на берегах которой прожил 11 лет. Жизнь на Волге — «полоса, которой я уже никогда не вычеркну из моей жизни», — говорил писатель. Волжские наблюдения не раз служили темой его произведений («Груня», «На Волге», «Зарубка» и др.). Писатель неоднократно совершал путешествия по Волге — пароходом, на лодке, ночевал в Жигулях в землянке с рабочими, бывал в волжских городах, в том числе и в Симбирске. В Государственном архиве Ульяновской области имеется переписка казанского жандармского управления с симбирским жандармским управлением об учреждении за Короленко негласного надзора. Есть письмо писателя от 9 февраля 1913 года по поводу сбора средств на сооружение Дома-памятника И. А. Гончарову.

Короленко посещал Симбирск, видимо, как турист, что сказалось на несколько однобокой, поверхностной характеристике города, его общественной жизни.

В упомянутой статье Владимир Галактионович писал: «Симбирск из всех приволжских городов — это самый тихий, сонный и застойный... Симбирск спрятался за гору. К нему очень трудно взобраться по огромному взвозу (изображенному в «Обрыве»), и сам он как будто недоброжелательно и угрюмо желает, чтобы этот беспокойный пароход... отвалил поскорее, оставив его в спокойной дремоте. Если все-таки вы преодолеете трудности въезда... то найдете то же, что описывал Гончаров... Несмотря на то, что внизу льется бойкая жизнь великой реки, город будто залит сонной одурью степи. В последние годы мы знали много о жизни других городов. Там все-таки вскипала какая-то борьба, порой

заявлял о себе земский либерализм, потом брала верх реакция, бурлили две-три газеты... Ничего подобного мы не слышали о Симбирске, и даже первая газета, если не ошибаемся, явилась там очень недавно» [1].

Конечно, Симбирск — это не Казань и не Самара. Но и ставить знак равенства между 30-ми годами XIX столетия и 1912 годом по меньшей мере странно. Еще в 1901 году журналист Н. Н. Оглобин в очерке «Сонный город» (заглавие взято автором в кавычки) писал о Симбирске: «Совершенно устарел и не отвечает действительности известный стих Лермонтова в поэме «Сашка»... «сон и лень вполне Симбирском овладели». Может быть, в его время это была правда, но теперь Симбирск и не спит и не ленив, а живет и движется вперед довольно энергично» [2].

В 1912 году в Симбирске было уже 65 тысяч жителей, 14 средних учебных заведений. Рос рабочий класс. Знаменитый писатель допустил ряд неточностей, поверхностно ознакомившись с городом. Борьба в городе и губернии вскипала, — достаточно взять 1905—1907 годы, когда произошло около тысячи крестьянских выступлений, разгромлено 121 помещичье имение, возникли профсоюзы, организовалась (1904 г.) Симбирская группа РСДРП(б), руководившая революционной борьбой в городе и губернии. Первая газета «Симбирские губернские ведомости» появилась в 1838 году, а в 1912 году выходили в Симбирске две газеты: «Волжские вести» и «Симбирянин».

Таковы факты.

13.

С Симбирском и краем связана значительная полоса жизненного и творческого пути известного писателя Степана Гавриловича Скитальца (1869—1941), близкого друга и литературного соратника А. М. Горького.

В Поволжье привели Скитальца (Петрова) родствен-

---

[1] В. Г. Короленко. Полн. собр. соч., т. 9. Изд. Маркса, 1914, стр. 317—318.

[2] «Историч. вестник», 1901, № 10, стр. 224.

ные связи. Женившись в 1903 году на дочери богатого симбирского купца Н. К. Ананьева, писатель редкий год не наезжал в Симбирск.

С одним из приездов Скитальца связана первая уличная демонстрация в Симбирске. Произошло это 3 мая 1905 года. Для пополнения партийной кассы Симбирская группа РСДРП устроила в здании городской думы (ныне музыкальное училище) платный вечер. На вечере пригласили выступить и Скитальца. Публики полный зал. Писатель читал свои лучшие стихи («Гусляр», «Кузнец» и др.), вызвавшие настоящую овацию. Вот что пишет об этом вечере В. Рябиков, один из организаторов и руководителей симбирских большевиков: «Под впечатлением овации Скиталец воодушевлялся и в свою очередь воодушевлял аудиторию. Помню, что последнее стихотворение, прочитанное Скитальцем с большим подъемом, начиналось так:

Нет, я не с вами!
Своим напрасно меня зовете,
Мой бог — не ваш бог.
Мой бог карает...

Эти последние слова довели нас до белого каления. Как наэлектризованные, мы бросились к эстраде, и запрещенная в то время «Марсельеза», подхваченная сотней молодых голосов, залила зал думы. С пылающими лицами, с горящими глазами пели мы этот священный гимн, сбившись в тесный круг... По чьей-то инициативе возбужденная молодежь решила устроить демонстрацию на улице. Кое-как одевшись, выкатили мы скопом на площадь против Карамзинского садика, и в два часа ночи улицы давно спящего Симбирска огласились революционными песнями. Спали жители, но не спала полиция, которая, как оказалось, была наготове. Вскоре в толпу врезались полицейские, начались аресты, визг женщин, крики и ругань, но темнота помогла нам почти без жертв дойти до Большой Саратовской улицы, откуда толпа демонстрантов разошлась по радиусам в разные части города.

Это была первая уличная демонстрация в нашем городе» [1].

---

[1] В. Рябиков. Симбирские большевики в 1903—1906 гг. — В сб.: 1905 год в Симбирске. Ульяновск, 1925, стр. 20.

В 1913 году Скиталец с семьей приехал в Симбирск и поселился на Старом Венце (ныне ул. Пролетарская, дом № 41). В 1917 году здесь умерла его жена. В нашем городе с перерывами писатель прожил до 1921 года.

Симбирский период жизни Скитальца — период интенсивной литературной деятельности. За это время им написаны: пьеса «Вольница» (1915), «Воспоминания», рассказы «Семинария» и «Юность» (1918), «Лаврентий Щибраев» (1919), «Старый Венец». В Симбирске писатель начал работать над романами «Кандалы» и «Дом Черновых», подготовил к печати восьмитомное собрание сочинений (1918), «Очерки» (1917—1918) и «Песни Скитальца» (1919).

В советское время Степан Гаврилович сотрудничал в местной газете «Заря», где в четырех номерах был помещен рассказ «Лаврентий Щибраев». Секретарь редакции «Заря» С. Храмцов вспоминает, что автор рассказа «настойчиво просил, чтобы ему дали (вместо гонорара. — **К. С.**) четвертную бутыль керосина. — Пропадаю без света, — пояснил он. На такой большой расход керосина никто не соглашался, и только звонок т. Варейкиса, секретаря Губкома, дал возможность удовлетворить просьбу Скитальца»[1]. Шел незабываемый 1919 год, когда Ульяновск стал прифронтовым городом.

В Симбирске Скиталец выступал на студенческих вечерах (1914—1916), с концертами в театре. Такой концерт, данный им совместно с артистской Шевченко, состоялся 17 мая 1915 года. В августе 1917 года он читал в театре очерк «Волжские песни и сказания о Стеньке Разине», пел под аккомпанемент гуслей народные волжские песни и частушки. В феврале 1919 года в Народном Доме с аншлагом прошла пьеса Скитальца «Вольница» при участии самого автора, который эффектно и красиво провел выигрышную во всех отношениях роль Северовостокова.

Пьеса «Вольница», написанная на основе повести «Огарки», была запрещена царской цензурой. В печати появилась лишь в 1923 году и имела большой успех. Скиталец выступал с «Вольницей» не только в Симбирске, но и в Самаре, Сызрани и других волжских городах.

---

[1] «Писатель Скиталец в Ульяновске». — «Пролетарский путь», 1935, 9 сентября.

Последний раз в Ульяновске Скиталец был осенью 1935 года — заезжал повидаться с братом. «И всюду, где я был, — заявил писатель корреспонденту газеты, — я видел интересную, захватывающую картину строительства новых заводов, фабрик и многоэтажных домов. Волга живет сейчас такой цветущей жизнью, какой она никогда не жила» [1].

Самое ближайшее отношение к Симбирску имеет роман Скитальца «Дом Черновых», законченный в Харбине в 1929 году (у нас был издан отдельной книгой в 1935 году). Работал над ним писатель около 30 лет: собирал материалы, писал небольшие рассказы, потом вошедшие в роман, например «Старый Венец», ставший заключительной главой романа. В Симбирске осенью 1915 года Скиталец трудился над пьесой из быта купцов «Падение дома» на тему борьбы отцов и детей, имевшую самое близкое отношение к теме романа.

В основу романа «Дом Черновых» легли впечатления Скитальца от жизни симбирского и отчасти самарского купечества, которое он имел возможность наблюдать в бытность фельетонистом «Самарской газеты». Многое он взял от родных и знакомых. «Дом Черновых» — это дом тестя Н. К. Ананьева, либерального купца, одного из главных коммерческих воротил губернии. Он и вся его семья (жена, сыновья и дочери) явились в какой-то степени прототипами семьи Черновых: Н. К. Ананьев — это Сила Гордеич Чернов, его жена — Анастасия Васильевна Чернова, сын Михаил — Митя, сын Николай — Костя, дочь Елизавета — Варвара, дочь Александра — Наташа, Леонид Федорович Плеханов, племянник Ананьева, — Кронид, В. Н. Чердынцева, двоюродная сестра Ананьева, — Елена. Прототипом Крюкова послужил купец Железнов, владелец имения в селе Лапшевке (Ульяновского района), где не раз бывал и Скиталец, Блинова — купец Пирогов, Пирогова — А. Ф. Аладьин, член I Государственной думы от крестьян Симбирской губернии, близкий дому Ананьевых [2]. Немало рассыпано в романе симбирских деталей, поскольку

---

[1] «Писатель Скиталец в Ульяновске». — «Пролетарский путь», 1935, 9 сентября.

[2] Эти сведения любезно предоставлены братом писателя Г. Г. Петровым.

действие произведения частично развертывается в нашем городе.

В романе «Дом Черновых» Скиталец продолжал горьковскую тему исторической обреченности и неизбежного крушения капиталистического общества и прихода рабочего класса, нового хозяина земли. Раскрывается этот идейный замысел на истории вырождения и гибели купеческого рода Черновых.

Вся первая часть романа посвящена описанию жизни семьи Черновых в их имении «Волчье логово» (выведена усадьба Ананьевых в деревне Стоговка, ныне Кузоватовского района)[1]. О происхождении этого названия брат писателя Г. Г. Петров, работавший в соседнем селе Лукино учителем, писал мне: «Летом 1904 года Скиталец жил в Стоговке. Помню, он заинтересовался волком, живьем захваченным Ананьевым на охоте. Пошли в амбар смотреть волка. Скиталец дружески разговаривал с волком и, шутя и улыбаясь по-приятельски, в заключение сказал волку: «Вот и вся жизнь твоя — тоже скитальческая».

Однако название «Волчье логово» играет и определенную композиционную роль в романе, подчеркивая хищническую природу владельцев имения.

Автор близко к действительности воспроизвел в романе быт семьи Черновых, обстановку дома, окружающую природу. Душная семейная атмосфера, где все подчинено стяжанию, деньгам, которые заслонили жизнь народа, страны, ведет к неизбежной катастрофе дома Черновых. Под пером писателя образ хорошо знакомой семьи, пройдя через весь роман, принял художественно-обобщенное выражение загнивающего строя. В конце романа, при ликвидации усадьбы, появляется и волк, «старый, седой, облезлый, с цепью на шее». Он как бы разделяет участь Черновых и тем самым усиливает идейное звучание повествования.

Излагая историю семьи Черновых, Скиталец не связывает ее с жизнью деревни, крестьян. Это суживает рам-

---

[1] Скиталец жил в Стоговке весной 1905 года, бывал здесь в 1913—1917 годах. Может быть, не без влияния писателя и его брата сын Ананьева Н. Н. Ананьев печатал в Стоговке в доме отца материалы «противоправительственного характера», а потом распространял их среди крестьян, за что и был арестован.

ки охвата действительности и отрицательно сказывается на мотивировке причин социальных сдвигов.

Творчество Скитальца очень автобиографично. Это видно и по роману, где в образе одного из главных персонажей, художника Валериана, угадывается много живых черт самого автора. Его глазами показано движение революционных сил, заканчивающееся картинами гражданской войны в Поволжье (захват города белочехами, их зверская расправа над большевиками и рабочими, освобождение Симбирска Красной Армией) и утверждения Октября.

В «Доме Черновых» есть образ революционера, который в чем-то идет от В. И. Ленина. «Толпа затихла... Маленькая фигура человека в поношенном костюме появилась на эстраде. Лица у всех сияли. По сараю прошел густой сдержанный гул.

— Вот он! Вот!!! Вышел... Владимир!!.

Владимир был еще сравнительно молод, но очень худ и бледен. Коротко остриженные каштановые волосы торчали вихрами на круглой голове с большим, выпуклым лбом и голубоватыми глазами, смотревшими пронзительно» [1].

Впервые Скиталец встретился с Лениным в 1887 году в Самаре. «На всю жизнь остался в моей памяти юношеский образ Ульянова-Ленина при первой моей встрече с ним в 1887 году», — вспоминал писатель в статье «О Ленине».

Владимир Ильич интересовался творчеством Скитальца. Еще в 1902 году в письме к матери Ленин писал, что Горького и Скитальца получил и читал «с очень большим интересом», «сам читал и другим давал» [2].

В годы первой русской революции, сотрудничая в большевистской печати, Скиталец встречался с Лениным. На квартире Скитальца 3 декабря 1905 года произошло заседание сотрудников закрытой в этот день большевистской газеты «Новая жизнь», созванное Лениным и Горьким. В своей статье «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (1906) Владимир Ильич, характеризуя самодержавие («обожравшийся зверь») и кадетов («мо-

---

[1] Скиталец. Дом Черновых. Ульяновск, Кн. изд., 1961, стр. 250—251.

[2] «Красная новь», 1941, № 4, стр. 161.

гильные черви»), использовал стихотворение Скитальца «Тихо стало кругом». В последние годы жизни Скиталец написал статью «Гений Ленина», давая восторженную оценку личности великого вождя.

Ульяновск помнит замечательного писателя. В 1954 году в «Литературной газете» появилось открытое письмо группы ульяновских его почитателей «Почему не переиздают Скитальца?» Откликом на это выступление явился выход произведений Скитальца в центральных и областных издательствах. В Ульяновском краеведческом музее имеются экспонаты, связанные с памятью писателя: портреты его отца и жены, фотографии. На доме, в котором жил Скиталец в Симбирске (Пролетарская ул., 41), открыта мемориальная доска с надписью: «В этом доме в 1913—1921 гг. жил писатель С. Г. Скиталец-Петров».

14.

В определенные периоды Симбирск был связан и с А. М. Горьким (1868—1936). Следы этого мы находим как в творческой биографии писателя, так и в общественно-культурной жизни нашего города.

Впервые о Симбирске Горький услышал, вероятно, в год смерти отца, когда возвращался пароходом из Астрахани в Нижний Новгород, «насыщаясь красотой» осенней Волги. В августе 1888 года после катастрофы в Красновидове, чуть не погибнув при пожаре, двадцатилетний Горький оказался в Симбирске. Об этом он рассказал сам в «Моих университетах».

Через два года неожиданно для себя Горькому пришлось побывать в пределах Симбирской губернии [1]. Еще в конце 80-х годов молодой Горький мечтал об устройстве земледельческой колонии, «о жизни в колонии с двумя добрыми товарищами и милой барышней» [2]. Под влиянием событий и окружающих людей эта мечта «несколько поблекла». Между тем жизнь писателя в Нижнем Новгороде складывалась неблагоприятно. Неустрой-

---

[1] См.: Летопись жизни и творчества А. М. Горького. М., Изд. АН СССР, 1958.

[2] М. Горький. Собр. соч. В 30-ти т., т. 10 М., ГИХЛ, 1955, стр. 289.

ство личного существования, противоречия между окружающей жизнью и книгами, мучительные сомнения в связи с занятиями философией — все это создало тот тупик, в поисках выхода из которого метался Горький. Такое состояние было замечено писателем-народником Карониным. Он, по словам Горького, сказал ему: «Юноша, вам надо лечиться от этих судорог... Или уж лучше идите в колонию, вот, например, в Симбирскую» [1]. «Через несколько дней, — пишет Горький в автобиографическом рассказе «О вреде философии», — я ушел в Симбирскую колонию толстовцев и, придя туда, узнал от крестьян историю ее разрушения» [2].

Колония толстовцев находилась в селе Архангельском (ныне Сурского района). О ней Горький вспомнил в 1924 году в очерке о С. А. Толстой, жене Л. Н. Толстого, сказав, что «скандальная и тяжелая драма Симбирской колонии Архангельского, кончившаяся самоубийством крестьянской девицы», была изображена в «нашумевшем рассказе Каронина «Борская колония» [3].

Бывал Горький и в уездных городах Симбирской губернии — Ардатове, Сызрани. Горький вел переписку с писателями, в разное время находившимися в Симбирске: Скитальцем, Н. Степным, М. Д. Беляевым, журналистом С. М. Розовым (последний жил в Буинске). Был руководителем, наставником наших начинающих писателей — А. Неверова, Нилли (Н. Ильина), К. Горбунова. Встречался с рядовыми симбирянами (среди них участник русско-японской войны Д. Ф. Смолин).

В начале Октябрьской революции, обеспокоенный судьбой культурных ценностей Симбирска и губернии, особенно письмами Пушкина, Алексей Максимович прислал по этому поводу письмо Симбирскому губисполкому.

Имя Горького, его сочинения стали известны в Симбирске чуть ли не с первых шагов его литературной деятельности. Дело в том, что «Самарская газета», где в 1895—1896 годах сотрудничал Алексей Максимович, пользовалась популярностью в городе и Заволжье. В ней часто помещались корреспонденции из Симбир-

---

[1] М. Горький. Собр. соч. В 30-ти т., т. 10. М., ГИХЛ, 1955, стр. 306.

[2] Там же, т. 15, стр. 63.

[3] Там же, т. 14, стр. 304.

ска, ее статьи иногда перепечатывались в симбирских газетах. Некоторые произведения писателя распространялись в списках. Ему приписывали чужие революционные произведения — например балладу «Разрушенный мол», автором которой является социал-революционер Гершуни, убивший в 1902 году министра внутренних дел Сипягина.

Особенно усилилось революционизирующее влияние произведений Алексея Максимовича в 1905—1906 годах, когда в самом Симбирске и губернии распространялись стачки рабочих и демонстрации, выходили листовки местных большевиков, в большом количестве появлялись газеты «Искра», «Вперед», «Пролетарий», а в селах бушевало пламя крестьянских восстаний (было разгромлено свыше ста помещичьих имений).

В 1905 году газета «Симбирские вести» перепечатала часть статьи Горького «По поводу» с подзаголовком «Письма Максима Горького». В этом же году в Симбирском театре была поставлена пьеса Горького «Дети солнца», прошедшая со значительным успехом. Эти два события, идейно связанные с местным революционным движением, вызвали резкие отклики в симбирском обществе. Если реакционеры во главе с местным епископом встретили писателя-буревестника в штыки, то передовая интеллигенция и учащаяся молодежь увидели в сочинениях Горького призыв к жизни и борьбе.

Вскоре в Симбирском театре была поставлена вторая пьеса Горького — «На дне». Песня из нее «Солнце всходит и заходит» быстро распространилась среди населения города и края, вызвав подражания. В 1916 году в селе Карлинском я записал следующий куплет песни, видимо, народного происхождения:

Эх вы, цепи, мои цепи,
Вы железны сторожа,
Не порвать вас, не порезать
Мне без острого ножа.

О популярности Горького говорят и бытующие в крае легенды о писателе.

Внимательно следя за литературной жизнью всей страны, Горький интересовался литературным движением и в нашем крае. Это был интерес борца, руководителя, отстаивавшего большевистскую партийность лите-

ратуры. Так, когда в 1910 году в Симбирске стала выходить литературная газета «Жизнь» (редактор-издатель Н. Ильин (Нилли), помещавшая статьи реакционного содержания, Горький в ответ на обращение к нему редактора за поддержкой 28 февраля 1911 года написал гневное письмо. В нем он называл газету «вредной», говорил, что в ней «ничего народного», что авторам ее «бестолковых малограмотных статей... учиться надобно, а не учить». Но писатель увидел и положительный момент «Жизни» — желание отразить мысли и чувства нового читателя. Письмо Горького было перехвачено симбирской жандармерией.

Выступление Горького оказало свое положительное действие на газету: появились противоправительственные статьи. Посыпались репрессии, газета в 1911 году закрылась, а редактор отсидел месяц в тюрьме.

Симбирские впечатления Горького нашли некоторое отражение в его произведениях: «Два босяка», «Кража», «Мои университеты», картины к инсценировке П. Сухотина «В людях» (1932, в первой картине участвуют симбирские крестьяне-грузчики). Несомненный интерес представляют отзывы Алексея Максимовича о наших писателях-земляках в его работе «История русской литературы».

В 1928 году, широко отмечая шестидесятилетие со дня рождения великого писателя, ульяновцы направили Алексею Максимовичу теплое письмо, где выразили чувства восхищения и признательности замечательному художнику слова. Одна из улиц Ульяновска носит имя Алексея Максимовича Горького.

15.

В Симбирске совершил свой удивительный литературный подвиг чувашский поэт Константин Васильевич Иванов (1890—1915). Не имея предшественников, 18-летний юноша создал поэму «Нарспи» (1908), сделавшую автора основоположником и классиком чувашской литературы.

Тринадцатилетним подростком Иванов пришел из далекого глухого села Слакбаш в Симбирск и поступил в приготовительный класс чувашской учительской школы.

До Октябрьской революции Симбирская учительская школа была единственным учебным заведением в России для чуваш.

Основал эту школу И. Я. Яковлев, выдающийся просветитель, педагог и общественный деятель, создатель чувашского алфавита и письменности, один из ближайших сотрудников И. Н. Ульянова. В. И. Ленин лично знал и высоко ценил труды Яковлева. 20 апреля 1920 года Владимир Ильич телеграфировал Симбирскому губисполкому: «Меня интересует судьба инспектора Ивана Яковлевича Яковлева, 50 лет работавшего над национальным подъемом чуваш и претерпевшего ряд гонений от царизма. Думаю, что Яковлева надо не отрывать от дела его жизни» [1].

К. Иванов, поступая в учительскую школу, мечтал стать педагогом и заняться литературной работой. Об этом он поведал инспектору Яковлеву, который заметил способности своего ученика. Он подбодрил Иванова и посоветовал заняться переводами.

Четыре года Иванов пробыл в школе. Много читал из русской и иностранной литературы, пробовал переводить. Но жилось и работалось тяжело. Школа постоянно испытывала гонения царских чиновников, смотревших на чувашей, как на племя «неисторическое, примитивное, не способное создать свою культуру». Яковлев делал все, чтобы спасти школу, ученики которой, как и их руководитель, возмущались нападками и притеснениями. И когда пришла революция 1905—1907 годов, молодежь чувашской школы приняла в ней непосредственное участие. Ученики объявили забастовку, потребовали преобразования школы в учительскую семинарию.

Воодушевленный революционными событиями, К. Иванов рисовал карикатуры и писал эпиграммы на ненавистных преподавателей, вдохновил товарищей поднять красное знамя над зданием школы. К своим соплеменникам он обратился с призывом: «Вставай, поднимайся, чувашский народ!» По предписанию полиции и попечителя Казанского учебного округа Яковлев вынужден был в 1907 году исключить «бунтовщиков», в том числе и Иванова.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 61.

Поэт уезжает в деревню, пытается как-то устроиться, но с «волчьим билетом», выданным в школе, никуда не принимают. На помощь опять приходит Яковлев. Он приглашает Иванова на работу в качестве переводчика «Евангелия» и других богослужебных книг, нужных миссионерам. Вскоре Яковлеву удается «вырвать» разрешение на издание букваря и 2—3 сборников для школьного чтения на чувашском языке. День и ночь сидит поэт над созданием первых чувашских книг. Переводит стихи Лермонтова, Некрасова, Кольцова, пишет свою поэму «Нарспи» и цикл сказок: «Железная мялка», «Вдова», «Две дочери» и др. Яковлев хочет издать «Нарспи», но ему разрешают напечатать лишь книгу «Сказки и предания чуваш», которая и вышла в Симбирске в 1908 году. В нее вошли в качестве образцов фольклора, без фамилии автора, поэма «Нарспи» и сказки.

Первыми читателями явились ученики школы, которым дали по книжке. Выехав на каникулы, они-то и разнесли по чувашским селам пленительные стихи, 14 песен поэмы, ставшей народной.

С 1907 по 1909 год Иванов написал несколько оригинальных произведений, трудился над переводами классиков русской литературы и учебников, занимался самообразованием и блестяще выдержал экзамен на звание народного учителя при Симбирской гимназии. Однако найти место ему, неблагонадежному в политическом отношении, не удается. Тогда Яковлев устраивает Иванова учителем чистописания и рисования в женское и мужское двухклассное училище при чувашской школе.

Поэт увлекается живописью и готовится к экзаменам за курс Академии художеств. Но подорванное тяжелой жизнью здоровье сдавало. Весной 1914 года болезнь так обострилась, что К. В. Иванов был вынужден оставить симбирскую школу и уехать на родину. Там и нашел он свое последнее пристанище.

Поэма «Нарспи» справедливо считается украшением чувашской художественной литературы. В необычайно певучих, образных стихах Иванов рассказывает трагическую историю любви красавицы Нарспи, дочери богача Михадера, к бедному парню Сетнеру. Так же, как и смелая и мужественная Нарспи, автор ненавидит богачей, закабаляющих народ, и прежде всего женщин, темных и бесправных. Ее устами он заявляет о праве на

любовь и счастье, о праве человека самому строить свою жизнь.

Эх, старый отец, ты сед,
Но так и не знал в свой век,
Что счастья с немилым нет,
Богатство — не человек.

Гордая и смелая для того времени мысль пронизывает поэму: человек сильнее всего на свете.

Нет сильнее человека
Во Вселенной никого:
Он на суше и на водах
Стал хозяином всего.

В страданиях Нарспи и Сетнера, которые гибнут, чувашский народ увидел свои собственные страдания, а в образах их обидчиков узнал собственных притеснителей.

До Октября имя К. В. Иванова было неизвестно. Социалистическая революция вернула чувашам великого художника. Но классик чувашской художественной литературы дорог и всему советскому народу, который высоко ценит силу его стихов, образов, им созданных, его заслуги в борьбе за культуру своих соплеменников.

Неоднократным гостем Симбирска в течение 1899—1913 годов был Алексей Николаевич Толстой (1883—1945). Наш город являлся как бы перевалочным пунктом в поездках писателя из Самары, а потом и из Петербурга в Симбирское Заволжье [1].

16.

Литературная жизнь в предреволюционном Симбирске характеризуется почти полным застоем.

Выходила единственная благонамеренная консервативная газета «Симбирянин». В ней изредка появлялись имена Федора Черного, автора книги «Тени жизни» Н. Ильина (Нилли), литературоведа-краеведа Н. А. Державина, изобретателя-самоучки Е. Горина, журналиста Н. Гладкова. Но это не был сплоченный коллектив людей, который бы периодически обсуждал литературные вопросы. Жили эти люди разрозненно, встречались случайно, больше сидели по своим углам. Некоторые из

[1] См. об этом в главе «А. Н. Толстой и Симбирское Поволжье».

них печатались в центральной прессе — Державин, Ильин, Черный.

Заглядывали иногда в город и писатели с именем. Так, в мае 1914 года с чтением своих произведений выступал в городском театре писатель-юморист Аркадий Аверченко. В 1915 году приезжали Скиталец, публицист Петров. Но, как правило, приезжие литераторы в общение с местными авторами не вступали.

За три последних предреволюционных года в Симбирске вышла из печати лишь книжечка стихов А. М. Гриневича. В Петрограде был издан сборник произведений Е. Горина, в Москве в издательстве Сытина появились стихотворения симбирянки С. Григоровой (Морошкиной).

Иная литературная жизнь пришла в Симбирск-Ульяновск после Великой Октябрьской социалистической революции. Притекли новые литературные силы. Появилась потребность в их организации. Возник Пролеткульт, затем — объединение писателей-самоучек из народа — «Симбирский дом народного творчества», создаются литературные группы: «Стрежень», «Ульяновское литературное объединение», «Перевал», «Молодняк», «Ульяновская ассоциация пролетарских писателей» и др.

Одновременно с организацией литературных сил происходило и оживление издательской деятельности. При Симбирском губернском отделе народного образования в 1920 году появился издательский подотдел. Несмотря на неимоверные трудности с бумагой и всем полиграфическим хозяйством, выходили книги, выпускались десятки самых разнообразных журналов. Однако существование большинства из них заканчивалось на первом-втором номере.

Журналы печатались разные: «Гильотина», «Комар», «Симбирский комар», «Искусство и жизнь», «Коммунист», «Юный пролетарий», «Симбирский понедельник», «Красное звено», «Знание и труд», «Синбир», «Жаворонок», «Симбирский общественник» и др. Самым последним был «Ульяновский общественник», просуществовавший дольше всех — вышло 19 номеров. Литературные материалы появлялись и во всех газетах, выпускавших специальные литературные странички.

Значительный размах приняло краеведение, для чего в 1922 году было создано «Общество по изучению род-

ного края». На заседаниях общества заслушивались доклады о писателях губернии, в новых сборниках члены общества помещали историко-литературные статьи, исследования. Местные краеведы Н. Столов, Н. Гладков и др. выявили и частично опубликовали новые литературные материалы.

Все эти факты ярко говорят о том, что с социально-политическим пробуждением трудящихся масс возник и огромный интерес к литературе, к художественному слову. Можно сказать, что это был небывалый еще подъем литературной жизни.

Активное участие в литературном процессе того времени, наряду с уже сложившимися писателями и журналистами (Скиталец, Н. Ильин, Е. Венский, М. Белов, А. Гриневич, П. Бунаков, Ф. Черный), принимал солидный отряд свежих литераторов, рожденных революцией: В. Билль-Белоцерковский, К. Федин, В. Никонов, Л. Резцов, С. Храмов, С. Шагарова, И. Кротова, В. Алексеев, Б. Чистов, А. Швер, А. Караваева, А. Карцев, К. Горбунов и др.

Некоторые из них стали широко известными писателями: В. Билль-Белоцерковский, К. Федин (начало его литературной деятельности связано с Сызранью, уездным городом Симбирской губернии), В. Эрлих, А. Караваева, К. Горбунов, А. Карцев.

17.

Этот плотно сбитый, полный энергии и жизнерадостности человек в подпоясанном полушубке впервые появился в Симбирске в январе 1919 года.

Время было грозное, боевое, незабываемое время 1919 года. Симбирск превратился в прифронтовой город — формировались и направлялись на Восточный фронт эшелоны воинов. Шла ожесточенная война с контрреволюцией, с тифом и вошью, с безграмотностью, с холодом и голодом, спекуляцией. Да разве перечислить всех тогдашних врагов революции? Приходилось поистине разрываться на части.

В самой гуще всех этих тревог и забот оказался и вновь появившийся товарищ в потертом полушубке. Без его участия не проходило в городе ни одного партийного собрания, ни одной массовки, ни одного митинга.

Вскоре его фамилия замелькала на страницах газеты «Заря» под статьями, стихами, рассказами, а больше всего под объявлениями, призывавшими коммунистов города и сочувствующих им то «для учета безграмотных», то на воскресник по заготовке топлива для железной дороги, то для участия в «неделе фронта и транспорта». Но этот человек еще ухитрялся забегать в промерзшее насквозь здание театра к актерам, вести с ними беседы по текущему репертуару и учиться у них «строить» пьесы.

То был Владимир Наумович Билль-Белоцерковский (род. в 1885 г.), член штаба Московского Чрезвычайного военного округа, командированный на Восточный фронт с местом назначения — Симбирск. Здесь его избрали председателем военной секции, потом секретарем Симбирского горкома РКП(б), а в январе 1920 года — председателем городского комитета партии.

Нелегкую жизнь прошел Билль-Белоцерковский до Симбирска. Уроженец юга Украины, выходец из бедняцкой семьи, шестнадцатилетний юноша после окончания трех классов начальной школы ушел в море юнгой. Матросом плавал на парусных шхунах, побывал во всех частях света. Около семи лет провел в США, где испробовал всякую работу: был кочегаром, землекопом, мыл окна в небоскребах, батрачил у фермеров. На самом себе познал он, что значит быть безработным и спать под кровлей небесной.

В 1917 году, узнав о революции в России, Белоцерковский приезжает в Москву и сразу же становится активным участником октябрьских боев. В этом же году он стал коммунистом.

Публицистическая деятельность Белоцерковского началась в 1918 году. Но драматургом и беллетристом он сделался в Симбирске.

Придавая большое значение литературе и искусству, Биль-Белоцерковский встал во главе местного Пролеткульта, сплачивая вокруг партии творческие силы. В своих статьях он поднимал самые насущные вопросы современности, в рассказах разоблачал античеловеческую природу буржуазного общества («Жертва», «Черные и белые» и др.). В конце 1919 года в Симбирске вышел сборник «Смех сквозь слезы», куда вошли рассказы Бе-

лоцерковского, ранее публиковавшиеся и написанные в нашем городе.

На создание пьес Белоцерковского натолкнула та же партийно-общественная работа, которая давала темы и для публицистическо-беллетристических произведений. Писатель остро почувствовал, как необходимо привлечь к пропаганде театр, который в Симбирске в те дни стоял в стороне от большой дороги жизни, пробавляясь такими пьесами, как «Три сиротки» или «Трильби». Белоцерковский пишет свою первую пьесу «Бифштекс с кровью». 26 января 1920 года состоялась премьера. Большинство актеров отказалось играть в спектакле. Однако нашлись энтузиасты, и, несмотря на значительные художественные недостатки, спектакль имел успех: зрители жадно ловили слова главного героя — безработного Чарли, которого играл артист Г. И. Туманов. Газета «Заря» в двух статьях — редактора А. В. Швера и председателя Симбирского губкома РКП(б), члена ВЦИК И. Варейкиса — дала высокую оценку идейному содержанию пьесы. Представленный на Всероссийский конкурс «Бифштекс с кровью» получил вторую премию (первая премия не была присуждена).

За первой пьесой последовала вторая — «Этапы», куда вошли сцены октябрьских боев в Москве. «Этапы» поставлены в конце лета 1920 года и продержались на сцене два сезона. Пьесы Билль-Белоцерковского открыли двери Симбирского театра для революционного репертуара.

5 марта 1921 года В. Н. Билль-Белоцерковский уехал из Симбирска в распоряжение ЦК РКП(б). Губком РКП(б) и Симбирское бюро Пролеткульта обратились в ЦК партии с письмом следующего содержания: «Губернский комитет РКП(б) обращается к Вам с просьбой относительно предъявителя сего тов. Белоцерковского, рабочего писателя, председателя Симбирского горкома РКП. Губком совместно с симбирским Пролеткультом характеризуют тов. Белоцерковского, как несомненно выдающегося рабочего писателя, имеющего трехлетний литературный стаж, и просят оказать содействие в издании и постановке его последних, исключительно талантливых двух пьес «Этапы» и «Бифштекс с кровью», изданных Симбирским губкомом.

Чтобы предоставить тов. Белоцерковскому возмож-

ность и в дальнейшем продолжения его литературной деятельности, губком РКП(б) просит обратить внимание на дарование тов. Белоцерковского и оказать ему содействие через соответствующие органы в смысле поощрения его полезной и даровитой работы в области пролетарской литературы» [1].

Симбирский губком потом писал, что «тов. Белоцерковский, благодаря своей энергии, дисциплинированности и труду, пользовался большим доверием и авторитетом, являлся примером для всей организации» [2].

Поселившись в Москве и сделавшись профессиональным писателем, Билль-Белоцерковский в 1924 году написал пьесу «Шторм». В 1925 году «Шторм» был поставлен на сцене одного из московских театров и вызвал восторженный прием у зрителей, актеров и критики. С тех пор прошло более сорока лет, а «Шторм» продолжает свое победное шествие по театрам нашей страны и за рубежом.

Постановка «Шторма» явилась крупнейшим событием в истории советского театра. Автор одним из первых открыл, дал почувствовать на сцене настоящую жизнь, живую действительность, показал героику революционного подвига, создал реальные типы коммунистов. Особенно удались Билль-Белоцерковскому образы Братишки, матроса Виленчука и председателя Укома, в котором много автобиографического. Известный советский драматург Н. Погодин назвал Билль-Белоцерковского «пионером, первооткрывателем... зачинателем советской драматургии» [3].

В основу «Шторма» легли впечатления автора, вынесенные из Симбирска. «Материал, от которого я отталкивался при написании «Шторма», — говорит писатель, — не был мной выдуман, а был взят из жизни. Он во многом автобиографичен. Когда я писал председателя Укома, то, по сути дела, рассказал многое из того, с чем пришлось столкнуться мне — председателю Симбирского горкома. Братишка — образ скорее собирательный

---

[1] Н. Погодин. Наш старший товарищ. — «Литерат. газета» № 4, 1955.

[2] «Театр», 1957, № 9, стр. 89.

[3] Н. Погодин. Наш старший товарищ. — «Литерат. газета» № 4, 1955.

(но в нем есть автобиографические черты). Меня же, как бывшего моряка, очень привлекало изобразить в пьесе именно матроса. Так был создан Братишка... Когда я писал пьесу, передо мной вставал тогдашний Симбирск с его муками, переживаниями, с его верой и бодростью, возникала в памяти вся разнообразная масса его населения. Но главное, мне хотелось передать то страстное революционное горение, которым были охвачены люди, создавшие новый небывалый строй» [1].

Но и без этого признания писателя старожилы Ульяновска, люди, помнившие Симбирск незабываемых первых революционных лет, сразу же узнавали город по множеству деталей, разбросанных в пьесе, начиная с названий улиц и кончая многими городскими событиями тех лет, зафиксированными в газете «Заря».

Вот повестка городской партийной конференции от 16 февраля 1919 года: «Борьба с бандитизмом, борьба с тифом и топливным кризисом, работа среди крестьян, снабжение армии, организация транспорта, проведение воскресника» [2].

А вот отрывок из второй картины «Шторма». В кабинете председателя Укома совещание. Председатель говорит: «У нас на повестке дня следующие вопросы. Борьба с тифом. Борьба с бандитизмом. Борьба с саботажем. Неделя по топливу. Неделя по транспорту. Отчет упродкома. О церковном браке. Текущие дела» [3].

Драматург прекрасно передал суровый облик тогдашнего прифронтового Симбирска, несгибаемую волю и боевой дух его жителей, руководимых коммунистами. И как понятен, как волнующе радостен и трогателен крик матроса Братишки у трупа председателя Укома партии:

— Вася!.. Васька!.. Наша взяла!

Жаркое дыхание классовых боев в пьесе чувствуется и посейчас. Первая народно-героическая советская драма оказала большое влияние на советских драматургов.

Ульяновцы не забывают своего революционного бы-

---

[1] «Театр», 1957, № 9, стр. 89.

[2] «Заря», 1919, 16 февраля.

[3] В. Билль-Белоцерковский. Пьесы. М.—Л., «Искусство», 1937, стр. 40.

тописателя. Отмечая в 1965 году 80-летие В. Н. Билль-Белоцерковского, «Ульяновская правда» посвятила ему целую полосу. В своей телеграмме редакции Билль-Белоцерковский писал: «Дорогие товарищи, друзья! Разрешите поблагодарить вас от всего сердца за вашу добрую память обо мне, старике, за ваши поздравления по случаю моего 80-летия. Спасибо! Я горжусь тем, что город Ленина стал близким и родным мне городом! Люди этого города, их дела, их жизнь дали мне материал для пьесы «Шторм». И я никогда не забуду ни этих людей, ни этот город! Искренне ваш В. Билль-Белоцерковский» [1].

Значительную роль в литературной жизни Ульяновска сыграла известная писательница Анна Александровна Караваева (род. в 1893 г.). В Ульяновск она приехала в 1925 году из Сибири, где началась ее литературная деятельность. В это время на творческом счету Караваевой уже числились повести «Флигель», «Медвежатное», рассказы «Рыжая масть» и др., в которых она выступила бытописателем деревни первых лет революции.

В Ульяновске Анна Александровна заведовала Дворцом книги имени В. И. Ленина, преподавала в совпартшколе и вела разнообразную общественную работу: выступала с докладами, с чтением своих сочинений, состояла членом правления союза работников просвещения. В 1926 году она вступила в партию. Большую деятельность писательница развернула по собиранию литературных сил города и губернии. Она организовала литературное объединение при редакции губернской газеты, превратившееся вскоре в местное отделение ВАППа (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей), которым она и руководила. Караваева оказывала устную и письменную помощь начинающим литераторам. Кто из писавших в те годы не испытал на себе ее забот и поддержки? Для всех она находила ободряющие слова и ценные советы. Успевала Анна Александровна и сотрудничать в местной печати — в газете «Пролетарский путь», журнале «Советский общественник». Говоря о размахе общественно-литературной деятельности Караваевой, газета «Пролетарский путь» писала, что «прихо-

---

[1] «Ульяновск. правда» № 27, 1965.

дилось удивляться ее неисчерпаемой энергии, работоспособности» [1].

В Ульяновске Караваева прожила около трех лет. Эти годы, по ее признанию, были «продуктивными». В нашем городе она закончила повесть «Двор» (1926) и роман «Лесозавод» (1927), окончательно закрепившие популярность писательницы. Если в повести «Двор» она продолжала изображать борьбу нового и старого в деревне, то в романе «Лесозавод» показан процесс совершенствования, обновления людей в связи с ростом завода.

В Ульяновске написан и роман «Юность на Грязной» (из жизни интеллигенции), и цикл рассказов: «Дымная межа», «Каленая земля», «Ее лучшая роль», «Гость» и др.

В июле 1928 года Караваева переехала на жительство в Москву. Но и в столице Анна Александровна не переставала интересоваться литературной жизнью нашего города и края: вела переписку с отдельными литераторами, делилась впечатлениями о творчестве наших поэтов и прозаиков, указывала на недостатки, давала советы.

В 1947 году, в связи с приближавшимся 300-летием Симбирска-Ульяновска, писательница жила месяц в нашем городе, работая над очерком о Дворце книги имени В. И. Ленина, напечатанном потом в одном из номеров альманаха «Литературный Ульяновск».

18.

Заметно оживилась литературная жизнь в Ульяновске в послевоенное время, чему немало способствовало появление областного издательства, отделения Союза писателей СССР и альманаха «Литературный Ульяновск».

Если первые книжки альманаха «Литературный Ульяновск» не заслуживали высокой оценки читателя и не вызывали глубокого интереса, то последующие по идейно-художественному уровню произведений стали заметно лучше. Появились новые поэтические имена: Н. Благов, Н. Костров.

---

[1] Б. Россейкин. А. Караваева и литературный Ульяновск. — «Пролетарский путь», 1928, 24 июня.

Особенно плодотворно работает Николай Благов, автор семи сборников стихов — «Просыпаются яблони», «Имя твое» и др. Н. Благову по плечу сильные художественные мазки, он видит и прописывает образы, как может это делать истинный, большой художник. Темы, которые волнуют его, — Россия, Волга, добро, ненависть, красота, любовь, поэзия.

Большое оживление вносят в жизнь ульяновских литераторов областные писательские конференции с их жаркими творческими дискуссиями. Писательскую организацию возглавляет прозаик В. Карпенко, автор нескольких произведений, в том числе крупной повести «Красный генерал» — о герое гражданской войны Думенко. Первая часть ее опубликована в журнале «Волга» в 1967 году.

Отделение Союза писателей СССР объединило вокруг себя значительную группу начинающих авторов. В городе и области функционирует несколько литературных объединений: «Огонек» — при газете «Ульяновский комсомолец»; «Вездеход» — при автозаводской многотиражке; «Черемшан» — в г. Мелекессе; «Сосенка» — в г. Барыше. Все это говорит о том, что в области имеется солидный литературный резерв.

В своих произведениях ульяновские литераторы стремятся углубленно отобразить многогранную жизнь современника, борьбу нового с отживающим, природу родного края.

Заветная мечта многих из них — написать достойные произведения о В. И. Ленине. Ленинская тематика главенствует в стихах А. Макарова. Над поэмой о Ленине работает Н. Благов. Да, пожалуй, не найдешь ни одного местного поэта, который бы не коснулся Ленинианы.

О семье Ульяновых, о формировании мировоззрения юного Володи Ульянова написал пьесу «Нет пре-красней назначенья» В. А. Дедюхин. Пьеса получила общесоюзное признание. Тепло встречена читателями и повесть Дедюхина «Апрельский ливень» (1963), выдержавшая два издания. В ней рассказано о жизни колхозного крестьянства и сельской интеллигенции. Пронизанная тонким лиризмом, повесть несет дыхание жизни. Писатель наблюдателен и психологически зорок. Фраза проста, легка и сочна. Автор свободно и интересно строит диалог. «Апрельский ливень» — свидетельство даль-

нейшего роста писательского мастерства В. А. Дедюхина, автора многих рассказов, пьес.

Крупным писателем стал в Ульяновске в эти годы Григорий Иванович Коновалов (род. в 1908 г.). В нашем городе он впервые появился в 1940 году в качестве преподавателя литературы в педагогическом институте. После перерыва, вызванного военной службой, Коновалов в 1946 году возвращается к прежней работе. В ульяновский период (переехал в 1959 году в Саратов) он опубликовал два романа и несколько рассказов. В романе «Университет» (1947) воссоздаются картины жизни советского провинциального университета, борьбы с буржуазными влияниями в науке. Роман «Степной маяк» посвящен колхозной деревне. В Ульяновске написан Коноваловым широко известный очерк «На родине Ленина». Здесь же сложился и частично осуществлен замысел третьего крупного романа «Истоки» (первая книга — 1959, вторая — 1967).

Г. И. Коновалов вел в Ульяновске большую общественно-культурную деятельность: несколько лет возглавлял отделение Союза писателей СССР, выступал с докладами, принимал участие в литературных вечерах.

В некоторых произведениях талантливого писателя можно найти приметы природы нашего края.

АКСАКОВСКИЕ МЕСТА

1. Аксаково[1]

От станции Майна Куйбышевской железной дороги до села Аксаково рукой подать — не более десяти километров. И лучше всего их, не торопясь, пройти пешком. Уж очень по-аксаковски щедра и разнообразна природа вокруг: поля, леса и перелески, холмы, овраги, лощины, светлые ключики родников и заплутавшаяся в зарослях ивняка махонькая речушка Майна. Среди этого приволья и пролегает дорога на Аксаково.

Но можно пробраться в Аксаково и «вéрхом» — горами, что тянутся от деревни Сергеевка и открывают взору далекие горизонты.

Естественная прелесть этих дорог как бы приобретает

---

[1] Майнского района.

В «Семейной хронике» и «Детских годах Багрова внука» есть описание тогдашнего Аксакова и его окрестностей, которые с тех пор существенно изменились. В село, ставшее центром сельсовета, пришла современная культура (всеобщая грамотность, восьмилетняя школа, радио, электросвет, клуб, кино, библиотека, водопровод и пр.) и материальная обеспеченность. Но светлое, глубокое озеро, тянувшееся вдоль всего селения, заметно поубавилось; исчезли богатые клюквой и брусникой Моховые болота, повырублены густые гривы лесов.

Село Аксаково от отца перешло к младшему брату писателя Аркадию Тимофеевичу, который энергично взялся за восстановление родового гнезда. Он воздвиг грандиозные каменные постройки, поражавшие современников своими размерами и оригинальностью.

В конце XIX века имение перешло в руки симбирского купца Вьюгина, человека, совершенно равнодушного к литературе, к истории. Вскоре от каменных построек не осталось и кирпича. Потом исчезло и все имение.

дополнительные оттенки от сознания того, что ты идешь местами, которые вдоль и поперек, на десятки километров, с ружьем и собакой исходил замечательный русский писатель Сергей Тимофеевич Аксаков (1791—1859), автор классических книг «Записки об ужении рыбы» (1847), «Семейная хроника» (1856) и др.

Село Аксаково в далеком прошлом — «родовая вотчина» Аксаковых. В 1673 году прадедушка писателя «бил челом» московскому государю об отводе земли, которую он нашел. Земля была пожалована, началось ее заселение. Во второй половине века дедушка писателя, выведенный в «Семейной хронике» под именем Степана Михайловича Багрова, переселился в заволжские места, на берега реки Большой Бугуруслан.

В произведениях писателя село Аксаково упоминается десятки раз под именем Старого Аксакова, Симбирского Аксакова, Троицкого, Симбирского Багрова.

Дедушка и отец писателя дорожили Аксаковым. Описывая один из приездов семьи в Аксаково, Сергей Тимофеевич говорил: «Я заметил, что отец чуть не заплакал, войдя в старые господские хоромы и увидя, как все постарело, осело и покосилось... «Это, Сережа, наше родное именье», — говорил мне отец» [1].

Следуя семейной традиции, родители писателя считали своим долгом обязательно бывать в Аксакове. Вместе с ними, а потом и один посещал село и Сергей Тимофеевич. В конце 20-х или в начале 30-х годов XIX столетия писатель прожил здесь целый месяц с сыном Константином. Побывал он в селе Аксакове также в 1851 году, когда вместе с сыновьями совершал длительное путешествие по Волге, предпринятое для свидания с родными, для хозяйственного обзора имений и положения крестьян, оставленных хозяевами 25 лет назад.

Страстный рыболов и охотник, чье художественное творчество, по замечанию Соколова-Микитова, почти все связано с охотничьей темой, писатель любил Аксаково за чудесную лесную охоту с ружьем. Здесь же летом 1806 года, будучи студентом Казанского университета, Аксаков получил полное удовлетворение от собирания бабочек. Это было «увлечение ранней... молодости, которое, хотя недолго, но зато со всей силой страсти

---

[1] С. Т. Аксаков. Избр. соч. М. — Л., ГИХЛ, 1949, стр. 175.

овладело мною и оставило глубокое, свежее до сих пор впечатление», — писал Сергей Тимофеевич незадолго до смерти.

О своем увлечении писатель рассказал в сочинении «Собирание бабочек» (1858). «Порхающие цветки» живут на страницах этого поэтического произведения и зовут наших детей стать страстными коллекционерами.

2. Чуфарово[1]

В Чуфарове (по произведениям Чурасово) жила богатая тетка писателя, Надежда Ивановна Куроедова, описанная под именем Прасковьи Ивановны Куролесовой. Воспитанница дедушки Аксакова, она украдкой вышла замуж за молодого красивого, но бедного помещика М. М. Куроедова и принесла с собой в приданое Чуфарово и другие имения.

Замужество Н. И. Аксаковой оказалось неудачным. Жестокий крепостник, развратник и самодур Куроедов на всю губернию прославился своими оргиями и кутежами, зверскими истязаниями крепостных. Выведенные из терпения крестьяне в 1792 году отравили Куроедова.

После смерти мужа Н. И. Куроедова поселилась в Чуфарове. Умерла она в 1806 году в Симбирске, оставив отцу С. Т. Аксакова большую долю своих имений.

В конце XVIII — начале XIX веков Чуфаровская усадьба была маленьким центром крепостной дворянской культуры. Влиятельная, достаточно развитая хозяйка, к которой считал своим долгом заглядывать и сам губернатор, жила широко. Огромный господский дом с флигелями был окружен обширным садом-парком с оранжереями, теплицами и двадцатью родниками, бившими из горы. Многочисленная прислуга с утра до вечера сновала по комнатам, обставленным богатой мебелью и украшенным картинами. В доме имелась изрядная библиотека. Среди ежедневных гостей часто можно было видеть А. М. Карамзина, брата знаменитого историографа, П. И. Миницкого, владельца прекрасной

---

[1] Сурского района.

библиотеки и собирателя старинных документов, Н. Философова, местного острослова, и других образованных дворян.

После степного оренбургского захолустья жизнь в Чуфарове юному Аксакову казалась «городской», господский дом — «дворцом из Шехерезады», а само «знаменитое» Чуфарово с его двумя церквами и вычурными барскими постройками — «похожим на город».

Родители писателя — главные наследники Куроедовой — видели в ней «благодетельницу» и беспрекословно выполняли ее желания, часто и подолгу гостили всей семьей в Чуфарове. Да и матери писателя, выросшей в Уфе, чуфаровская жизнь приходилась по душе.

Если в оренбургском Аксакове будущий писатель жил, погруженный в мир природы, народных песен, изустных преданий, то в Чуфарове он соприкоснулся с обществом культурных людей, со стихией книжной поэзии. На первый план выступили люди и их отношения. Жизнь открылась перед нервным, впечатлительным, даровитым ребенком новыми, еще не виданными сторонами. Началось «исступленное чтение» книг, благо за этим никто серьезно не следил. Кроме русских поэтов и писателей (Карамзина, Хераскова, Долгорукова и др.), по поводу которых шли «прежаркие споры» с дочкой Миницкого, в библиотеке имелись Мейснер, Ричардсон, Гольдсмит и пр. «Они воспламеняли мое участие и любопытство, — говорил Аксаков — <...> Чтение всех этих новых книг и слушание разговоров гостей... часто заставляли меня задумываться» [1]. «Обогащенный новыми книгами и новыми впечатлениями... я беспрестанно разговаривал и о том и о другом со своей матерью и с удовольствием замечал, что я стал старше и умнее, потому что мать и другие говорили, рассуждали со мной уже о том, о чем прежде и говорить не хотели» [2].

В Чуфарове Аксаков впервые заметил контрасты крепостнических порядков. Приглядываясь, вдумываясь и сопоставляя, он увидел и бедных сирот-приемышей, которых богатая тетушка открыто третировала и гоняла, как слуг, и приживалку-шпионку Дарью Васильевну, и развращенную бездельничаньем жадную дворню, и заби-

---

[1] С. Т. Аксаков. Избр. соч., стр. 184.
[2] Там же, стр. 186.

того, всех боявшегося буфетчика. Аксаков узнал, что важный управитель Михайлушка эксплуатировал крестьян и наживал большие деньги, что сама Куроедова, несмотря на ее ум, ласку и любовь к его родителям, далеко «не такая добрая»: дворовых жестоко наказывает, отдает в солдаты, помыкает бедными гостями. В свете чуфаровских впечатлений даже родители перестали казаться безупречными, идеальными существами, какими они представлялись в Ново-Аксакове. Так Чуфарово способствовало формированию общественных взглядов писателя, содействовало его литературному росту.

Из Чуфарова Аксаков совершил свое первое путешествие в Казань. Описанием этой поездки и заканчиваются «Детские годы Багрова внука», одна из замечательных книг в русской литературе о детстве. Как сказал сам писатель, детство его кончилось в Чуфарове.

Последнее длительное пребывание С. Т. Аксакова в Чуфарове относится к лету 1804 года, когда он уже являлся студентом Казанского университета.

3. Вишенки[1]

С деревней Вишенки связаны воспоминания раннего детства Аксакова. В своих поездках в Аксаково и Чуфарово родители писателя всегда останавливались в Вишенках, принадлежавших Куроедовой, а после ее смерти перешедших к отцу автора «Семейной хроники».

Пребывание в Вишенках и сама деревня описаны в «Детских годах Багрова внука». «Это было самое скучное степное место», — писал Аксаков о Вишенках. Но Вишенки славились хлебородной землей, «состоявшей в иных местах из трехаршинного чернозема, богатством крестьян и особенной охотой их до хороших, породистых лошадей». Помещичьего дома в Вишенках не существовало, был лишь флигель, в котором во время наезда останавливались барин и управляющий. Впоследствии в окрестностях Вишенок по реке Бирля Аксаков любил ходить на уток.

Страсть к охоте заставила Аксакова заглянуть в самые отдаленные уголки нашего края. Он бывал на реке Инзе,

---

[1] Мелекесского района.

где «охотники собирались отличные и охоты бывали баснословно удачные». Завел близкое знакомство с симбирскими охотниками (одного из них он пространно цитирует в «Записках ружейного охотника»), преимущественно деревенскими, людьми небогатыми. «Мы найдем, — писал Аксаков, — между крестьянами, и всего чаще между небогатыми, страстных, безумных охотников, я знавал их много на своем веку» [1]. Таким охотникам он адресовал и свои «Записки».

Симбирский край прочно вошел в жизнь и книги С. Т. Аксакова. Живые впечатления, полученные им «на заре юных дней» и позднее, властно овладели творческой душой выдающегося художника слова и нашли воплощение в «Семейной хронике», в «Детских годах Багрова внука», в «Записках ружейного охотника» и «Воспоминаниях». Действие этих произведений частично развертывается на территории нашей области. Здесь писатель увидел многие картины, типичные для русской жизни конца XVIII — начала XIX столетий.

Хотя консервативный характер политических взглядов Аксакова помешал ему понять и отобразить некоторые стороны народной жизни, он все же сумел запечатлеть обширный достоверный материал, обличающий крепостнический строй, дикий произвол помещиков, пустоту и обломовщину их жизни, жестокую эксплуатацию крестьянства. Достаточно вспомнить типические образы Куролесова, тетушки Прасковьи Ивановны и «главного управителя» Михайлушки, прототипы которых жили в Чуфарове. Правдивость Аксакова подметил Добролюбов, заявив, что он «слишком уважает фактическую правду мемуаров Аксакова». Да и сам писатель не раз подчеркивал, что он меньше всего был «выдумщиком». «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова внука», появившиеся в конце 50-х годов XIX столетия, не раз использовала революционно-демократическая критика в борьбе за ликвидацию ненавистного феодального строя.

Много правды сказал Аксаков и о быте, жизни крестьян, их обычаях и порядках, о природе края.

Связи с Симбирским Поволжьем поддерживали и чле-

---

[1] С. Т. Аксаков. Полн. собр. соч., 1914, стр. 1119.

ны семьи С. Т. Аксакова. В 1854 году здесь побывал сын писателя, поэт и публицист И. С. Аксаков (1823—1886). С дороги он писал отцу: «А я, едучи по Симбирской губернии, думал, что хорошо бы Вам приехать сюда, милый Отесенька! (так в письмах И. С. называет отца. — К. С.) Здесь-то, посреди мест, родных Вашей душе, посреди этого богатства природы и благодатного простора, вдали от Москвы, можно успокоиться душою. Когда я ехал, так мне хотелось перенесть Вас с собою в эти чудные края» [1].

---

[1] И. С. Аксаков в его письмах, т. I, М., 1888, стр. 445.

Второй сын писателя, Г. С. Аксаков (1820—1891), выведенный в незаконченном «Отрывке из семейной хроники», служил в 40—50-х годах прошлого века прокурором в Симбирске, положив немало сил в борьбе за оздоровление дореформенного суда. «Столько беспорядков, интриг, нарушений законов, намеренно и ненамеренно, такое равнодушие к исполнению своих обязанностей, нежелание что-нибудь жертвовать, отсутствие стремления ко всему благородному и живому и такие дикие понятия о чести, что приходишь в отчаяние», — писал он о тогдашних симбирских порядках. (Цит. по ст.: С. Т. Аксаков и Среднее Поволжье. — «Волжская коммуна», № 12, 1941.)

ВЕРХНЯЯ МАЗА

Верхней Мазой, глухим степным селом Сызранского уезда Симбирской губернии (ныне Радищевского района), закончилась героическая жизнь поэта-партизана Дениса Васильевича Давыдова (1784—1839). Такой конец Давыдова не являлся неожиданным. За свои вольнолюбивые произведения он на всю жизнь был внесен в список «неблагонадежных и опасных лиц». За ним следили жандармы, к нему подсылали профессиональных шпионов. Мстительное, тупое преследование Давыдова правящими кругами продолжалось даже после его смерти. Чего стоит полное гнусной клеветы и бешеной злобы заявление генерала Полторацкого: «Давыдов, заржавевший в своей хвалынской деревне. Он кончил, как начал—попивая. Юноша, герой-гусар, чувственный писака, сделался хозяином-питухом. Перерождение куколки в бабочку очень натурально. Жалеть о смерти подобных людей — много горя будет»[1].

Около десяти лет (1829—1839) прожил Д. В. Давыдов в Верхней Мазе, полюбил село, окружающие «благословенные» степи, здешних людей. Изредка наезжая в столицы, он буквально рвался домой, в Мазу, где чувствовал себя свободным, независимым. «Страсть как опять хочется в Мазу, — писал он в одном из своих писем. — Мне скучно здесь (в Москве. — К. С.), я в степь хочу... Вообразить не можешь, как меня обольстили мои сим-

---

[1] «Русская старина», 1892, № 5, стр. 233.

бирские и саратовские степи. Так бы и полетел туда, что, впрочем, я непременно сделаю» [1].

В Мазе Давыдов занимался хозяйством: выстроил винокуренный завод, устроил в саду пруд, копался в огороде.

К крестьянам относился мягко, заботливо, убавил барщину, уменьшил оброк, отменил телесные наказания, при нужде помогал лесом, хлебом, деньгами, советом. В своих дворовых видел близких людей. Заболел камердинер — Давыдов шлет к соседу-помещику за 18 верст срочного гонца с запиской «одолжить ради бога фельдшера на сутки». Завел в селе школы, отдавая весь свой гонорар на содержание учителей. Не случайно добрая слава о Денисе Васильевиче и до сих пор живет среди жителей села.

Одно из любимых занятий Давыдова в Мазе — псовая и ястребиная охота. Давыдовская псарня славилась на весь уезд. С упоением, со всей страстью он отдавался охоте, пропадая в степях целые сутки. Письма из Мазы переполнены заметками об охотничьих успехах.

Охота отвечала азартному характеру Давыдова, его привычке к движению, борьбе. Вот почему он любил дальние дороги в буран, в осеннее ненастье, в ростепель — это «давало какое-то наслаждение борьбы». В одном из писем он так описывает свой путь от Москвы весной 1836 года: «Я плыл, топился, полз по голой земле, обрывался в зажоры и часто ночевал в поле под проливным дождем... в перекладной открытой повозке» [2]. На местных разбойников Давыдов нагнал такой страх, что достаточно было крестьянину сказать: «Я давыдовский», — как его отпускали с миром.

С местными малокультурными крепостниками-дворянами поэт почти не общался. В их глазах он был «большой руки оригиналом». Давыдов возмущался их дикостью, жестокостью, кастовой ограниченностью и требовал для провинции «людей твердых, бескорыстных и взыскательных» [3].

Один из передовых людей своего времени, Давыдов и в Мазе поддерживал тесные связи с небольшой груп-

---

[1] «Старина и новизна», 1917, кн. 22, стр. 50.
[2] Д. В. Давыдов. Соч., т. 3. СПб, 1893, стр. 218—219.
[3] «Старина и новизна», 1917, кн. 22, стр. 50.

пой прогрессивных дворян. Это — Ивашевы, Татариновы, Языковы, Бестужевы. В этих семьях, связанных близким родством, еще жило сочувственное отношение к декабристам, теплился огонек оппозиции николаевскому режиму. Совсем не случайно, например, Д. В. Давыдов и А. В. Бестужев отсутствовали на торжественной встрече Николая I в Симбирске в 1836 году, хотя Бестужев был предводителем дворянства Сызранского уезда. Неизвестно, чем он мотивировал свою неявку. Давыдов же сослался на то, что он забыл в Москве костюм для торжественных выходов.

Желанным гостем поэт был в Акшуате, Языкове, Репьевке, в Ундорах. В Языкове в 30-е годы жил поэт Н. М. Языков, в Ундорах — родители декабриста В. П. Ивашева, в Акшуате — Н. И. Поливанов, товарищ Лермонтова по университету, в Репьевке — А. В. Бестужев, человек весьма образованный, любитель литературы, пописывавший в повременных изданиях. Известно его стихотворение, посвященное Давыдову: «Любуюсь я твоим конем». Несмотря на близкое соседство, между Давыдовым и Бестужевым шла оживленная переписка. В обществе друзей поэт с его «молодостью сердца», заразительной веселостью и даром рассказчика слыл душой товарищеских бесед.

Образ жизни поэта в эти годы стал строго размерен. В 4 часа утра он уже на ногах. До завтрака — литературная работа. В 9 часов завтрак, затем обязательная маршировка — прогулка по заранее измеренным аллеям обширного сада. В 3 часа обед. После «засыпал в кресле на несколько минут». А потом снова литературные занятия. Вечером чай, шутки, интересные разговоры с домашними, гостями. В 10 часов сон.

Часто бывал Давыдов и в Симбирске [1].

Реже стал выглядывать Денис Васильевич из Мазы в последние годы жизни. Давали себя знать и перенесенные военные походы, и надвигающаяся старость, и бурно

[1] В Симбирске Давыдов пережил увлечение местной красавицей-помещицей С. А. Кушкиной. Письма этого периода к друзьям заполнены описаниями предмета запоздалой страсти, носившей, впрочем, довольно высокий, одухотворенный характер. Кушкиной поэт посвятил несколько стихотворений («Вы хороши», «Душенька», «Н. Н.» и др.), написанных в Симбирске. Автор считал эти стихи лучшими, Белинский назвал их «прекрасными» и цитировал в своей статье о Давыдове.

прожитая молодость. «Как я ни храбрюсь, — писал он Жуковскому из Мазы, — а все чувствую, что не тот уже, что был... Стал кряхтеть на седле при усиленном переходе, что я никогда не делал и не понимаю, как можно делать» [1]. Мучила астма, которую он сам лечил гомеопатией, шутя называя себя «гусаром-эскулапом».

Занимался в Мазе Давыдов и воспитанием своих восьмерых детей, которых он очень любил. Интересны его письма к сыну Василию Денисовичу: поэт настаивает на приобретении «обширных сведений», так как тогда можно будет «легко с честью и со славой носить всякий мундир». Поэт-воин любил повторять сыновьям пословицу: «Береги платье снову, а честь смолоду».

Однако главным занятием Давыдова в Мазе был литературный труд, который в этот период жизни писателя весьма значителен по ценности. Только здесь, в глухом степном селе, Давыдов осознал себя настоящим литератором, установил тесные связи с писателями и общественными деятелями эпохи. Он активно сотрудничает в «Литературной газете», «Современнике», «Библиотеке для чтения», «Сыне отечества», ведет обширную переписку, которая держит его в курсе современного литературного движения. Адресаты поэта — А. Ф. Воейков, М. Н. Загоскин, М. А. Максимович, Н. М. Языков, П. А. Вяземский, А. Ф. Смирдин, Е. А. Баратынский, А. С. Пушкин, В. А. Жуковский и др.

Особенно существенна переписка с Пушкиным, дружба с которым, несмотря на расстояние, крепнет и приобретает характер плодотворного содружества [2].

Дружеские связи установились у Давыдова и с поэтом Языковым: личные встречи в Языкове, оживленная переписка [3].

---

[1] «Старина и новизна», 1917, кн. 22, стр. 50.

[2] «Встав под знамена Пушкина», как заявил Давыдов, он горячо ратует за привлечение к участию в «Современнике» Языкова, Баратынского, Хомякова. «Рассчитывай на меня, — пишет он Пушкину из Москвы, — я под твоим начальством буду лихо служить». (Соч., т. 3. СПб., 1893, стр. 217.) Узнав о посещении Пушкиным Симбирска и Языкова, Давыдов горестно сообщает ему: «Ты был у Языкова, и я не знал о том. Неужели ты думаешь, что я мог бы засидеться в своем захолустье и не прилетел бы обнять тебя. Злодей, зачем не уведомил ты меня о том?» (Там же, стр. 192—193).

[3] Давыдов высоко ценил талант «волжского земляка» (Языкова). «Вы мой душевный поэт, — писал Давыдов, — никто мне душу

Поэтический талант Давыдова, «не великий, но замечательно самобытный и яркий» (Белинский), снова ожил в Мазе и засверкал «гармоническими» стихами и «грациозно-пластическими образами» (Белинский). «Знаешь ли ты, — писал Давыдов Пушкину, — на днях я написал много стихов, так и брызгало ими» [1].

Более двадцати стихотворений написал поэт в Мазе. Среди них такие известные, как «Море воет, море стонет...», сатира «Современная песня» и др. «Море воет...» стало популярным романсом. В «Современной песне», хотя и с консервативных позиций, язвительно высмеян псевдолиберализм того времени:

Всякий маменькин сынок,
Всякий обирала,
Модных бредней дурачок
Корчит либерала...

Радикальная журналистика 60—70-х годов прошлого столетия широко использовала это стихотворение для разоблачения дворянского либерализма.

В Мазе Давыдов впервые предстал во всем многообразии своего таланта. Он завоевал, как авторитетно заявил Белинский, право стоять наряду с лучшими прозаиками русской литературы. «Не позволяют драться, я принялся описывать, как дрались», — говорил поэт и написал около 20 прозаических сочинений: мемуаров, военно-исторических статей и специальную исследовательскую работу «Опыт теории партизанского действия», получившую международное признание. Отстаивая до-

---

не возвышает более вас, ничто не ласкает мое сердце более ваших стихов». «В обеих последних войнах стихи ваши... возились мною за пазухой, как волшебная ладанка, имеющая свойство возвышать душу и умножать бодрость и жажду к битвам и славе» («Русская старина», 1884, т. 43).

Давыдов посылал Языкову свои стихи и очень дорожил его мнением. Тем же платил «поэту-воину» Языков. В послании к Давыдову от 1835 года, описывая его боевые подвиги, Языков дает ему характеристику и как поэту:

Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно летучий,
И разгульно удалой.

(«Д. В. Давыдову»)

[1] Д. Давыдов. Соч., т. 3. СПб, 1893, стр. 193.

блесть и честь русского солдата, Давыдов блестяще опроверг Наполеона, лживо утверждавшего, что «великую армию» погубили якобы только суровые русские морозы.

Военная проза Давыдова красочна и своеобразна, как и все, выходившее из-под пера этого разносторонне одаренного человека. В ней много интересных исторических деталей. Написанная ярким, неподражаемым языком, она с увлечением читается и в наши дни.

В Верхней Мазе поэту-партизану суждено было и закончить свою жизнь. 22 апреля 1839 года около 7 часов утра Денис Васильевич скончался от апоплексического удара, заставшего его за письмом к сыну. Такова официальная версия. Но вот в сентябре 1962 года правнучка Давыдова Ольга Николаевна Давыдова заявила, что ее прадед покончил с собой после двукратного посещения его неким жандармским полковником и длительных, крайне его расстроивших бесед наедине с ним. В семье Давыдовых в этом факте не сомневались, хотя и тщательно его скрывали [1].

Жители Верхней Мазы бережно хранят память о своем прославленном земляке. На месте, где хранился прах Давыдова, разбит сквер. В нем поставлен памятник поэту работы скульптора Айрапетяна, отлитый по заказу комсомольцев района на средства, полученные молодежью от воскресников. Бронзовый памятник изображает Давыдова с непокрытой головой, в гусарской форме, со смелым, призывным взглядом.

---

[1] Слух о самоубийстве поэта жил и среди мазинских крестьян. Так, в 1944 году на собрании в Мазе, посвященном памяти Д. В. Давыдова, семидесятилетний Андрей Никанорович Носанов заявил: «Старики говорили, будто против царя он бунтовал, его за это и со службы отстранили. А как стал царь до него и тут добираться да притеснять, он, стало быть, не стерпел да и отравился» («Ульяновск. правда» № 114, 1944).

Показательна и такая деталь. Церковь отказывалась хоронить самоубийц. Вдове поэта с большим трудом удалось получить разрешение на похороны мужа в Москве, в Новодевичьем монастыре. Прах Давыдова в течение шести недель покоился в Мазе в склепе. Чтобы замолить грех мужа, жена поэта весь путь от Мазы до Москвы шла за гробом пешком.

Член-корреспондент АН СССР профессор Д. Благой полагает, что со всеми этими данными нельзя не согласиться. «Задача советских исследователей — доискаться до истины» (Д. Благой. Новое о поэте-воине. — «Литература и жизнь» № 109, 1962).

Что касается самой Мазы, то она никак не походит на прежнюю. Над селом, ставшим отделением совхоза, возвышается величественное, с колоннами здание Дома культуры. Есть библиотека, восьмилетняя школа, медицинский пункт, почта, магазины, машинно-мелиоративная станция, которая ставит в «благословенных» степях пруды и водоемы, а в селах — водопроводы.

ЯЗЫКОВО

Стоял теплый, почти летний день, когда мы приехали в Языково [1].

Осень уже приглядывалась к вековому языковскому парку, словно раздумывая: трогать ли его густые лиственные своды, зеленым каскадом ниспадавшие в долину, или подождать. Щедро залитый сентябрьским солнцем обширный парк ласково шумел и приветливо манил в прохладную тень аллей и тропинок, звал к светлому зеркалу своих прудов с застывшей на них стаей белоснежных лодок.

Языковский парк — единственное, что осталось от сгоревшего в 1918 году имения замечательного русского поэта Николая Михайловича Языкова (1803—1846). Оценивая историческое значение поэта, Белинский писал: «Имя Языкова навсегда принадлежит русской литературе и не сотрется с ее страниц даже тогда, когда стихотворения его уже не будут читаться публикой: оно останется известно людям, изучающим историю русского языка, русской литературы».

Живописно раскинувшееся на берегах реки Урень, у подножия меловых лесистых гор, Языково (основано в 1684 году) было жалованной вотчиной служилых предков рода Языковых. Когда-то здесь проходила Симбирская оборонительная «черта», ограждавшая безопасность юго-восточной границы Московского государства. Остатки

---

[1] Карсунского района.

этой «черты» в виде земляного вала сохранились местами и по сей день.

В Языкове у отца поэта, богатого помещика, был двухэтажный дом с семью колоннами дорического стиля, великолепный парк с оранжереями и двумя прудами. Здесь поэт провел значительную часть детства и отрочества. Здесь «младая жизнь дарила ему весенние цветы» и «пленительные годы юности катились весело незримою струей». Отсюда он вынес любовь к тихой сельской жизни. Так родное и милое сердцу поэта Языково — «край незабвенный» — стало на всю жизнь источником вдохновения.

Передо мной наследная картина:
Вот горы, подле них широкая долина,
И речка, сад, пруды, поля, дорога, лес,
И бледная лазурь отеческих небес.
. . . . . .
Кругом леса и горы меловые,
По скатам их разбросано село,
Луга, реки подгорные извивы
И двух прудов спокойное стекло.

По этим строчкам и сейчас можно узнать Языково.

С 1814 по 1829 год поэт учился. За это время он побывал в Языкове два раза: в 1820 году (провел часть лета и осень); в 1829 году уже известным человеком, сотрудником лучших журналов, Николай Михайлович навестил родное село.

Как всегда, ехал он сюда с большим желанием и с надеждой на плодотворную работу. «Как бы только добраться до Языкова, — писал поэт из Дерпта мужу своей сестры П. А. Бестужеву. — Уж там-то застихотворствую, и восстановится моя блистательная слава поэтическая»[1]. Он собирался поселиться в «деревне симбирской... петь жизнь патриаршую, Волгу».

Но пребывание в глуши на этот раз было не долгим: поэт успел лишь написать семь стихотворений. Только весной 1833 года он осуществил заветное желание — осесть в Языкове. Направляясь к родным местам, в поля «родимого предела», Языков писал В. Д. Комовскому: «Еду полный надежд поэтических, написать то-то и то-

---

[1] Письма Н. М. Языкова В. Д. Комовскому. — «Лит. наследство», кн. 19—21. М., 1935, стр. 80.

то» [1]. Вскоре по приезде в село в послании к А. Н. Вульфу он говорил:

Мой друг! Поздравь же ты меня
С восходом счастливого дня,
С давно желанной, мирной долей...
Здесь дома я, здесь лучше мне[2].

Из Симбирска в Языково 11 сентября 1833 года приезжал Пушкин. Этот приезд не явился неожиданным. Языкова связывала с Пушкиным дружба, совместная жизнь в Тригорском летом 1826 года, переписка. Пушкин ехал московским почтовым трактом (через Тетюшское, Уржумское, Тагай, Прислониху), но поэта дома не застал. Пушкина встретил старший брат Петр Михайлович. На другой день Пушкин сообщал жене: «Пишу тебе из деревни поэта Языкова, к которому заехал и не нашел дома... Здесь я нашел старшего брата Языкова, человека чрезвычайно замечательного и которого готов я полюбить, как люблю Плетнева или Нащокина. Я провел с ним вечер и оставил его для тебя, а теперь оставляю тебя для него» [3]. В память о своем посещении поэт на стекле окна вырезал алмазным перстнем свое имя.

Возвращаясь из Оренбурга, Пушкин снова заглянул к другу, произошло это 29 сентября 1833 года. «Проезжая мимо Языкова, я к нему заехал, застал всех трех братьев, отобедал с ними очень весело, ночевал и отправился сюда», — писал Пушкин жене из Болдина [4]. О его пребывании А. М. Языков сообщал В. Д. Комовскому: «Вчера у нас был Пушкин, возвращавшийся из Оренбурга с Яика. Из интересных новостей он прочитал свою сказку «Гусар». Написана она весьма живо и занимательно. Знаете

---

[1] «Историч. вестник», 1896, № 12, стр. 990.

[2] В Языково поэт приехал с сильно расстроенным здоровьем, с первыми зачатками болезни, которая через 12 лет сведет его в могилу.

К этому времени в большой семье Языковых произошли значительные изменения: родители умерли, две сестры вышли замуж, женился старший брат. При дележе имущества село перешло к поэту. С ним в Языкове остались жить младший брат Александр и сестра Екатерина. Часто наведывался и старший брат, ученый, геолог-краевед Петр Михайлович, считавшийся главой семьи и заведовавший всеми хозяйственными делами.

[3] А. С. Пушкин. Собр. соч. В 10-ти т., т. 10. М., «Наука», 1966, стр. 445, 446.

[4] Там же, стр. 449.

ли вы, что Гоголь написал комедию «Чиновник» («Ревизор». — К. С.)? Из нее нам Пушкин сказал несколько пассажей, чрезвычайно острых и объективных» [1].

По семейному преданию Языковых, Пушкин, застав братьев, одетых по-домашнему, в халатах, пристыдил их и разбранил за азиатские привычки.

Уезжая из Языкова, Пушкин дал слово быть зимой в Симбирске.

От Языковых Пушкин получил солидный материал о Пугачеве, в том числе и рукопись Рычкова «Осада Оренбурга». Когда вышла из печати книга «История Пугачевского бунта», то А. М. Языков писал: «Почти вся вторая часть доставлена нами».

Приезд Пушкина явился выдающимся событием в жизни Н. М. Языкова. Еще долго после этого имя Александра Сергеевича не сходило со страниц писем Языковых. В 1834 году братья Языковы усиленно приглашали Пушкина посетить их, для чего А. М. Языков специально заезжал в Болдино к поэту. Но приезд Пушкина не осуществился.

Комната, в которой у Языковых останавливался Пушкин, стала называться «пушкинской» и сохранялась в неприкосновенном виде. Ее описание оставил В. Поливанов, посетивший Языково незадолго до продажи имения поэта купцу Степанову: «Комната эта средней величины, с одним большим окном в сад, обставлена мебелью красного дерева, черной деревянной кроватью и в углу типичным украшением камина в форме усеченной колонны» [2].

Семейная, помещичья атмосфера глубоко захватила Языкова. «Я теперь нахожусь в Артемидиных садах: тишина возлюбленная, уединение сладчайшее, приволье в высочайшей, прекрасной степени», — писал он М. П. Погодину. (Цит. по кн.: Ф. Я. Смирнов «Жизнь и поэзия Н. М. Языкова». Пермь, 1900.) Ноты удовлетворения сельской жизнью звучат и в письмах к А. Вульфу, В. Д. Ко-

---

[1] Д. Н. Садовников. Отзывы современников о Пушкине. — «Историч. вестник», 1883, № 12, стр. 537.

[2] В. Поливанов. Село Языково. — «Историч. вестник», 1896, № 12, стр. 987.

На камине, по преданию, было много интересных надписей, принадлежавших Д. В. Давыдову, братьям Киреевским, В. А. Соллогубу, Д. П. Ознобишину, не раз бывавшим в Языкове.

мовскому. В стихотворении «Н. А. Языковой», описывая свои досуги, поэт говорит:

...льется мирно и незримо
Мое привольное житье:
Где я могу таким покоем наслаждаться,
Какого я не знал нигде и никогда,
И мыслить, и мечтать, и страстно забываться
Перед светильником труда.

Однако «светильник труда» горел тускло. Творческие планы — написать не только «сонет, элегию, а что-нибудь большое» — оставались в воображении. За годы пребывания в Языкове (1833—1838) поэт создал 15 произведений, из них 11 посланий — жанр, популярный в ту эпоху. В посланиях Языков восхваляет прелести уединенной деревенской жизни, заявляя, что он, «слава богу, на православную дорогу вышел», что «пора познать себя, вкусить добра, небуйных, трезвых наслаждений» («А. Н. Вульфу»). Поэт «радости и хмеля», «буйства удалого», певец «святых битв за свободу» в молодости в эти годы переходит к элегическим и религиозным мотивам. С конца 20-х годов Языков отходит от поэтов прогрессивного лагеря и становится на позиции консервативного течения русской общественно-политической мысли, славянофильства. Н. А. Добролюбов писал, что поэт не сумел удержаться на прежней высоте «стремлений чистых и благородных», потому что у него «недоставало для этого зрелых убеждений». Здесь причина затухания поэтической деятельности Языкова.

С необычайной для себя энергией он занимался собиранием фольклора, что вытекало из внимания славянофилов к простому народу. Языковым записано много народных песен, поговорок, загадок, известная сказка «Горшеня». К собиранию фольклора поэт привлек сестер, обоих братьев, соседей. Эту работу он считал «благим начинанием», «делом великим», «благородным и патриотическим», «великим подвигом». Русский фольклор для Языкова — «сокровище неоценимое», «чистое... золотое зеркало всего русского». По заявлению известного собирателя фольклора П. В. Киреевского (1808—1858), Языков передал ему 500 «самых лучших номеров», записанных за два года.

Увлечение фольклором нашло отражение и в творчестве поэта. Он написал «Сказку о пастухе и диком веп-

ре» (1835) и драматическую сказку в семи частях «Жар-птица» (1836). Интерес к сказкам в 20-30-е годы прошлого столетия в русской литературе был большой. Достаточно вспомнить тогдашние споры о народности, многочисленные подражания народной поэзии, опыты Пушкина и Жуковского, появление в 1834 году сказки Ершова «Конек-горбунок» и ту полемику, которую вызвали опубликованные сказки.

В Языкове Николай Михайлович продолжал старательно пополнять свою библиотеку — «сокровищницу золота умственного, поле жатвы, благодетельнейшей всех прочих жатв». Задумана она была еще в 1826 году, когда поэт собирался навсегда поселиться в деревне [1].

Осенью 1836 года Языков почувствовал резкое ухудшение своего здоровья. Зимой он уже не мог прямо ходить, даже написать письмо стало непосильным трудом. «Ты спрашиваешь — каково мое здоровье? — писал он 22 октября 1837 года А. Вульфу. — Плохо, плохо. Я продолжаю лечиться, поправляться еще не начинал» [2].

В связи с лечением Языкову пришлось долго жить за границей, где он очень тосковал по родине.

Когда в чужбине я свою
Неугомонную тоску перетоскую
И чашу горькую допью,
В Симбирск я возвращусь, в мое уединенье,
В покой родимого гнезда,
На благодатное, привольное сиденье...

Но ни Симбирск, ни Языково больше поэта не увидели.

И вот мы бродим дорожками великолепного парка, украшающего большой благоустроенный рабочий поселок, каким стало теперь Языково. Подходим к прудам и невольно вспоминаем стихи поэта: «Зову на светлый пруд, туда, где тень густую склонил к водам нагорный сад». Сад и теперь склоняет «густую тень», как и во

[1] В 1847 году после смерти Языкова, выполняя его желание, братья передали 2325 томов книг в Симбирскую Карамзинскую библиотеку. Пожар 1864 года уничтожил ее, случайно уцелело всего 17 книг с автографами Языкова.

[2] «Русская старина», 1903, № 3, стр. 489.

По совету докторов поэт собрался ехать в Москву, но за день до отъезда простудился, слег в постель и пролежал до мая 1838 года. Как только тронулись реки, Языкова повезли в Москву. Для больного поэта была заказана специальная карета. Сопровождали ее родственник П. А. Бестужев и П. В. Киреевский.

времена Языкова. И теперь «речка шепчет под сумерком ракит». Не хватает разве что «аиста красноногого» да беседки на острове. Сад видел и слышал Языкова, Пушкина, Д. Давыдова. В окружении прудов, аллей и деревьев, этих немых свидетелей прошлого, почти физически ощущаешь присутствие поэзии...

Стоим у знаменитой «пушкинской ели», которая находится несколько в стороне от сада и заботливо огорожена. Нет никаких документальных данных, что ель посадил Пушкин. Эта народная легенда сравнительно позднего происхождения, о ней ничего не было известно до 90-х годов прошлого века. Ель сажал кто-то другой. Однако народ приписал ель Пушкину и тем самым воздвиг любимому поэту свой памятник.

ПРОЛОМИХА

С Проломихой, селом Инзенского района, связаны жизнь и творчество Николая Платоновича Огарева (1813—1877).

Блестящую и глубоко верную оценку, данную Лениным Герцену, можно целиком отнести и к Огареву: «...он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем» [1].

В статье «Памяти Герцена» Ленин особо отметил напечатанную в «Колоколе» статью Огарева «Надгробное слово», в которой развенчивается Кавелин, один из «отвратительнейших типов либерального хамства».

В Проломиху привел Огарева «опыт практической деятельности» — стремление устроить жизнь крепостных крестьян на справедливых, с его точки зрения, началах. Выросши на чувстве «ненависти крепостного человека к барству», Огарев в 40—50-е годы звал своих друзей «идти в пролетарии» — создавать в имениях фабрики и заводы, чтобы перевести крестьян на вольнонаемный труд. С помощью «индустрии» он думал перевоспитать крестьянина, сделать его культурным человеком и тем самым подготовить почву для его действительного освобождения. Это была смелая попытка поэта, наперекор всей тогдашней государственной экономической политике,

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261.

осуществить исповедуемую им социалистическую утопию.

В 1848 году, заняв у Герцена 45 тысяч рублей, Огарев купил Тальскую писчебумажную фабрику, находившуюся в селе Проломихе. По делам купленной фабрики поэт стал часто бывать здесь, а через два года и совсем переселился на фабрику.

«Агроном и заводчик», как в шутку называл Герцен Огарева, со страстным увлечением принялся за устройство жизни и быта крестьян-рабочих и за производство [1].

Деятельность Огарева вызывала злобные нападки окрестного дворянства, с которым поэт не вел знакомства, усилила подозрительность полиции. «Ведь в нашей стороне живого слова не услышишь, — писал Огарев Анненкову. — Перед глазами только трагикомические явления разных добродушных и недобродушных уродливых личностей» [2].

Еще резче отзывался поэт о чиновно-дворянском обществе в стихах.

Как эти люди скучны, глупы,
Как их бессмысленны слова,
Как шутки их несносно тупы,
И как пуста их голова!
Как сердце их черство и вяло,
Как пышет холодом от них!
Какую желчь в меня вливала
Беседа сладостная их!
Подите прочь!.. Вот вам дорога —
Большая, — можете идти!
Меня ж забудьте, ради бога,
Вы на проселочном пути!

---

[1] «Как я люблю этот народ, — писал он Анненкову из Проломихи, — как бы мне хотелось, чтобы они почитали меня за друга, который им желает добра и сделает его». (П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1960, стр. 121.)

Огарев отменил телесные наказания, значительно повысил заработок, нормировал и облегчил труд, предоставил свободу выхода на оброк, открыл школу и больницу, лекарями были он и его жена, которая одновременно учила детей. Весь хлеб с мельницы раздавался бедным бесплатно. Помогали Огаревы лесом, деньгами, что дало возможность многим крестьянам построить себе новые дома, поправить хозяйство.

Заботясь об улучшении производства на фабрике, Огарев поставил новый паровой котел (его волоком доставляли 8 месяцев из Москвы), изобрел особые сорта бумаги, довел производительность до высокого в то время уровня — 207 стоп в сутки.

[2] П. В. Анненков. Литературные воспоминания, стр. 164.

На Огарева посыпались доносы, в которых поэта обвиняли в «причастности к коммунистической секте», в его реформах видели «коммунистические начала». Последовал арест. Произошел он в Симбирске, куда Огарев неоднократно приезжал и по делам фабрики и просто встретиться и «отвести душу» в беседах с близкими людьми — М. Н. Островским, композитором В. Н. Кашперовым, П. В. Анненковым и др. Встречались обычно на квартире Островского, брата известного драматурга, впоследствии министра государственных имуществ, служившего в 50-х годах в Симбирске и придерживавшегося либеральных взглядов. Огарев питал к Островскому «великую симпатию» и состоял с ним в переписке. «Право, жду с нетерпением времени, когда дела доведут свидеться с вами, — писал Огарев Островскому, — в знаменитом г. Симбирске, где даже дают концерты» [1]. В откровенных разговорах участники встреч задевали злободневные темы, в минуты отдыха музицировали.

24 февраля 1850 года в 6 часов утра Огарев был «арестован, обыскан и опечатан» присланным из Петербурга жандармским офицером за «причастность к коммунистической секте».

Жена поэта, Н. А. Тучкова-Огарева, сумела предупредить мужа, послав в Симбирск своего крепостного человека Варлаама Андреева. «Огарев, — писала она, — у нас жандармский генерал, вероятно, арестует и увезет папа в Петербург по особому повелению, готовься к тому же, не теряй ни минуты» [2].

В то время как офицер представлялся местным властям, Огарев успел частью уничтожить, а частью отослать жене компрометирующие его бумаги. Обыск ничего не дал. Поэту разрешили переодеться и позавтракать, после чего повезли в Петербург в III отделение. В тюрьме Огарев написал стихотворение «Арестант» и сумел его передать жене. Переложенное затем на музыку, оно стало известной песней, которую любил и пел с товарищами Владимир Ильич Ленин, еще будучи гимназистом.

---

[1] «Звенья», т. 6, М., 1936, стр. 368.

[2] Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. М., ГИХЛ, 1959, стр. 86.

Ночь темна. Лови минуты!
Но стена тюрьмы крепка,
У ворот ее замкнуты
Два железные замка [1].

После нескольких месяцев заключения Огарев и его товарищи были освобождены под надзор полиции.

Симбирск не нашел отражения в поэзии Огарева. Встречаются лишь отдельные замечания о городе в переписке.

Фабрика отнимала у Огарева очень много времени. «Так много дел, что просто жизнь в тягость, — жаловался он Анненкову. — Занят фабрикой до утомления: счетами, экономикой и перестройками» [2]. Вопросы сбыта, сырья и кредита требовали частых разъездов: Карсун, Алатырь, Пенза, Нижний Новгород. Это имело и положительную сторону: расширялся круг наблюдений, накапливались впечатления.

Отдыхом от тяжелых и непривычных «индустриальных» забот были занятия музыкой, естественными науками. Огарев изучал анатомию, фармакологию и гомеопатию, чтобы лечить крестьян и их детей. И сельским учителем он хотел быть. Занимался химией, превратив мезонин дома в лабораторию. Ревностной помощницей в этих занятиях, лаборанткой являлась жена Наталья Алексеевна Тучкова.

Огарев занимал с женой небольшой двухэтажный каменный дом, сохранившийся и до наших дней. Жили они по тогдашним временам скромно и уединенно. Весь штат прислуги состоял из горничной Алены, лакея Василия и повара.

Тишину многочисленных комнат, просто, но со вкусом обставленных, нарушала музыка. Один из просвещеннейших людей своего времени, Огарев всю жизнь постоянно и глубоко интересовался музыкой, музыкальными и даже композиторскими занятиями. «Я отдал бы полжизни, — восклицает поэт в одном из писем, — для того,

---

[1] Зимой 1914 года в селе Репьевка-Космынка (ныне Майнского района) я впервые услыхал эту песню и записал ее. Узнав потом автора и сличив запись с текстом, я нашел много изменений, внесенных народно-певческой практикой. Песня упростилась и стала более доступной по содержанию. Изменения оказались и в самой мелодии.

[2] П. В. Анненков. Литературные воспоминания, стр. 161.

чтобы быть музыкантом!» Иногда ему казалось, что не поэтическое слово, а музыка лучше всего может выразить его творческие замыслы.

В Проломихе поэт сочинял маленькие пьесы для фортепьяно, мазурки, вальсы, романсы и песни на собственные стихи, на стихи любимого Лермонтова и других поэтов. Здесь было написано и наиболее совершенное музыкальное произведение Огарева — «Тучки» на слова Лермонтова.

Музыка для поэта становилась ежедневной потребностью, прибежищем и утешением в тяжелые минуты. Вот почему при себе в кабинете он держал фортепьяно, на котором он так любил импровизировать по ночам, и гитару. Упивался Моцартом, Шубертом, Глинкой, Даргомыжским...

Музыкой увлекалась и жена поэта Наталья Алексеевна, совсем молодая, умная, своеобразно обаятельная женщина, очаровавшая не только Огарева, но и Тургенева, который ухаживал за ней и посвятил ей пьесу «Где тонко, там и рвется». Наталья Алексеевна прекрасно играла на фортепьяно, играла темпераментно, страстно.

Находилось время и для поэзии. По свидетельству Тучковой, «в эту эпоху Огарев писал очень много... пишет даже так, как он никогда еще не писал... мне первой он читал свои стихотворения». Обычно поэт запирался в кабинете, чтоб никто его не тревожил. Но, если приходили больные, золотушные дети — а их в селе было много, — Огарев прерывал всякие занятия и шел на прием.

Поэтическим занятиям Огарев чаще всего предавался в праздничные дни, когда фабрика стояла. Его трудно было выманить из кабинета. Но наступало время для прогулки, и поэт шел к Наталье Алексеевне. Если было тепло, спускались в большой тенистый сад, к плотинам на речке Тала и долго сидели там. На лугу сельские девушки и парни водили хороводы, пели песни.

Дом оживал, когда в Проломиху приезжали симбирские друзья: молодой композитор Кашперов с юной женой, Михаил Островский, П. В. Анненков и др. Комнаты наполнялись смехом, разговорами, музыкой. Много непосредственного оживления вносила Наталья Алексеевна, слегка кокетливая, женственная и всегда неожидан-

но новая в поступках и мыслях, бурная в проявлении чувств.

В такие часы Огарева оставляла постоянная задумчивость. Он становился общительным, веселым, спорил с Анненковым, с Островским, в котором уже угадывался будущий министр его величества, пел под гитару итальянские и русские песни о Волге, свои произведения и романсы Кашперова, рассуждал с ним о музыке и с упоением слушал любимую серенаду Шуберта «Песнь моя, лети с мольбою» в исполнении четы Кашперовых.

Однако жилось Огареву в Проломихе не легко. Правда, крестьяне, по свидетельству Тучковой, «любили поэта бесконечно». Семейная жизнь пока радовала и вселяла надежды на долгое счастье. Но «друг на всю жизнь» Герцен был далеко, за границей. Крепостничество, полицейский надзор, враждебное шипенье соседей-помещиков — все это угнетало... А главное — опыт по переустройству крепостной деревни на новых социальных началах оказался на деле явным утопизмом. Сами крестьяне, несмотря на всю симпатию к Огареву, видели в эксперименте лишь барскую затею. Фабрика уже тяготила поэта, и он рад был бы с ней разделаться. Такая обстановка вызывала тяжелые раздумья и душевные страдания. В письмах к близким и в стихах начинают звучать ноты грусти, тоски, бессильного отчаяния.

Развязка пришла неожиданно: 15 июня 1855 года фабрика сгорела, а весной следующего года Огарев уехал за границу.

Но и на чужбине Огаревы интересовались Проломихой. В марте 1869 года жена поэта писала своему отцу: «Если вы знаете что-нибудь о жителях нашей фабрики, было бы интересно знать, как они живут» [1].

Проломихинский период в жизненно-творческом пути Огарева имеет определенное значение. Окончательно развеялись романтические, либерально-утопические иллюзии поэта, что способствовало переходу к революционно-демократическим взглядам, по-настоящему окрепшим за границей.

В Проломихе происходит становление Огарева как поэта, выступающего прямым предшественником Некрасова. В многочисленных стихотворениях, написанных за

---

[1] Архив Н. А. и Н. П. Огаревых. М., ГИЗ, 1930, стр. 65.

эти годы (некоторые из них Чернышевский называет «прекрасными»), Огарев говорит о дворянском интеллигенте, о судьбе русской женщины, о своем искреннем и живом сочувствии к страдающему народу.

На Тальской фабрике написано в основном и «одно из любимых чад» Огарева — лирическая поэма «Зимний путь», имевшая большой, заслуженный успех. С высоким мастерством, в духе прекрасных пушкинских традиций поэт развертывает картины окружающей жизни, окрашивая их то печалью и гневом, то иронией, то раздумьями о судьбах личности и народа.

Николай Платонович Огарев умер в Лондоне. Через 89 лет, в феврале 1966 года, урна с прахом замечательного сына России вернулась на родину и торжественно захоронена на Новодевичьем кладбище в Москве. Исполнилось желание поэта, писавшего: «Благословляю мою Россию и не оторвусь от нее».

В бывшем владении Огарева в Проломихе сейчас детский дом. На фронтоне его мемориальная доска с надписью, говорящей о том, что здесь с 1850 по 1855 год жил поэт-демократ Николай Платонович Огарев. Вокруг дома зеленеет рассаженный детьми молодой сад. Небольшая улица на отшибе села, спускающаяся к реке, до сих пор называется Фабричной. Здесь когда-то жили рабочие Тальской писчебумажной фабрики.

КАРСУН

В 1864 году в журнале «Современник» (№ 2) за подписью «Ив. Г-М» появилось стихотворение «Слушай!».

Как дело измены, как совесть тирана,
Осенняя ночка черна...
Черней этой ночи встает из тумана
Видением мрачным тюрьма.
Кругом часовые шагают лениво;
В ночной тишине, то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу-шай!..

Переложенное на музыку П. П. Сокольским, стихотворение обошло всю Россию, сделавшись особенно любимым в среде революционеров и демократической молодежи. Автор его — революционно-демократический поэт Иван Иванович Гольц-Миллер (1842—1871). Стихотворение написано в захолустном уездном городке Карсуне Симбирской губернии (ныне районный центр Ульяновской области), куда автор его был сослан под надзор местной полиции.

И. И. Гольц-Миллер — типичный разночинец-шестидесятник, «умственный пролетарий». Сын мелкого служащего, он блестяще окончил минскую гимназию и в 1860 году поступил в Московский университет.

Был канун известных реформ, шли 60-е годы, — время, когда «все, что было в России интеллигентного, с крайних верхов и до крайних низов, начало думать, как оно еще никогда прежде не думало... Все стали думать

и думать в одном направлении, в направлении свободы, в направлении разработки лучших условий жизни для всех и для каждого»[1].

Пылкий, благородный юноша, Гольц-Миллер быстро определил свое место в жизни — место «народного заступника». За участие в известном кружке П. Зайчневского, за составление революционных прокламаций и разоблачение лжесвидетеля по делу Чернышевского Гольц-Миллер был арестован и после двухгодичного пребывания в тюрьме выслан под надзор полиции сначала в Минск, а потом в Карсун.

Стоял жаркий июльский день 1863 года, когда со стороны Московского почтового тракта в Карсун въехала запряженная тройкой телега. На ней между двух усатых жандармов сидел тщедушный молодой человек. Сдав его в канцелярию исправника и прощаясь, старший жандарм сказал: «Таких мы еще не возили». Жандармам было чему удивляться. Хилый, по всем признакам больной юноша всю дорогу не терял бодрости, шутил, рассказывал, читал стихи, а главное — пел песни и все, по его словам, собственного сочинения. В первом же письме к отцу из Карсуна Гольц-Миллер шлет стихи, отразившие дорожные настроения:

Ой ты, песня моя, ой ты, радость моя,
Верный спутник, товарищ в злой доле!
Будь ты вечно со мной, не покинь ты меня,
Будь мне друг, как бывало на воле!..

Было счастье тогда, были ясные дни,
Хоть бывало и горе порою,
Были братья-друзья, гнали горе они,
Жизнь катилася светлой волною...

Ныне нет уж тех дней, нету добрых друзей,
Только горе осталося с нами, —
Лейся ж, песня моя, лейся шире, вольней,
Не залить злое горе слезами...

Да и нам же к тому слезы некогда лить —
Жизнь не все отняла, что сулила.
Эй же, песня, вперед! слезы прочь — надо жить:
С нами молодость, вера и сила!

Карсун в то время — глухой уездный городок с четырьмя тысячами жителей. Ни промышленных предприятий, ни средних учебных заведений. Некоторое оживле-

[1] Н. В. Шелгунов. Сочинения, изд. 2-е. СПб, 1895, стр. 657—658.

ние вносила большая почтовая дорога на Москву да известная в Поволжье Троицкая десятидневная ярмарка, привлекавшая много народу.

В конце 50-х годов в Карсуне появились первые ссыльные. В 1864 году их число увеличилось партией поляков, принимавших участие в восстании 1863 года. Ссыльные жили обособленно.

Живой, общительный, жизнерадостный, несмотря на туберкулез, схваченный в тюрьме, Гольц-Миллер быстро сошелся с ссыльными и кое с кем из местной интеллигенции. Он хорошо играл на фортепьяно, пробовал даже сочинять, любил петь и декламировать Беранже, Некрасова, свои стихи, острил, танцевал — словом, был желанным членом компании.

Однако собирались редко, веселья как-то не получалось, и жилось в общем скучно, грустно, тяжело. Книга — редкость, а друзей по духу и совсем нет. Болезнь же продолжала развиваться, а лечиться не на что и не у кого. Да и до этого ли: рядом другие ссыльные жили еще хуже. Отзывчивый поэт свое арестантское содержание — шесть рублей в месяц — отдавал другим, сам жил частными уроками, а когда разрешили заниматься литературой и переводческой работой, — скудным гонораром. Поднадзорная жизнь в Карсуне, безотрадная и глухая, вставала перед взором поэта «видением мрачным» — тюрьмой.

Свое настроение Гольц-Миллер изливал в стихах, которые начал писать с 1862 года. В Карсуне он создал лучшие свои произведения: «Пролог к ямбам», «Погибающие», «Отверженная», «На жизнь и смерть заклятая» и др. Часть из них была напечатана в журналах «Русское слово» и «Современник», иные же так и остались неопубликованными.

Гольц-Миллер — поэт революционно-демократического направления. Мотивы его карсунских стихотворений перекликались с некрасовскими: ненависть к угнетателям, протест против рабства, скорбь о задавленном русском народе, культ разума, мысли.

Вот предо мною стала вереница
Призраков ужасных: грубые их лица
Голод исковеркал, — дики и зловещи,
Дышат они жаждой беспощадной мести...
Виден в этих лицах гнет труда суровый,

Видны нищеты в них тяжкие оковы,
Видно в них страданья клеймо вековое...
Сквозь лохмотья тело светится нагое.

От судьбы народа поэт не отделяет и судьбу «нашего брата-демократа».

Позади безвестная дней былах равнина,
Спят в ней безответные грезы гражданина.
Впереди мерещится труд упорный, горе,
Дико, злобно плещется слез кровавых море!

Свою любовь к России Гольц-Миллер излил в стихотворении «К Родине».

Да, чист я пред тобой, и я люблю тебя...
Любовь моя к тебе спокойна и проста...
Но если жизнь моя нужна — она твоя,
Мой труд — и он тебе принадлежит всецело.

Такова любовь разночинца-демократа, суровая, праведная, лишенная какого-либо позерства, любовь до конца. Говоря о себе, поэт заявляет:

Во мне не дрогнет бровь —
За око око, зуб за зуб,
И кровь воздать за кровь.

Лучшее произведение Гольц-Миллера—«Слушай!». В простых, но сильных взволнованных стихах автор сумел передать жажду свободы и ненависть к тюремщикам, страшную судьбу одного из многих безымянных героев борьбы за волю.

Занимался Гольц-Миллер также переводами из Байрона, Ленау, Барбье.

Около двух лет прожил И. И. Гольц-Миллер в Карсуне, вполне определившись как талантливый поэт некрасовской школы, возмужав и окрепнув духовно. Страдания и ссылка не сломили воли поэта к борьбе, не заставили изменить идеалам юности.

А между тем условия жизни в Карсуне стали настолько тяжелыми, что поэт в прошении к министру писал: «В таких обстоятельствах я вынужден обратиться к вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбой о замене настоящей моей ссылки заключением в Петропавловскую или одну из финляндских крепостей» [1]. За поэта хлопотал также отец его.

---

[1] В. Григорченко. Новые документы о поэте И. И. Гольц-Миллере. — «Ульяновск. правда» № 188, 1960.

28 марта 1865 года Гольц-Миллеру было разрешено продолжать учение «в одном из университетов, за исключением столичных». Поэт выбрал Одессу. Уезжал он из Карсуна не без надежды на лучшее будущее. Но через шесть лет Гольц-Миллер умер в Орле от «злой чахотки».

Стихотворения Гольц-Миллера высоко оценивал Некрасов и собирался издать их отдельной книжкой, о чем вел переговоры с поэтом, который даже написал предисловие. В нем говорилось: «Предлагаемые стихотворения составляют отголоски известных настроений, пережитых, как я думаю, не мною одним только, но и значительной частью нашего молодого поколения. Суммою таких настроений определяется основной тон пережитого периода, и вот почему я решаюсь издавать эти стихотворения отдельной книжкой, надеясь, что незначительность ее объема уравновесится хоть немного тем скромным значением, какое я осмеливаюсь присвоить ей, как одному из слабых памятников, отражающих в себе, до некоторой степени, душевное состояние многих в продолжение кратковременного, но далеко не бесцветного периода» [1].

Но отдельной книжкой произведения Гольц-Миллера не появились.

Стихи поэта-революционера (и то не все — многие бесследно исчезли) увидели свет отдельным сборником лишь в 1930 году.

---

[1] М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб, 1912, стр. 176.

ЧИРИКОВО

Село Чириково (Цильнинского района) связано с именами П. В. Анненкова и Н. В. Гоголя.

Жизнь Павла Васильевича Анненкова (1812—1887) сложилась ярко и интересно. Человек широкого и ясного ума, большого образования и солидной эрудиции, он близко стоял к выдающимся писателям и общественным деятелям своей эпохи. Белинский восхищался «здоровой, цельной натурой» Анненкова и любил его. И. С. Тургенев считал его «одаренным замечательным верным критическим взглядом» и без совета с ним не печатал почти ни одной своей вещи. «Старым другом и надежным человеком» называл его Некрасов. Это, однако, не помешало поэту, несмотря на все радикальные фразы Анненкова в период 40-х годов и знакомство с Марксом, разглядеть в «старом друге» умеренного, осторожного либерала-барина. В ядовитой эпиграмме на Анненкова Некрасов так оценивал его «социалистические верования»:

За то, что ходит он в фуражке
И крепко бьет себя по ляжке,
В нем наш Тургенев все замашки
Социалиста отыскал.
Но не хотел он верить слуху,
Что демократ сей черств по духу,
Что только к собственному брюху
Он уважение питал.

Знакомство Анненкова с Марксом, встречи и переписка с ним не только вошли в историю нашей культуры как интересный факт идейной жизни, но и вызвали появление замечательного документа научного социализма. Это письмо Маркса Анненкову о «философии нищеты» Прудона, получившее широкую известность, как единственное в своем роде социалистическое произведение.

Знакомство и дружба с замечательными людьми 30—50-х годов, прекрасная память и тонкий вкус дали возможность Анненкову написать свою лучшую книгу — «Литературные воспоминания». Насыщенные огромным фактическим материалом мемуары довольно полно и объективно рисуют 40-е годы XIX столетия. Спустя много лет после знакомства с Анненковым Маркс читал его труд и оставил на нем свои критические замечания.

Чириково, основаннное в 1678 году, перешло к Анненковым, когда единственная наследница помещика М. М. Чирикова вышла замуж за одного из Анненковых. Писателю Чириково досталось в результате дележа имений после смерти отца.

В сентябре 1848 года Анненков приехал из Парижа в Петербург. Живой свидетель революционных событий в Париже, активный участник споров и жарких бесед в среде международной эмиграции, в Петербурге он очутился в смрадной атмосфере реакционного разгула. Хотя писатель в это время уже проповедовал «трезвость» умеренного либерализма, «мирный прогресс» и «порядок» под скипетром просвещенного монарха, тем не менее николаевский палочный режим делал пребывание в столице тяжелым. «Я рад убежать из Петербурга», — писал Анненков [1].

Как раз в это время всплыл вопрос о разделе симбирских имений между братьями. Анненков с радостью воспользовался поводом и в декабре 1848 года явился в Чириково, куда он до сих пор не заглядывал.

Поездка в симбирское поместье интересовала писателя и в другом плане. Он совершенно не знал провинции. Для него, как «туриста-эстетика», публициста, автора «Писем из-за границы» и «Парижских писем»,

---

[1] П. В. Анненков. Литературные воспоминания, стр. 529.

было чрезвычайно интересно «воочию» посмотреть на «российскую действительность».

В Чирикове Анненков прожил до осени 1851 года. Отсюда он совершал поездки по губернии — в Симбирск, Ярыклу, Проломиху, Ундоры, Акшуат, Карсун. Летом 1849 года осуществил двухнедельное путешествие на рыбачьей лодке по Волге от Богородска до Симбирска, объехал Заволжье (Архангельское, Никольское-на-Черемшане и др.). С особенным удовольствием Анненков бывал в Проломихе у Н. П. Огарева. До нас дошла переписка Анненкова с Огаревым, говорящая об их дружеских отношениях.

Чириково полюбилось Анненкову, и он стал приезжать сюда чуть ли не ежегодно. В 1875 году он провел в Чирикове все лето и часто посещал Назарьевку, имение прогрессивного писателя и общественного деятеля В. Н. Назарьева. Здесь Анненков познакомился с И. Н. Ульяновым, отцом В. И. Ленина. По просьбе И. Н. Ульянова Анненков открыл в Чирикове школу и стал высылать на ее содержание по сто рублей ежегодно.

Июнь—июль 1877 года писатель снова в Чирикове. Свыше двух месяцев пробыл в селе Анненков летом 1882 года. «Я устал и измучен беганием и скаканьем. Мечтаю о деревне, глуши, соловьях», — писал он перед этим Стасюлевичу. (М. М. Стасюлевич и его современники... Т. 3. СПб., 1912, стр. 402.)

Последний раз Анненков был в Чирикове ранней осенью 1885 года.

Умер Анненков за границей с надеждой, что его прах отвезут на родину, в Чириково. Но этого не случилось: жена, все время жившая за границей, распорядилась по-своему, похоронив мужа в Дрездене.

О своем пребывании в Симбирской губернии в 1848—1851 годах Анненков пытался рассказать в воспоминаниях «Две зимы в провинции и в деревне», оставшихся незаконченными. Возвращаясь к тому времени, он писал, что в обстановке злейшей реакции жизнь в провинции текла уныло и бесцветно. Вокруг был «мир преступлений», и над ним «молчание гробовое царствовало».

Острый, вдумчивый наблюдатель, Анненков собрал о провинциальной жизни огромный материал, которым не замедлил воспользоваться. В «Современнике» (1849—

1851) появились его известные «Провинциальные письма», в значительной степени написанные в Чирикове. Анненков назвал письма «провинциальными исследованиями». И это верно: здесь и яркие зарисовки людей Поволжья, и его природа, экономика, быт, промыслы, искусство. Писатель также коснулся жизни национальных меньшинств — татар, чувашей, в которых он увидел «массу врожденной мягкости и человечности». Высоко оценив местный фольклор, автор требовал собирания его и вообще изучения родного края.

Печатая «Провинциальные письма», Некрасов находил в них «нечто капитальное», видел «настоящие русские типы из народа» [1].

Весной 1850 года в Чириково к Анненкову приезжал Николай Васильевич Гоголь (1809—1852), с которым критик был связан узами крепкой дружбы.

Связи Гоголя с нашим краем имеют свою историю. Еще летом 1839 года Гоголь за границей познакомился с братьями Языковыми. Рассказы поэта и его брата о родном крае сильно заинтересовали Гоголя, и он решил сам побывать на Волге. В начале 1841 года поэт Языков сообщал сестре: «Гоголь обещался приехать пожить в Симбирске, чтобы получить истинное понятие о странах приволжских. Это было бы нам хорошо» [2].

---

[1] Н. А. Некрасов. Собр. соч. В 8-ми т., т. 8. М., «Худож. литература», 1967, стр. 98.

Перед отъездом в Чириково Анненков получил от Н. Н. Пушкиной рукописи великого поэта. «Жена поэта прислала на дом к нам два сундука его бумаг <...>. При первом взгляде на бумаги я увидал, какие сокровища в них таятся», — писал Анненков. (П. В. Анненков. Литературные воспоминания, стр. 537.) Рукописи писатель привез с собой в Чириково. Началась напряженная, огромная работа, так как литературное наследство Пушкина изучено еще не было, цензура искажала тексты поэта. Но это не испугало Анненкова — он решил издать первое научное и наиболее полное собрание сочинений А. С. Пушкина, которое и вышло в свет в 1854—1857 годах.

[2] Цит. по ст.: П. Бейсов. Гоголь в Симбирске. — «Ульяновский комсомолец», 1952, 5 марта.

Однако задуманного Гоголь не выполнил. Общение же с Языковым продолжалось. Их скрепляли не только личные отношения, перешедшие в дружбу (Гоголь называл поэта Языкова «наилучшим другом, с которым жил... душа в душу, к которому питал истинно родственную любовь»), и живой интерес к познанию края. Писатель, работавший в то время над первым томом «Мертвых

В 1849—1850 годах Гоголь переживал глубокий душевный разлад. Усилилось влияние церковных мракобесов, стремившихся оторвать великого писателя от всего земного. Писатель еще боролся, он работал над вторым томом «Мертвых душ», он хотел, чтобы его произведение стало «верным зеркалом» России.

«Творчество, путешествие — вот противоядие юродствующим идеям религиозных фанатиков. Дорога — вот великое целебное средство от душевных невзгод, источник познания родины и вдохновения», — писал Гоголь в первом томе «Мертвых душ». Но и на этот раз по не-

---

душ», увидел в семье Языковых, особенно в Петре Михайловиче Языкове, источник крайне нужных и точных сведений о жизни в Поволжье. В одном из писем домой Н. М. Языков говорит: «Брат Петр Михайлович обещал прислать Гоголю собрание слов русских, им же для него записанных, и описание крестьянских изделий и ремесел, им же составленных». (Там же.)

Сведения, посылаемые П. М. Языковым, были разнообразны, вплоть до статистических данных. Гоголь нетерпеливо ждал их, торопил своего корреспондента. В мае 1842 года он писал Языкову в Симбирск: «Знакомство наше завязалось уж слишком прочно... Посылаю Вам «Мертвые души». Они Вам будут напоминать обо мне. Да зачем Вы не прислали мне ничего на дорогу? Слов и всяких заметок у Вас без сомнения набралось вдоволь. Велите переписать все, что ни набралось, на тоненькую почтовую бумагу и пошлите в письме...» (Там же.)

Как установил литературовед П. С. Бейсов, присылаемые Языковым материалы Гоголь (он называл их «драгоценными выписками») использовал в «Мертвых душах» при обрисовке Абакума Фырова, при создании сатирических образов и, возможно, в описании бала у губернатора. Гоголь заставил Чичикова заехать в Симбирскую губернию к Беспечнову. Во втором томе «Мертвых душ» писатель использовал симбирский материал, создавая образ Тентетникова, генерал-губернатора и Селифана. Об этом же говорит и В. Шкловский в статье «Ситуация и коллизия». «Для того чтобы описать даль, открывавшуюся из усадьбы Тентетникова, Гоголь взял в основу вид из имения Языкова». (Сб. статей «Вопросы кинодраматургии». Вып. 3. М., Изд. «Искусство», 1959.)

Связь Гоголя с Симбирской губернией осуществлялась также через Аксаковых, где писателя принимали как родного, через поэта Хомякова, женатого на Языковой, через братьев Киреевских, Анненкова.

Шло время. Гоголь вернулся из-за границы и окончательно поселился в Москве. В конце марта 1850 года жена А. М. Языкова, брата поэта, получила из Москвы письмо следующего содержания: «Гоголь берет подорожную в Симбирск и надеется на будущей неделе быть у Вас в пятницу. До нас доходят слухи, что у Вас в Симбирске удивительно как весело... Гоголь едет к Вам с большим удовольствием и везет вторую часть «Мертвых душ»... Пожалуйста,

известным причинам он не попал в Симбирск, а поздней весной приехал в Чириково.

Гоголь пробыл в Чирикове около двух недель. Жил он в двухэтажной беседке, находившейся в середине тенистого обширного сада. Излюбленными местами Гоголя в окрестностях села стали Марьин бугор и Марьина роща, получившие свое название по имени прабабки Анненкова, убитой близ этих мест крепостными, выведенными из терпения. Гоголь часто ходил в Марьину рощу, взбирался на Марьин бугор, откуда открывался вид на округу, полную невыразимой прелести, — поля, перелески, села, долины. На все это можно долго и ненасытно смотреть. Отсюда Гоголь видел свою Русь, которая «с такой непостижимою, тайной силой» влекла к себе гениального художника слова.

Вместе с Анненковым он посадил на бугре несколько молодых дубков. Гоголь, по признанию Анненкова, взял с него «честное слово беречь рощи и леса в деревне» [1].

Марьина дубовая роща (значительно поредевшая) и рядом с ней Марьин бугор (искусственного происхождения) целы и поныне.

Наследники Анненкова преступно небрежно отнеслись к ценностям барского дома в Чирикове. «Дом в Чирикове, — писал незадолго до смерти Анненков, — содержит кое-что, что дорого не мне одному». В доме имелась большая библиотека с ценным набором периодических изданий и редких книг. В кабинете писателя хранились прекрасный бюст Белинского, его посмертная маска и маска Пушкина, рукописи великого поэта.

В 1897 году местный краевед Д. И. Сапожников, посетив Чириково, случайно нашел в сарае усадьбы среди полуистлевших и заплесневевших книг связку рукописей

не говорите Гоголю, что я Вам писала об нем; он хотел сделать Вам сюрприз, но предупредите Ваших знакомых, чтобы они запаслись всей возможной признательностью, пусть они разгадают и изучают нашего общего друга. Расскажите ему побольше анекдотов, я думаю, у Вас их очень много должно быть в запасе». (А. Иващенко. Новый документ о Гоголе. — «Литерат. газета» № 38, 1939.)

[1] П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1960, стр. 537.

Пушкина, потом опубликованных в особой брошюре, изданной в Симбирске [1].

После Октября часть библиотеки Анненкова удалось перевезти в губернское книгохранилище. Вместе с книгами была привезена и шкатулка, где оказалось 117 писем И. С. Тургенева к Анненкову.

Но сколько пропало!

---

[1] Д. И. Сапожников. Вновь найденные рукописи А. С. Пушкина. Симбирск, 1899.

ЗАВОЛЖСКИЙ ЗАПОВЕДНИК ФОЛЬКЛОРА

Ульяновское Заволжье, куда входят Чердаклинский, Старомайнский, Мелекесский и Малокандалинский районы, еще в 70-х годах прошлого столетия обратило на себя внимание как выдающийся заповедник фольклора, мало чем уступающий прославленному Северу. Честь этого открытия принадлежит известному певцу Волги, поэту-этнографу Д. Н. Садовникову. Именно он, исколесив вдоль и поперек эти места, обнаружил здесь огромные песенные и сказочные богатства, отыскал их живых носителей, записал от них тексты и многое опубликовал. Его известные книги «Сказки и предания Самарского края» и «Загадки русского народа» в значительной степени основаны на фольклорных материалах нашего Заволжья.

Редкое заволжское село не таит в себе тех или иных ценностей устного народного творчества. В этом отношении особенно выделялись села Дмитриево-Помряськино, Чердаклы и Яксашное Помряськино. В последнем из них Садовникову и посчастливилось найти знаменитого волжского сказителя Абрама Кузьмича Новопольцева.

В обширной галерее русских сказочников, которых насчитывается свыше двухсот, Новопольцеву по праву принадлежит одно из первых мест. До Октябрьской революции его почти не замечали. Кое-кто из ученых при

случае вспоминал и мимоходом отмечал Новопольцева как талантливого самородка. Этим все и ограничивалось. В то время как в Заволжье среди крестьян складывались о нем чуть ли не легенды, в прессе, в литературе, в широких читательских кругах имя Новопольцева оставалось неизвестным. Настоящее признание в научно-литературном мире и слава пришли к Новопольцеву только после Октября, когда профессор Азадовский дал разбор его сказок и авторитетно заявил: «Новопольцеву принадлежит одно из первых мест в галерее мастеров русской сказки, по количеству же и разнообразию записанных от него текстов, по богатству своего репертуара он занимает бесспорно первое место» [1].

Высоко оценил сказки Новопольцева и другой известный ученый-фольклорист профессор Б. М. Соколов. «Сказки его, — писал ученый, — одни из крупнейших и лучших, отличающиеся оригинальным построением, комбинацией сюжетов и мастерской передачей» [2].

А. К. Новопольцев (родился приблизительно в 1820 году и умер в 1885 году) вышел из бедной крестьянской семьи. Бедность преследовала его всю жизнь. Летом обычно пас стадо, а зимой уходил вместе с четырьмя сыновьями на заработки — дрова пилить. «Я тоже с ним пилил дрова, — вспоминал один из его родственников А. Л. Романычев. — Где мы только не побывали» [3].

По воспоминаниям современников и родных, Новопольцев был высокого роста, широк в плечах. Он хорошо играл на жалейке, любил выпить, побалагурить, сказать острое словцо, а пуще всего — «сказки сказывать».

С ростом успеха у слушателей Новопольцев все больше превращался в сказителя-профессионала, в артиста, в желанного участника пирушек и свадеб. Своим мастерством он воскресил древнюю русскую традицию сказкой как художественным номером украшать свадьбу. Без его участия как артиста не обходилась почти ни одна не только крестьянская, но и помещичья свадьба.

«Я у него в подпасках был, — рассказывал его внук А. Л. Романычев. — Бывало, мы стадо пасем, а дед Абрам в кабаке бочки караулит и сказки рассказывает.

---

[1] Сб. «Русская сказка», т. I, М., Academia», 1932, стр. 131.
[2] Сб. «Русский фольклор». М., 1930, стр. 27.
[3] Сб. «Волжский фольклор». М., «Сов. писатель», 1937, стр. 13.

Здорово он умел рассказывать небылицы всякие. Его баре возили к себе в усадьбы, когда пиры устраивали, он и смешил их там» [1].

В барской усадьбе Лазаревых Садовников и познакомился с Новопольцевым. Страстный собиратель фольклора и знаток его, поэт сразу же оценил всю научно-художественную важность своего открытия. Началась кропотливая запись сказок, производившаяся в доме Лазаревых при деревне Новиковке, которая находилась в двух верстах от Яксашного Помряськина. Со слов Новопольцева Садовников записал 72 текста.

Литературное наследство Новопольцева исключительно богато и по количеству и по разнообразию содержания: сказка-легенда, анекдот-шутка, сказки о животных, сказки новеллистические, сатирические, бытовые, волшебные. Общий характер его сказок жизнеутверждающий, веселый. Основная установка — насмешить, метнуть острое словцо, а иногда пустить и сатирическую стрелу. По мнению профессора Азадовского, сказки Новопольцева ведут свое начало от скоморохов, а сам Новопольцев — ярко выраженный тип сказочника-балагура, увеселителя, острослова.

В сказке «О спящей красавице» есть интересная попытка зарисовать себя как автора.

«Восходит молодец: — Мир вам, гостям, на беседе.

— Просим милости, доброго молодца.

— Что вы сидите, водку пьете, а ничего не говорите? Должно быть, вы спать хотите? Поднесите водочки стакан — я шуточку пошучу.

— А ты чей такой?

— А вот я из Попряськина сказывальщик» [2].

Садовников собрал о личности Новопольцева богатый материал, который до сих пор не разыскан.

«Во всякой сказке, — писал В. И. Ленин, — есть элементы действительности» [3]. Есть они и в сказках Новопольцева: бытовые подробности, местные географические и социальные условия. В сказках «Шурыпа», «Поп и дьякон», «Мужик и поп», «Барин и мужик» и других звучат мотивы протеста, социальной розни. Свои симпа-

---

[1] Сб. «Волжский фольклор». М., «Сов. писатель», 1937, стр. 13.
[2] Разумеется Яксашное Помряськино.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 19.

тии Новопольцев отдает крестьянам, торжествующим над своими угнетателями — кулаком, помещиком и попом.

Новопольцев — талантливый стихотворец, удивительно легко владеющий рифмой, которая у него встречается не только в шаблонных для каждого сказочника зачинах и концовках, но пронизывает всю ткань его произведений, определяя часто и сюжетное положение, и характер героя, и его имя. Это говорит об огромном мастерстве Новопольцева, о его эстетической чуткости, позволяющей ему дать тонкий ритмический рисунок комического оттенка, направить действие сказки в нужную сторону.

Наш заволжский сказочник — яркая художественная натура с сильным умом и острым взглядом, с богатым словарем. Это не простой любитель-дилетант, а первоклассный мастер, артист своего дела, человек призвания, много работавший над своими сказками. Огромная память, широкий размах творческого воображения давали ему возможность придумывать, украшать сказки, создавать новые вариации.

Новопольцев в совершенстве владел сказыванием сказок, представляя их в лицах. Вполне возможно, принимая во внимание глубокие и древние песенно-сказочные традиции района, что у Новопольцева были учителя-сказители, сведения о которых до нас не дошли.

Семьдесят две сказки Новопольцева — щедрый вклад в сокровищницу русского сказительного творчества.

В середине 30-х годов нашего столетия еще живы были некоторые современники и родные Новопольцева: внучка его Аграфена Николаевна Романычева (отец ее был родным сыном сказочника), Алексей Логинович Романычев (муж ее), племянник Новопольцева — Петр Михайлович Жеманов. Правнук Новопольцева, колхозник А. А. Романычев, тоже был «мастером сказки сказывать».

Побывавший в Заволжье профессор В. Сидельников обнаружил интересное фольклорное гнездо в Чердаклинском районе. Здесь летом 1935 года фольклорной экспедицией за два дня было записано 511 номеров (песни, сказки).

В селах Дмитриево-Помряськино и Чердаклы были ра-

зысканы такие мастера устного творчества, как сказочник А. А. Малаховский, певица Домна Дмитриевна Мирюнчева, от которой экспедиция записала старинные свадебные и лирические песни и очень ценную в научном отношении «Побывальщину». Сама певица характеризовала свой песенный запас так: «Песен-то у меня мешок непочатый».

В Старомайнском районе выделяется село Красная Река, где в годы Великой Отечественной войны было записано много произведений фольклора.

В последние десятилетия собиранием заволжского народного творчества неутомимо занимается доцент Ульяновского пединститута П. С. Бейсов. В 40-е годы им записаны представляющие особый интерес «Заволжские сказы о Ленине» (деревни Алексеевка, Петровка, Павловка). Им же и студентами записаны в разных местах Заволжья песни о В. И. Ленине: «Из Москвы далекой», «Рано утром на зо́ре́» и др. [1].

---

[1] См.: П. С. Бейсов. В. И. Ленин в народном творчестве родного края. — Ученые записки Ульяновск. пед. ин-та, т. 12, вып. 1, 1957.

РУССКАЯ БЕКШАНКА

Село Русская Бекшанка (Барышского района) — родина Модеста Николаевича Богданова (1841—1888), известного ученого-зоолога, путешественника, блестящего популяризатора и талантливого детского писателя.

В Русской Бекшанке протекли детские, отроческие и частично юношеские годы Богданова. Время было жестокое, еще царило крепостное право. Но отец Богданова построил свои отношения с крестьянами на гуманных началах и не препятствовал сыну общаться с деревенской детворой. Страстный охотник, отец сделал таким же и сына. «Лет с семи начал ходить с отцом на охоту», — вспоминал ученый. А когда маленький сын, вопреки воле матери, превратил свою комнату в зверинец, отец поддержал его и здесь, сочувствуя пылким увлечениям ребенка.

Впечатления юных лет — самые сильные и крепкие. Они глубоко проникают в душу и хранятся там до последних дней. У людей одаренных — это часто светлый источник их будущей деятельности. На всю жизнь запала Русская Бекшанка в душу Богданова своими ручьями, лугами, болотами, лесами, играми и проказами сельских ребятишек. «Если бы не птица, если бы не эта синичка, которую я поймал, когда мне было лет восемь, из меня не вышел бы ученый», — говорил М. Н. Богданов, ставший замечательным продолжателем изучения рус-

ской фауны, которое начали П. С. Паллас и И. Лепехин зимой 1769 года в Симбирске.

«С моими приятелями, деревенскими мальчуганами, я рыскал целые дни по соседним лугам, болотам и лесам. Мы собирали птичьи яйца, вынимали из гнезд разных птичек, выкапывали из нор зверьков», — вспоминал Богданов.

А темно-зеленый певучий Мордовский бор за селом! То с толпой деревенских мальчиков, то с неизменной собакой Пираткой уходил юный Мотя в бор на целые дни, а иногда и с ночевкой. В бору ждал его «леший» — так в селе звали местного старика-пчеловода Калиныча, человека правды, ярого врага кулаков-мироедов, провидца природы и первого учителя Богданова в области естественных наук. «Исходили мы с ним бор, — писал Богданов,—на десятки верст. Он научил меня, как искать глухаря, как подманить рябчика, как найти зверя по следам, как поставить лучше ловушку. Под его рукой впервые познакомился я с лесной природой, с ее таинственной жизнью. И, наверное, многие ученые-немцы не показали бы мне того, что показал Калиныч в лесных трущобах и тайниках. А какими рассказами о старине он угощал меня перед сном! О том, как разгуливали пугачевские молодцы, какой зверь водится в лесу» [1].

Дома в долгие осенние и зимние вечера рассказы Калиныча дополняла няня Будара, неграмотная бекшанская крестьянка.

Так среди сельских игр, забав и увлечений рос, набирался впечатлений будущий зачинатель и создатель художественной и научно-популярной литературы для детей из жизни русской природы. Русская Бекшанка со своим окружением стала колыбелью пламенной привязанности Богданова к жизни птиц и зверей родного Поволжья, к жизни народа.

Страстная любовь к природе продолжалась и в симбирской гимназии, куда поступил Богданов. Свободное от занятий время он проводил обычно в окрестностях города, в знаменитых симбирских садах, где отдавался охоте на зайца, ловле птиц. Впоследствии, будучи уже ученым, Богданов описал эту пору юношеских увлечений

---

[1] М. Богданов. Из жизни русской природы. М., Изд. Сытина, 1907, стр. 41.

в рассказах «Охота в симбирских садах», «На косых» и др. «Эти целые леса яблонь, груш, слив, вишен вперемежку с кустами смородины, крыжовника, барбариса и малины... Эти сады — настоящий рай для птицелова», — вспоминал о симбирских садах ученый. С большой любовью нарисованы им картины садов в разное время года, рассказано о ловле птиц, их повадках.

Окончив гимназию и Казанский университет, М. Н. Богданов пошел в науку. Целых 20 лет он посвятил путешествиям по русским горам, лесам, степям, пустыням и тундрам. Исколесил все Поволжье, Кавказ, прошел Хиву, забирался на холодный Мурман, обследовал Аралo-Каспийский край. Обо всем этом он рассказал в увлекательных лекциях студентам, написал много талантливых книг и статей, в том числе и исследование «Птицы и звери черноземной полосы Поволжья и долины Средней и Нижней Волги». По заявлению профессора Н. Вагнера, эта работа явилась первым камнем в трудном деле составления зоологической карты Европейской России.

Вспомнив свое бекшанское детство и отрочество, крестьянских мальчиков, Богданов создал такие известные книги в детской литературе, как «Мирские захребетники», «Из жизни русской природы». В пленительных очерках и рассказах Модест Николаевич мастерски нарисовал природу Русской Бекшанки, ее простых, но замечательно интересных людей, вылепил незабываемый образ «лешего» Калиныча.

«Давно его уже нет на свете, — пишет о Калиныче писатель. — Но и теперь хотелось бы повидать его добрые карие глаза. Сколько ума, сколько ласки светилось в этих чудных глазах из-под нависших бровей. В упор смотрели они на человека, и не всякий мог вынести этот мягкий взгляд. Зато сам Калиныч ни перед кем, бывало, не опустит глаз» [1].

Сила тайная сокрыта
В каждой капельке воды,
Но... к ручью тому не всякий
Знает торные ходы.

---

[1] М. Богданов. Из жизни русской природы, стр. 41—42.
Обращаясь к своим юным читателям, автор пишет: «Поищите-ка и вы такого лешего: Калинычи встречаются не только в лесу. Они везде, где люди живут» (стр. 42).

Так писал Богданов. Но сам он знал эти «торные ходы» до тонкости и в своих книгах в живой занимательной форме знакомит с ними читателя.

По свидетельству М. Фофановой, В. И. Ленин тепло отзывался о Богданове и его книгах. «Богданов — мой земляк. Я учился в той же гимназии в Симбирске, но я и родился в Симбирске и тоже, как Богданов, поступил в Казанский университет, только не окончил его», — заметил Владимир Ильич. По словам М. Фофановой, Ленин «много раз просматривал книгу «Из жизни русской природы» и восторгался рассказами», «...читал мне вслух отрывки из них. Особенно любил читать из рассказа «В лесной глуши» про белую совушку... Рассказ «О чем горевали птички» не раз прочитывал вслух весь целиком... Таким же восторженным вниманием у Владимира Ильича пользовался «Скворушка». Читая эту книгу, вспоминал Владимир Ильич родной Симбирск, свое детство и юность... Владимир Ильич восторгался очень удачным, по его мнению, названием книжки («Мирские захребетники». — К. С.) и говорил, что организованная борьба с «захребетниками» может быть по-настоящему налажена только в социалистическом государстве».

М. В. Фофанова думает, что издание этой книги в 1923 году было организовано не без участия Владимира Ильича [1].

В 1885 году Модест Николаевич Богданов приехал в Русскую Бекшанку поправить свое пошатнувшееся в странствиях здоровье и прожил здесь почти два года. Лето 1887 года — последнее лето своей жизни — он снова провел в Русской Бекшанке, написал очерк «Глухарь» — картину пробуждения природы весной. То была «лебединая песня» талантливого певца родной природы.

---

[1] М. Фофанова. Четыре книги. — «Известия» № 79, 1963.

НОВОЕ НИКУЛИНО

В этом селе Цильнинского района протекла бóльшая часть жизни либерального писателя и прогрессивного общественного деятеля, одного из наиболее энергичных и близких помощников и друзей И. Н. Ульянова Валериана Николаевича Назарьева (1830—1902).

Назарьев вышел из небогатой семьи симбирского помещика. Воспитывался и учился в Казани: сначала в пансионе, а потом в университете, где его товарищами были Л. Н. Толстой и будущий академик химии А. М. Бутлеров. Университет Назарьев закончил одновременно с И. Н. Ульяновым, только учились они на разных факультетах.

После окончания университета Назарьев был на военной службе, быстро разочаровался в ней, вышел в отставку, приехал на родину и поселился на хуторе близ Нового Никулина. В Назарьевке, как стали называть хутор, Назарьев занимался сельским хозяйством, литературным творчеством и культурно-общественной деятельностью. В течение 15 лет он был мировым судьей, 8 лет руководил основанным им Новоникулинским ссудно-сберегательным товариществом, 25 лет состоял членом Симбирского уездного совета по народному образованию.

Школьным делом Назарьев увлекся под влиянием идей общественного движения 60—70-х годов и личности И. Н. Ульянова, знакомство с которым перешло в

тесную плодотворную дружбу. Для изучения педагогической работы Назарьев ездил в Петербург, где посещал учительскую семинарию, слушал уроки в образцовой школе, бывал на учительских собраниях, вступил в переписку с известным педагогом Н. А. Корфом.

В Новом Никулине Назарьев выстроил хорошее училище и прекрасно обеспечил его и мебелью, и пособиями, и книгами. Инспектор, посетивший эту школу, писал в своем отчете, что он забыл, «что находится в русском сельском училище... Счастливы дети, обучающиеся в такой школе» [1].

Следуя убеждению, что «нет и не может быть спасения без хорошей, правильно поставленной школы», писатель устроил на своем хуторе мастерскую, где нанятый столяр по петербургским образцам изготовлял учебные пособия, рассылаемые по школам вместе с книгами. Он участвовал в расходах по постройке новых школ, был участником первого съезда учителей, созванного И. Н. Ульяновым, целыми неделями разъезжал по школам, давая об этом подробные отчеты. Один из них вышел брошюрой.

И. Н. Ульянов ценил культурную деятельность Назарьева, считал его своим искренним идейным и практическим помощником. В своем отчете за 1873 год он писал, что В. Н. Назарьев «с любовью и редким сочувствием относится к делу народного образования и своим влиянием на крестьян улучшает существующие и открывает вновь школы в уезде». Разъезжая по губернии, Ульянов часто бывал у Назарьева. Летом 1875 года вся семья Ульяновых около шести недель гостила в Назарьевке. Приезжая в Симбирск, семья Назарьева останавливалась в доме Ульяновых.

Назарьев высоко расценивал педагогическую деятельность И. Н. Ульянова, видел в нем выдающегося просветителя и исключительного человека. Отзывы писателя об Илье Николаевиче (и печатные и письменные) дышат восторженным преклонением. Назарьев называет «чудом» появление инспектора Ульянова, «с первого шага отдавшего всю свою душу возложенной на него обязанности». Это «идеальный инспектор», подготовивший на

---

[1] Суперанский. Начальная народная школа в Симбирской губ. Симб., 1906, стр. 147.

своих курсах «самых даровитых и полезных учителеи и учительниц», «единственный двигатель земства, единственный просветитель одной из богатейших приволжских губерний».

«Как птица божия, — писал Назарьев об Ульянове, — он никогда не помышлял о чем-нибудь житейском, предоставив это жене, никогда не унывал, не жаловался и безропотно продолжал скакать по губернии, на целые месяцы оставляя семью, продолжал голодать, угорать на съезжих, рисковать жизнью... Прямо из весеннего зажора или спасаясь от зимней метели, появлялся на моем уединенном хуторе вконец распростуженный инспектор народных училищ Илья Николаевич Ульянов» [1].

Очерки «Современная глушь» (1872—1876), положительно отмеченные И. С. Тургеневым, «Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета» (1894) и «Вешние всходы» (1898) — ценнейшие литературно-художественные документы о личности «учителя учителей» И. Н. Ульянова и о его деятельности. Назарьев первый — и в этом его самая большая историческая заслуга — попытался нарисовать правдивый образ отца Ленина.

В семье Ульяновых дорожили этими работами Назарьева, может быть, не во всех деталях точными, но искренними, душевными. В них писатель с глубоким волнением рассказал о человеке, с которым пришлось близко общаться, работать. Не случайно поэтому среди книг В. И. Ленина в его кремлевской библиотеке хранились доставшиеся ему от отца сброшюрованные и переплетенные вырезки «Современной глуши» из «Вестника Европы» с авторской надписью: «Многоуважаемому Илье Николаевичу Ульянову, в память общих трудов, забот, горестей и радостей по устройству сельских школ Симбирского уезда. В. Назарьев. 1876, октября, 24, с. Новое-Никулино».

Литературная деятельность Назарьева началась в конце 50-х годов повестью «Бакенбарды» (обличала крепостнические настроения офицерства), напечатанной в «Современнике». Через И. И. Панаева и М. Н. Островского, брата знаменитого драматурга, Назарьев познакомился

---

[1] В. Н. Назарьев. Современная глушь. — «Вестн. Европы», 1876, т. IV.

с Н. А. Некрасовым, Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым. Хотя это знакомство и не сделало Назарьева революционным демократом, тем не менее оно имело на него благотворное влияние: усилило его позиции народолюбца и на долгие годы закрепило сотрудником передовых журналов «Современник» и «Отечественные записки». В последнем писатель в течение шести лет подряд помещал очерки «Наша сельская жизнь».

Назарьев написал много произведений, разбросанных по разным изданиям. Активно сотрудничал он и в поволжских органах — «Самарской газете», «Симбирских губернских ведомостях», «Симбирской земской газете», журнале «Городской и сельский учитель» (Симбирск). Среди написанного им есть и статьи, и очерки, и рассказы («Живые покойники», «Последний могикан», «В своем краю», «Литератор-обыватель» и др.), и пьесы («Метель», «Золотые сердца»). Комедия «Золотые сердца» в 1882 году была поставлена на сцене Московского Малого театра.

Прожив почти всю свою жизнь в деревне, связанный с нею хозяйством и общественной работой, Назарьев изображал в основном жизнь Симбирского края. В его рассказах и очерках мелькают точные названия селений, рек, слабо изменены фамилии местных «героев». В городе Сумбур легко узнать Симбирск с его «обществом», начиная с предводителя дворянства и кончая дамой-патронессой.

Более радикально настроенный в 60—70-х годах и осторожный, но энергичный культурный деятель позднее, Назарьев неизменно выступал в своих произведениях обличителем темных сторон тогдашней жизни. Его простые, гневные строки направлены против всякого рода «дельцов» — любителей наживы, гасителей просвещения, эксплуататоров народа. Здесь помещики и земские начальники, купцы и жадюги-попы, сидельцы кабаков, краснобаи-чиновники, пройдохи-жулики из управленческого аппарата, вплоть до симбирского уездного предводителя дворянства, обобравшего земство и сбежавшего в Америку.

С сердечной теплотой и нескрываемой симпатией писатель рисует крестьянство, интеллигентных тружеников деревни — учителей, врачей, фельдшеров. Тяжела жизнь этих людей! «Учительница, — пишет он, — около двадца-

ти лет тому назад юная, увлекающаяся своим высоким призванием девушка, поступившая на место, а теперь исхудалая, изнемогшая, бесприютная в случае болезни и похожая на брошенный выжатый лимон» [1].

В. Н. Назарьев умер в Симбирске и похоронен в своей любимой Назарьевке. Добрая память о народолюбии писателя и до сих пор живет среди новоникулинцев, передаваясь из поколения в поколение. На месте хутора Назарьева разбивается сад-парк и будет поставлена стела.

Давно назрела необходимость в издании избранных произведений В. Н. Назарьева, который на протяжении двух десятилетий разрабатывал ульяновскую тему в литературе и навсегда вписал свое имя в историю Ленинианы.

---

[1] «Исторический вестник», 1900, № 1, стр. 141—142.

П. В. Анненков, положительно отзываясь об очерках провинциальной жизни Назарьева, относит его к группе «бытовых писателей», а как человека называет его «одним из евангельских святых, которыми города держатся». («Стасюлевич и его современники...» Т. 3. СПб, 1912, стр. 316.)

Назарьев вдумчиво и тщательно, как исследователь, собирал и изучал материалы о сельской жизни нашего края. «Начинаю «Историю одной волости», — сообщал он в 1883 году Анненкову, — и шаг за шагом (с 1861—1884) прослежу все, что совершилось в этой волости в течение 23 лет. Нужно собрать как можно более материала и не менее года положить на эту работу». (Там же, стр. 699.) Такая конкретность, правдивость делает произведения писателя исключительно ценными для познания прошлого нашей области.

ПАВЛОВКА

Павловка раскинулась в огромной лесистой котловине. На подступивших к селу взгорьях—сосновые и дубовые рощи, «густые, словно грива откормленного коня». И кругом родники бьют—Гремучий, Шумкин, Головушка и др., имена их знакомы читателю по роману «Бруски». За лесными взгорьями — поля, черноземные, тучные.

Павловка — родина известного советского писателя Федора Ивановича Панферова (1896—1960), автора многих романов («Бруски», «Большое искусство», «Борьба за мир», «В стране поверженных», «Волга — матушка-река» и др.), снискавших любовь советского читателя. Еще цел в селе дом, где родился и провел свои детские и юношеские годы писатель. Обычный деревенский дом в две избы и пять окон. При доме садик, в котором старожилы показывают деревья, посаженные Федяркой, — так звали в семье и на селе Панферова.

Семья была многодетная и бедная. Отец, плотник, прозванный «неугомонным мужиком», долго скитался по России в поисках счастливой жизни, да так и не нашел ее. А не найдя, осел в родной Павловке и стал делать клещи для хомутов. До глубокой старости он работал в колхозе: то плотничал, то караулил, а вечерами валенки подшивал.

Неутомимым в труде и настойчивости оказался и будущий писатель. Зимой учился в начальной школе, а летом пас стадо. И то и другое дало свою зарядку. «Дни на природе со стариком-пастухом и с коровами —

лучшие дни детства, я сжился с природой, полюбил ее... начал писать стихи...» [1]

Окончив школу, Панферов по собственной инициативе устроился мальчиком в магазине богача Крашенинникова. Здесь прочитал Тургенева, Писемского, Данилевского и др. Писатели натолкнули его на мысль, что надо «выбиваться в люди», а для этого нужно учиться.

Начались бессонные ночи подготовки за двухклассное училище. Через три года с помощью брата, ученика Вольской учительской семинарии, Федор Панферов выдержал конкурсный экзамен в ту же семинарию. Дорога к знаниям открылась. Но как она трудно давалась! [2]

Жизнь в Павловке Панферов описал в одном из лучших своих произведений — в повести «Недавнее прошлое» (1956). Здесь дана яркая художественная летопись родного села. Отзвуки русско-японской, а потом первой мировой войны. Революция, становление Советской власти, начало сплошной коллективизации. События, происходившие в Павловке, в которой писатель прожил 17 лет, воспринимаются глазами Федярки, сына бедного крестьянина.

В повести «Недавнее прошлое» Панферов рассказал о жизненном пути человека, крепко связанного с народом, пути, где пришлось пробиваться от нищеты к науке, а потом войти в революцию и стать активным созидателем нового строя [3].

---

[1] Ф. Панферов. Недавнее прошлое. Автобиографическая повесть. — «Новый мир», 1956, № 11—12.

[2] А. Д. Коптяева, жена писателя, передает такой эпизод из ученических лет Панферова. Изголодавшись в семинарии, Панферов решил на рождественские каникулы идти домой, в Павловку, пешком, в шинелишке и форменной фуражке, в ботинках без галош.

«Когда я подходил к Павловке, — рассказывал он, — у меня заплетались окоченевшие ноги, губы посинели, а над селом кучились мрачные зимние сумерки.

Дома встретили равнодушно.

— А-а, пришел! А у нас и поесть-то нечего, — сказал отец. И понятна тоскливая мысль: — Зачем меня принесло сюда?»

«Должно быть, нередко бывали такие встречи и вечера: всю жизнь Федор не любил сумерек», — замечает Коптяева. («Октябрь», 1963, № 12, стр. 169.)

[3] По словам А. Д. Коптяевой, «свое родное село Павловку Федор Панферов вспоминал часто... Многое в родном селе отталкивало его: преступления богатеев, произвол полиции. Недаром,

В 1936 году Панферов побывал в Павловке. Он посетил школу, места, связанные с детством, в клубе села выступил со своими заграничными впечатлениями [1].

В наши дни Павловка — административный и культурный центр района. В селе многое напоминает Панферова. Живы сверстники писателя, его близкие и дальние родственники. Есть улица его имени.

Жители Павловки чтят память своего прославленного земляка. По их просьбе 15 октября 1963 года в селе открыта детская библиотека имени Панферова — новое белокаменное здание, окруженное с трех сторон молодым парком (построено на том самом месте, где стояла лавка купца Крашенинникова). В библиотеке есть комната-музей Ф. Панферова с вещами и книгами писателя.

Открытие библиотеки и мемориального музея превратилось в праздник. Приехали жена Федора Ивановича известная писательница А. Д. Коптяева, брат писателя, представители обкома партии, ульяновские писатели и журналисты, интеллигенция, колхозники окрестных сел. Выступая на митинге, А. Д. Коптяева сказала: «Павловка стала для меня дорогим и родным местом. Федор Иванович с детства полюбил эти места, родную русскую природу и через свои произведения передал эту любовь людям, многочисленным читателям» («Ульяновская правда» № 247, 1963).

С помощью Ф. Панферова из Ульяновска вышли в большую литературу Григорий Коновалов, Елизар Мальцев, Арсений Рутько.

потрясенный очередным зверством, мальчик с отчаянием думал: «Бежать! Куда угодно, но бежать!»

Но куда? Без денег, без помощи...

И все-таки Ф. Панферов вырвался из тисков деревенской косности. Но от деревни, от своих Ждаркиных и Звенкиных, он оторваться не мог, они жили с ним, звучали в нем, звучали до самого смертного часа («Октябрь», 1963, № 12, стр. 169).

Панферов не терпел, когда его называли «выходцем» из народа. «Из народа я никуда и никогда не выходил», — говорил он.

В 1933 году Панферов вместе с Б. Галкиным приезжал в село Новую Бесовку (Новомалыклинского района). Появился очерк об артели «Красный трудовик». Очерк назывался «Колхозная ячейка и ее секретарь».

[1] «После войны, — вспоминает жена писателя, — мы не раз с Федором собирались побывать в его родном селе, но все мешали дела, работа над книгами, болезни». («Октябрь», стр. 169.)

МЕЛЕКЕСС

К городу Мелекессу имеют отношение четыре крупных писателя: Н. В. Шелгунов, Артем Веселый, А. Г. Лебеденко и А. С. Неверов.

Николай Васильевич Шелгунов (1824—1891) — революционер-демократ, выдающийся очеркист и публицист. В Мелекесс он приехал летом 1849 года для устройства Мелекесской лесной дачи, занимавшей в Заволжье довольно обширное пространство. Молодому инженеру предстояла большая работа, а потому Шелгунов был оставлен при управлении казенными землями, находившемся в Самаре (она в то время на правах уездного города входила в состав Симбирской губернии).

Как только наступала весна, подсыхали дороги, Шелгунов выезжал в «славный Мелекесс» (так он называл его в своем дневнике), где была штаб-квартира инженера. Отсюда начинались разъезды по всему лесному Заволжью.

Практические работы по устройству лесов Шелгунов соединял с серьезными теоретическими занятиями. Написал и напечатал ряд научных статей по своей специальности. Руководство «Лесная технология» принесло автору звание профессора и чин полковника.

В 1853 году основные работы на Мелекесской лесной даче были закончены, и Шелгунов уехал в Петербург. Начался новый период жизни писателя: он познакомился с Герценом, близко сошелся с Чернышевским и беспо-

воротно встал на революционный путь. Пересмотреть и оформить свои критические взгляды на государственный строй, взаимоотношение сословий и на положение крестьян во многом помогла ему жизнь и работа в Симбирском Заволжье. Здесь он близко познакомился с народом, с самодержавно-бюрократическим аппаратом управления.

Свои заволжские впечатления Шелгунов отразил в книгах «Воспоминания» и «Очерки русской жизни».

В «Воспоминаниях», ценных отображением идейной жизни и психологии революционного поколения 60-х годов XIX века, есть картины произвола «вельможества», чиновников, картины раболепства, выросшего на почве крепостного права. Приведу один эпизод, относящийся к нашему Заволжью. «Мне раз случилось ехать, — пишет Шелгунов, — с управляющим самарской удельной конторой из села Майна в Самару. Мы ехали в нескольких экипажах, и это была не езда, а торжественный поезд, напоминавший времена Потемкина. На каждой станции нас ждала толпа народа, без шапок; впереди толпы стояли деревенские власти, и все это низко кланялось, а управляющий с милостивой улыбкой кивал направо и налево головой. На станциях нас ждали подставные лошади, а когда смеркалось, впереди и по бокам скакали вершники с фонарями» [1].

Более 30 лет звучал в русской литературе голос Николая Васильевича Шелгунова, распространяя и укрепляя в русском обществе революционно-демократические идеи. Похороны Шелгунова сопровождались противоправительственной демонстрацией с участием рабочих. На венке, который они несли за гробом, было написано: «Указателю пути к свободе и братству от петербургских рабочих».

---

[1] Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М., ГИЗ, 1923, стр. 61—62. В «Очерках русской жизни», печатавшихся в 80-х годах и имевших исключительный успех, Шелгунов писал о том, что на «широкой Волге, где так много простора и русского раздолья», трудовой человек не хозяин сам себе, а предмет безжалостной эксплуатации. С любовью говорил писатель о Волге, ее судьбе, о своей вере в светлое будущее русского народа. «Уж больно простор велик, — иносказательно писал Шелгунов, — и возбуждает он чувство надежды». (Н. В. Шелгунов. Очерки русской жизни, СПб., 1896, стр. 377.)

Это отметил в своей статье «Первые уроки» В. И. Ленин, характеризуя историю нашего рабочего движения. «1891-ый год—участие петербургских рабочих в демонстрации на похоронах Шелгунова, политические речи на петербургской маевке. Перед нами социал-демократическая демонстрация передовиков-рабочих при отсутствии массового движения»[1].

Артем Веселый — псевдоним одного из оригинальных советских писателей Николая Ивановича Кочкурова (1899—1939).

Сын самарского крючника (грузчика), он провел «страшное детство среди скотов и зверей». С 14 лет работал по найму и учился по зимам в четырехклассном городском училище. «С весны 1917 года занимаюсь революцией», — писал он в автобиографии. Революция и привела его в Мелекесс. Произошло это так. Мелекесские коммунисты обратились в Самарский губком с просьбой — прислать им товарища, способного наладить выпуск газеты. Губком решил командировать Николая Кочкурова, который уже выступал в самарских газетах с многочисленными статьями.

Кочкуров приехал в Мелекесс в начале декабря 1918 года. Только что ему исполнилось 19 лет. Волевой, энергичный, темпераментный, он быстро выдвинулся как коммунист и редактор. Время было исключительно тяжелое: разруха, гражданская война, кулацкие восстания, саботаж. Приходилось в одних руках совмещать несколько обязанностей. Молодого редактора выбрали председателем уездного комитета партии и назначили сотрудником Чрезвычайной комиссии. Вскоре газета, руководимая Кочкуровым, стала одной из ведущих среди уездных изданий. Она выделялась принципиальной позицией, боевым характером, широко освещала жизнь уезда.

Разъезжая по селам, выступая на многочисленных собраниях, сплачивая бедноту, Кочкуров близко соприкасался с жизнью, с людьми. Не раз угрожали ему физической расправой кулаки, контрреволюционеры. Наборщик типографии В. Н. Шурчалкин рассказывает: поехал раз Кочкуров в село Новая Майна. Когда вернулся в редакцию, его нельзя было узнать: овчинный полушу-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 250.

бок на нем был изодран в клочья. Оказывается, на него напали кулаки. Хотя Кочкуров имел маузер, он решил к нему не прибегать и смело вступил в рукопашную схватку[1].

В Мелекессе развернулись литературные способности Кочкурова, сформировались его политические и творческие позиции. В газете печатались статьи, очерки, фельетоны, рассказы начинающего писателя: «Братья Рулевы», «Там на полях», «На фабрике» и др. В Мелекессе он написал пьесу «Разрыв-трава».

В конце лета 1919 года Кочкуров ушел добровольцем на деникинский фронт.

Места своей юности Кочкуров навестил в 1934 году уже известным писателем Артемом Веселым. В зерносовхозе имени Крупской он читал главы своего нового романа. Литературный вечер состоялся также в Мелекессе, где Артем Веселый ознакомил аудиторию с отрывками из своих произведений. Вместе с ним выступали местные авторы Л. Правдин, А. Троепольский.

Мелекесские впечатления нашли наиболее полное отражение в главном сочинении А. Веселого — в романе «Россия, кровью умытая» (1932), над которым он работал несколько лет. Роман посвящен событиям гражданской войны (преимущественно в Поволжье и на Кубани). Показывая революцию как могучее стихийное движение, красочно и выразительно рисуя отдельные картины, писатель однако не сумел достаточно ярко раскрыть организующих, направляющих сил того периода.

Выведенные в романе Клюквин-городок, его люди и события — это Мелекесс 1918—1919 годов, данный в исторически верной художественной зарисовке. Многие уездные работники послужили прототипами героев: председатель уездного исполкома Я. С. Пискалов — в романе Капустин, уездный продкомиссар Щербаков — Валентин Лосев и др. Черты самого автора просвечиваются в облике председателя укома и редактора газеты Павла Гребенщикова, который, по словам романа, был «молод, огромен, лохмат». В проектах заведующего от-

---

[1] См.: Я. Рогачев. Артем Веселый. — «Ульяновский комсомолец» № 4, 1958.

делом управления при исполкоме Пеньтюшкина автор высмеял свои юношеские заблуждения.

На примере этих людей А. Веселый стремился раскрыть процесс формирования стойких и убежденных коммунистов, готовых, если нужно, умереть, но выполнить партийное задание.

Одна из улиц города Мелекесса носит имя Артема Веселого.

В конце 40-х и начале 50-х годов в Мелекессе жил видный советский писатель Александр Герасьевич Лебеденко (род. 1902), автор книг «Тяжелый дивизион», «Лицом к лицу», «Девушка из тайги», «Дом без привидений» и др.

В Мелекессе писатель выступал с литературными лекциями, участвовал в обсуждениях и постановке спектаклей в местном театре, руководил литературно-творческим объединением «Черемшан» (при городской газете), где щедро делился своим богатым литературным опытом.

Под псевдонимом «А. Александров» Лебеденко печатал в местных газетах статьи на темы культурной жизни и литературных юбилеев. В Мелекессе он закончил свой известный роман «Лицом к лицу», потом много раз переиздававшийся, переведенный на языки народов СССР и за рубежом.

Переехав в Ленинград, А. Г. Лебеденко не порывает связи с Мелекессом [1].

---

[1] О А. С. Неверове см. главу «Неверовские уголки».

А. Н. ТОЛСТОЙ И СИМБИРСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ

„Третий Толстой» в русской литературе, Алексей Николаевич (1883—1945) начал свою писательскую деятельность в 1907 году. Но на собственную тему, по его словам, он «напал» лишь в 1909 году. «Это были рассказы моей матери, моих родственников об уходящем и ушедшем мире разоряющегося дворянства, — говорил он на курсах молодых писателей.—Мир чудаков, красочных и нелепых... Это была художественная находка. Я написал первую книгу «Заволжье» [1].

Многих героев «Заволжья», а также романа «Хромой барин», пьес «Насильники», «Касатка» Толстой прикрепил к Симбирскому Заволжью. И это не случайно. Жизнь здешнего дворянства писатель хорошо знал не только по рассказам матери, родных и близких, но и по семейным архивам, по личным наблюдениям.

Хотя детство, отрочество и юность Толстого прошли

---

[1] «Литературная учеба», 1933, № 2, стр. 9—10.

Книга запомнилась Горькому. В 1910 году он писал Коцюбинскому: «Рекомендую вниманию Вашему книжку Алексея Толстого, — собранные в кучу, его рассказы еще выигрывают. Обещает стать большим первостатейным писателем». (М. Горький. Соч. В 30-ти т., т. 29, стр. 138.) В том же году Алексей Максимович характеризует Толстого как «писателя, несомненно, крупного, сильного и с жестокой правдивостью изображающего психическое и экономическое разложение современного дворянства». (Там же, стр. 142.)

в степных просторах Самарского Заволжья и в Самаре, однако родственные связи по матери привели будущего писателя в помещичьи гнезда Симбирского Приволжья. Мать Толстого, Александра Леонтьевна, урожденная Тургенева, приходилась двоюродной внучатой племянницей известному симбирскому декабристу Н. И. Тургеневу [1]. Тургеневым в Заволжье принадлежало несколько селений, в частности село Тургенево.

Личное знакомство А. Н. Толстого с Симбирским Заволжьем началось в апреле 1899 года. Волга в этот год вскрылась раньше обычного, и Александра Леонтьевна, пользуясь весенними каникулами, повезла 16-летнего сына Лелю в Симбирск. Отсюда лошадьми они выехали в Тургенево, где жила родная сестра матери писателя, Мария Леонтьевна Тургенева. Мать и сын побывали также у князей Хованских (село Архангельское), Наумовых (село Головкино), Шишковых, которые приходились им родней.

После однообразия самарских степей здешние речки, озерца, рощи и холмы показались юному Толстому полными разнообразной поэзии и навсегда запечатлелись в памяти. Привлекали внимание оригинальные личности родных и новых знакомых.

Лето 1900 года Толстой проводил в селе Бригадировке (ныне Мелекесского района) и в имении близких знакомых Тресвятских, где познакомился с будущей первой своей женой Рожанской. Под свежими впечатлениями уже 20 сентября он заканчивает автобиографическую повесть «Жизнь» (первоначально «Галя». Повесть не опубликована и хранится в рукописном отделе Института мировой литературы имени Горького). 3 июня 1902 года в родовом селе Тургеневе состоялась свадьба Толстого с Рожанской.

Снова в Симбирском Заволжье Толстой появляется летом 1910 года. Некоторое время он живет в селе Архангельском (ныне Чердаклинского района) у деда по ма-

---

[1] Передовой человек своего времени, демократ, Александра Леонтьевна Толстая (1855—1906) писала и сама под псевдонимом Александра Бостром. Она автор повести «Изо дня в день», романа «Неугомонное сердце», нескольких пьес, многочисленных детских произведений, газетных статей. (См.: Ю. Оклянский. Шумное захолустье. Куйбышев, Кн. изд., 1965.)

Часто, особенно в молодости, А. Л. Толстая приезжала к родным в Тургенево и месяцами жила там.

тери, Леонтия Борисовича Тургенева, знакомится с его архивом, увозит последний в село Войково (того же района) к «дяде Гоне» — так звали старейшину тургеневского рода Григория Константиновича Татаринова, хранителя фамильных преданий и вещей. В Войкове Толстой работал над привезенным архивом, слушал рассказы дяди Гони и писал роман «Две жизни».

Через три года Толстой предпринял поездку по дворянским поместьям Правобережья (Кочетовка и Карцовка Майнского района, Криуши Вешкаймского, Новая и Старая Ярыкла—Тереньгульского района), где жили родственники и знакомые писателя по матери. «Никогда не забуду поездку по разоренным имениям Симбирской губернии, давшую материал для повести «Приключения Растегина», — вспоминал Толстой [1]. Повесть была написана в Войкове. С осени 1913 года она стала печататься в газете «Русские ведомости».

Если первые посещения Толстым Симбирского Заволжья имели семейные и интимные причины, то последние ставили определенные творческие цели. Добавим, что к сбору материала он привлек и тетку из Тургенева: она сообщала ему в письмах народные слова, речения, поговорки.

Толстой широко использовал накопленный материал и мог с полным основанием говорить впоследствии, что многие его произведения дореволюционного периода «были построены на хронике, собранной на Волге». Так, сюжетом повести «Неделя в Туреневе» (т. е. в Тургеневе) явились события, разыгравшиеся в Тургеневе в 1906 году. Почти все герои имели своих живых прототипов. После появления «Недели в Туреневе» тетка писала Толстому: «Дорогой Алеханушка, прочла повесть, — но я не могу быть судьей — слишком это близко, и те чувства, которые так недавно пережиты и болезненны в душе, затемняют самую повесть. Осталось тяжелое чувство взворошенных незажитых ран» [2].

---

[1] А. Толстой. Задача: создание истории эпохи. — «Комс. правда» № 8, 1958.

[2] А. Толстой. Собр. соч. В 10-ти т., т. 1. М., 1958, стр. 605.

Семейные события легли в основу «Заволжья». Дальние родственники Сергей и Николай Шишковы, которых знал Толстой, стали прототипами Сергея и Никиты Репьевых. Петр же Репьев и внешне и биографией заставляет вспомнить дедушку по матери Леонтия Тургенева. В образе Мишуки Налымова использованы чер-

На местном материале, творчески переработанном и художественно обобщенном, Толстой разрабатывал тему оскудения, вырождения современного ему усадебного дворянства. В какой-то больной бред превратилась жизнь последних Тургеневых («Неделя в Тургеневе»). Бесшабашные кутежи — цель и смысл существования самодура и насильника Мишки Налымова («Заволжье»). Пьеса «Насильники» рассказывает о группе помещиков, готовых совершить гнусное насилие над женщиной.

Однако вскрывая гниль дворянского существования, Толстой не выходит из рамок бытописательства, не встает на революционные позиции. Его критика не отвергала изображаемой действительности, была далека от социальных причин, родивших «заволжских героев».

Сильной стороной творчества А. Н. Толстого тех лет было утверждение мотива любви, восхищение красотами родной земли.

Проезжая через Симбирск, А. Н. Толстой останавливался обычно в Троицкой гостинице (ныне гостиница «Москва»), считавшейся в те времена «дворянской», поскольку в ней располагались преимущественно помещики. Лишь в 1913 году, когда пришлось прожить в Симбирске несколько недель, Толстой устроился на частной квартире (угол ул. Энгельса и Комсомольского переулка).

Бывая в Симбирске, писатель появлялся в театре, во Владимирском, ныне Свердловском, саду и других общественных местах. Любил ходить по улицам, бродить по Венцу, запросто вступая в беседы с жителями. Записанные мной рассказы старожилов (М. В. Шабурова и др.), встречавшихся с Толстым в эти годы, рисуют Алексея Николаевича «ужасно простым человеком, охотно

ты М. М. Наумова и помещика «хромого Карпова», известного своими похождениями всей губернии. В князе Краснопольском, герое романа «Хромой барин», современники узнавали одного из князей Хованских. В «Актрисе» художественно развернут эпизод из жизни симбирских помещиков, рассказанный писателю двоюродным братом. Местный материал имеется и в «Чудаках», в пьесе «Насильники», «Касатка».

Реплики героев точно обозначают географию произведений: «Я одна поеду... Поступлю на телеграф в Симбирск...»; «Он здесь, я его по всему Мелекессу ищу»; «Она могла из Мелекесса проехать прямо верховой дорогой». В основе пейзажей, преимущественно лирических, лежат родные приволжские картины.

вступавшим в разговоры». «Своей внешностью он напоминал упитанного деревенского парня: никак нельзя было сказать, что это граф. Свои русые волосы зачесывал назад».

Симбирские впечатления попали на страницы некоторых произведений Толстого («Хромой барин», «Заволжье» и др.). В них автор частично переносит действие в Симбирск, приводит конкретные детали (названия улиц, учреждений), описывает Троицкую гостиницу, свадебную пирушку в ней и скандал, учиненный заволжскими помещиками. Кстати, это не выдумка писателя, факты взяты из хроники симбирской жизни, богатой похождениями «столбового дворянства». То ли еще выкидывали «вымирающие зубры», как называл помещиков писатель.

Троицкую гостиницу и дебоши в ней А. Н. Толстой вспомнил и в романе «Сестры» (1921). Описывая начало Февральской революции, писатель говорит о «диктаторе и временщике, симбирском суконном фабриканте, которому в свое время в Троицкой гостинице в Симбирске помещик Наумов (прототип Мишуки Налымова в «Заволжье». — К. С.) проломил голову, прошибив им дверную филенку, каковое повреждение черепа и мозга привело к головным болям и неврастении, а впоследствии, когда ему была доверена в управление Российская империя, — к роковой растерянности» [1]. Речь здесь идет о последнем министре внутренних дел при Николае II — Протопопове.

В 1912 году А. Н. Толстой написал пьесу «Насильники», посвятив ее замечательной русской актрисе О. О. Садовской. В произведении выпукло и правдиво показаны быт и нравы симбирских помещиков. 30 сентября 1913 года эта пьеса была поставлена в Московском Малом театре. Вот что пишет об этом сам Толстой: «Большой общественный скандал... несколько лож (занятых симбирскими помещиками) свистали в ключи. После десятого представления пьесу запретили на императорской сцене» [2]. Такая же история произошла и при постановке пьесы «Насильники» в Симбирском театре.

---

[1] А. Н. Толстой. Полн. собр. соч. В 15-ти т., т. 7. М., ОГИЗ, 1947, стр. 244.

[2] Там же, т. 13, стр. 557.

Конечно, написанное Толстым до революции, несоизмеримо с тем, что сделано после. Первая мировая война, революция, Великий Октябрь открыли глаза писателю и дали возможность во всю ширь и мощь развернуться огромному таланту. Но и «Заволжье», «Хромой барин», пьеса «Касатка», удостоенная Грибоедовской премии, и др. — сочинения, которыми нельзя не восхищаться. Сам Алексей Николаевич любил эти произведения и в советские годы не раз возвращался к ним: изменял, дополнял, создавал на их основе пьесы.

НЕВЕРОВСКИЕ УГОЛКИ

Тридцать семь лет прожил замечательный советский писатель Александр Сергеевич Неверов (настоящая фамилия Скобелев, 1886—1923). Две трети из них он провел в Симбирском Заволжье. Здесь он родился и вырос, стал учительствовать, оформился как писатель. До последних дней он не терял связи с родными местами.

Когда едешь по Чердаклинскому, Старомайнскому и Мелекесскому районам, то невольно думаешь: по этим проселочным дорогам то пешком, то в тряской крестьянской телеге перебирался из села в село Неверов.

Но есть в Заволжье селения, которые особенно тесно связаны с именем писателя. Это Новиковка, Озерки, Новый Письмерь, Камышовка и город Мелекесс.

1. Новиковка

В 25 километрах от Волги, в долине речки Красной приютилось небольшое сельцо Новиковка Старомайнского района. Обступили ее со всех сторон холмы, пригорки, равнины, где вперемежку и темно-зеленая грива бора, и мелколесье, и рощи, и перелески. На две части делит село речка, спрятавшаяся в зарослях кудрявого тальника. И с пригорка кажется, будто кто бросил зеленый шарф на середину селения.

До революции жители Новиковки влачили жалкое существование. На 1669 душ приходилось 1939 десятин

земли, в то время как один купец Конурин владел здесь 1967 десятинами. В своих неопубликованных воспоминаниях известный мелекесский краевед С. Г. Дырченков пишет, что когда он, ветврач, приехал в Новиковку и ему, чтобы подписать акт, понадобились грамотные, то с трудом нашли трех крестьян, которые могли поставить свои фамилии.

Новиковка — родина Неверова. Здесь в доме деда он провел детство и юность. Здесь у дьячка научился грамоте, закончил церковно-приходскую школу, здесь пришло к нему желание писать. «Вышло это удивительно и неожиданно, — вспоминал он. — Увидел на стене картинку со стихами и попробовал сам. Это было роковое начало. Смех мужиков и баб, вызванный моим первым стихотворением, определил мой дальнейший путь» [1].

Неверов любил стихи и потом не раз пробовал сочинять их.

В родном селе Неверов полюбил природу, близко узнал, что такое крестьянский труд («крестьянская работа в поле казалась мне самой лучшей на свете»), впитывал народный быт. «Осенние деревенские вечера, осенние праздники, свадьбы, вечерки, девичьи посиделки, песни под гармонь, — вся эта музыка коснулась как-то по-особенному моей души, и я ушел в эту жизнь, в эту поэзию целиком».

Обостряло чувства Неверова в Новиковке и многое другое: встречи и беседы с разного рода и звания людьми, наполнявшими дом деда, рассказы дедушки и бабушки о крепостном праве (отец писателя был выигран в карты), впечатления от барской усадьбы.

Все это были в известной степени социальные уроки. По свидетельству писателя Ярового, друга Неверова, им обязаны своим появлением рассказы «Музыка», «Преступники» и др.

Уже будучи учителем, летние каникулы 1907 года Неверов проводил на родине, в кругу семьи и знакомых учителей из ближних сел. Свое пребывание он ознаменовал выпуском сатирического журнала «Полушка», в котором высмеивались местные богачи, изображалась жизнь бедняков и сельской интеллигенции. Это обстоя-

---

[1] Писатели-современники. М., ГИЗ, 1928, стр. 143.

тельство послужило поводом к обыску, произведенному урядником. В это время Неверов был под негласным надзором полиции. Обыск производился дважды — днем и вечером — и ничего не дал. Летом 1912 года в Новиковке Неверов подвергся еще одному обыску. Как и первые, он закончился безрезультатно.

Последний раз на родине Александр Сергеевич был летом 1923 года, когда он совершал месячное путешествие по Заволжью и пробыл в Новиковке, по словам жены писателя П. А. Неверовой, день-два.

Давно исчез дом деда, умерли или разъехались родные и знакомые. Но все село знает и помнит Неверова. Земляки охотно читают его сочинения. В день моего посещения Новиковки все произведения Александра Сергеевича были на руках, кроме одного, с автографом жены писателя: «Гражданам села Новиковки на память об авторе-земляке. П. А. Неверова, 5 мая 1960 года». П. А. Неверова прислала в школу биографические материалы, фотографии, сочинения мужа. Решено создать в Новиковке музей, начат сбор материалов. Совхоз, куда входит Новиковка, носит имя Неверова.

2. Озерки

В Озерки, большое село Чердаклинского района, разбросавшееся вдоль глубокого глинистого оврага, мы приехали в жаркий июльский день. Наш экскурсовод, колхозник средних лет, провел нас на площадь имени Неверова, показал, где стояла школа, в которой учился Александр Сергеевич. Отыскал на улице и место, где находился дом писателя Ярового (Комарова), являвшийся в дни пребывания Неверова в Озерках своего рода литературно-политическим клубом: здесь сочинялись стихи, агитки, происходили читки запрещенной литературы, велись горячие споры и задушевные беседы.

С помощью провожатого мы разыскали скромный домик учителя-пенсионера Дмитрия Петровича Карлина, товарища Неверова по школе и по работе. Несмотря на свой преклонный возраст, он многое сохранил в своей памяти. Рассказал, как учился Саша, как начинал свою писательскую деятельность, какой политический кружок существовал в Озерках с 1905 по 1908 год с уча-

стием Неверова, вспоминал о его сундучке, наполненном исписанными тетрадями: о том, как в 1905 году Неверов сочинил и послал в Казанский учебный округ петицию об изъятии закона божия из числа учебных предметов.

Три года (осень 1903 года — весна 1906 года) проучился Неверов в Озерской второклассной церковно-приходской школе, готовившей учителей для начальных школ грамоты. Огромное влияние оказали на него события первой русской революции, в частности аграрное движение крестьян, особенно сильно проходившее в Ставропольском уезде, куда в то время входили Озерки.

Благодаря изысканиям журналистов-литературоведов Н. Мицкевича и Н. Страхова, мы теперь знаем, что, будучи учеником Озерской школы, Неверов хранил и распространял подпольную политическую литературу, возглавлял ученическую забастовку, резко выступал против церкви и религии, вел агитационную работу среди крестьян. Он получал брошюры и листовки, издаваемые Самарским комитетом РСДРП, установил связь с руководителями Старобуянской республики в селе Царевщине, бывал там. Поп Сунгуров, заведующий школой, в своем доносе на Неверова назвал его «богоотступником» и требовал наказания. В результате по окончании школы Неверов был признан губернским начальством «врагом церкви», политически неблагонадежным человеком, за ним была установлена полицейская слежка.

Школьная программа, несмотря на перегрузку религиозными предметами, давала возможность приобрести и разносторонние знания, особенно по русскому языку и литературе, которые Неверов очень любил. В выпускном классе проходился курс теории словесности по учебнику Ливанова, требовавшему большой начитанности. Неверов много читал и вообще серьезно относился к занятиям, считался первым учеником. Ему была знакома классика, много читал он из современной литературы. «Будучи во второклассной школе, — вспоминал Неверов в 1913 году, — увлекался сочинениями Горького и Достоевского». Значительную роль в развитии Неверова сыграли учителя Васильев и Свидерский.

Писать Неверов продолжал и в школе. Это были стихи, преимущественно сатирические. Но ответы из журналов приходили неутешительные. По совету Свидер-

ского, сотрудничавшего в газетах и журналах, Саша перешел на прозу. Посланный в журнал «Вестник трезвости» рассказ «Горе залили» был напечатан в 3—4-м номерах за 1906 год. «Радость нельзя было измерить ни ковшом, ни ведром, ни лопатой, — признавался потом писатель. — Совсем очумел, что называется». В том же году в этом журнале появился и другой рассказ начинающего писателя — «Свой человек». Это окрылило Неверова, и он стал серьезнее смотреть на литературную работу.

В рассказах «Горе залили» и «Свой человек» писатель изображает тяжелую мужицкую жизнь, единственным утешением в которой было вино. Уже здесь видно, что автор хорошо знает сельский быт и питает горячую любовь к обездоленным и страждущим.

В середине мая 1906 года Неверов закончил школу и получил свидетельство на звание учителя школы грамоты. Это был последний выпуск Озерской учительской школы, которую закрыли за то, что она стала выпускать «людей, не признающих ни бога, ни царя». Здание продали на слом.

3. Новый Письмерь

Педагогическая деятельность А. С. Неверова началась с осени 1906 года, когда он после безрезультатных попыток устроиться где-нибудь в городе получил назначение учителем школы грамоты в деревню Новый Письмерь (ныне Мелекесского района).

В каком состоянии находилось народное образование в те годы в Самарской губернии, куда входило наше Заволжье, видно из официальных документов. Доктор Байков, обследовавший в 1903 году школы Самарской губернии, писал: «Обидно за школы так же, как за родник прекрасной ключевой воды, который затоптан и загрязнен до того, что им уже опасно пользоваться, и только небрезгливый путник, истомленный зноем, по

---

[1] Из неопубликованных воспоминаний С. Г. Дырченкова.

Инспектор народных училищ Грифцов тогда же докладывал, «что положение ужасное, возбуждающее грустные думы в душе всякого благоразумного человека, прикосновенного к делу народного образования и желающего дать свет темному народу».

нужде припадет к нему и утоляет жажду, за что потом и дорого расплачивается» [1].

Однако молодой и еще неопытный учитель не растерялся, не спасовал перед трудностями, а энергично принялся за работу. Ему пришлось вести занятия по закону божию, так как духовенство жило в другом селе. По свидетельству Д. Акимова, старожила этой деревни, Неверов «самовольно урезал закон божий», т. е. сократил содержание учебного курса, чему можно поверить, зная боевое настроение учителя и слабый контроль со стороны попа.

Неверов поселился в Новом Письмере в доме крестьянки Башуровой и Василия Яшина [1].

Школы грамоты находились в распоряжении духовного ведомства. Из всех сельских школ, действовавших в то время в царской России, они влачили самое жалкое существование (их называли «пародией на школу»). Как правило, они открывались в наемных крестьянских квартирах или в церковных сторожках, где не было никаких удобств, никаких учебных пособий. Учителя жили у крестьян или в тех же помещениях, в которых занимались. Вознаграждение получали нищенское — от 6 до 10 рублей в месяц.

Успешно начатая Неверовым в Озерках литературная деятельность продолжалась и в Новом Письмере.

---

[1] Вот что рассказала Башурова (в записи С. Г. Дырченкова): «Александр Сергеич поселился у нас и жил как бы родной в нашей семье. Он с нами жил в одной комнате и столовался вместе с нами. Особой спальни у него не было, и лучшей теплой кроватью служили ему полати. Александр Сергеич был простой, доступный человек, приветливый. В разговорах частенько шутил и всегда был веселый, нередко, что-нибудь рассказывая, вставлял различные присказки и частенько говорил стихами».

За последние годы в местной печати (Куйбышев, Ульяновск) появились статьи, где много говорится о революционной работе Неверова в Новом Письмере. Ознакомившись с ними, П. А. Неверова сообщила мне: «В этой деревне Александр Сергеевич работал очень мало. Растянули воспоминания на пять газет... Очень, очень мне обидно за Александра Сергеевича — за искажение действительности. В общем, уж лучше бы таких статей не было». (Из архива автора.) Нельзя не принять этих слов самого близкого к Неверову человека — тогдашней учительницы деревенской школы, прекрасно знавшей окружающую обстановку. Одно можно утверждать, что писатель не замыкался в скорлупу учительской работы, общался с крестьянами, вел с ними беседы, привлекал их для помощи школе. А она нуждалась в дровах, в освещении, мебели, ибо не состояла ни на чьем бюджете.

Ей приходилось уделять ночное время, когда хозяева засыпали, и Александр Сергеевич мог часами писать, ущемляя себя в отдыхе. Не оставляя стихов, он все больше переходил на прозу. Здесь написаны рассказы и очерки: «Приехали на базар», «Авдотьина жизнь», «Сон Лукьяна», «Три года». В «Авдотьиной жизни» писатель впервые с большой правдой и теплотой изображает жизнь крестьянской женщины.

4. Камышовка

Осенью 1907 года А. С. Неверов перевелся учительствовать в деревню Камышовку (ныне Чердаклинского района), тоже в школу грамоты. Камышовка его лучше устраивала: ближе к дому, к Озеркам, к родным и знакомым. Школа помещалась в собственном здании на окраине деревни, возле гумен, при школе имелась квартира для учителя — маленькая комнатка, отделенная от класса дощатой перегородкой.

В то время Камышовку окружали болотистые топи речки Кармалы, заросшие низкорослым березняком. Из болота вытекал бурливый Калмаюр, небольшой приток Волги. А вокруг неприглядная, с полынью и чернобыльником земля. Крестьяне жили бедно.

В Камышовке Неверов проработал до осени 1910 года. Это был важный период в жизни Александра Сергеевича. Здесь он оформился как учитель и как бытописатель крестьянства и сельской интеллигенции.

В нашем распоряжении очень мало сведений о Неверове как педагоге. Однако и те, что мы имеем, позволяют сказать: это был передовой учитель и по своему мировоззрению и по методам работы, творчески подходивший к процессу обучения. Уроки проходили живо, интересно, особенно по русскому языку. Ученики часто писали сочинения на темы окружающей жизни. Практиковались экскурсии в поле, в лес. На уроках объяснительного чтения учитель сообщал много нового, свежего, выходя далеко за пределы программы. Он совершенно изгнал из практики физические наказания, процветавшие в те годы во всех начальных школах. Устраивал для ребят вечера, спектакли, сочинял пьески, делал инсценировки своих рассказов. Так была поставлена «Ав-

дотьина жизнь». Пытался составить противоалкогольную хрестоматию [1].

Все это были резкие, осуждаемые начальством отступления от господствовавшей в церковной школе рутины. Вот почему на экзаменах старались «резать» учеников Неверова, хотя они по своей подготовке, развитию выгодно выделялись среди других. Вот почему показательные уроки Неверова на летних учительских курсах в Самаре в 1910 году, нравившиеся учителям, «разносились» церковными методистами.

О педагогических способностях Неверова говорит и писатель Гладков, сам бывший учитель: «Он был хорошим знатоком педагогических премудростей» и «не переставал живо интересоваться вопросами педагогики».

Одновременно с работой в школе Неверов готовился к сдаче экстерном экзамена на звание учителя церковно-приходской школы, который выдержал в 1908 году.

Материальное положение писателя в Камышовке оставалось тяжелым: десять рублей жалованья в месяц. На них надо было содержать себя и сестру, учившуюся в Ставрополе. Приходилось отказывать в самом необходимом. Изредка лишь выручали гонорары.

К материальным невзгодам присоединялись разного рода притеснения начальства — попа, урядника, старшины. Писатель на самом себе испытал всю горечь судьбы сельского учителя в царской России, о которой в 1913 году в статье «К вопросу о политике министерства народного просвещения» В. И. Ленин писал: «Россия бедна, когда речь идет о жалованье народным учителям. Им платят жалкие гроши. Народные учителя голодают и мерзнут в нетопленных и почти нежилых избах. Народные учителя живут вместе со скотом, который крестьяне зимой берут в избу. Народных учителей травит любой урядник, любой деревенский черносотенец или добровольный охранник и сыщик, не говоря уже о придирках и преследованиях со стороны начальства» [2].

Стремясь как-то улучшить положение учителя, Неверов пытался организовать кассу взаимопомощи.

---

[1] Брат писателя, П. С. Скобелев, писал мне, что им найдена в архиве Александра Сергеевича большая тетрадь, вся заполненная материалами для хрестоматии.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 129.

Трудно жилось в Камышовке и оттого, что недоставало общения с культурной средой. «Деревеньки были маленькие, глухие, — вспоминает жена Неверова. — По зимам избенки заваливало снегом наравне с крышами. Скука была смертельная. Единственное развлечение было — это пойти в соседнее село или деревню к своим же товарищам-учителям» [1].

Крестьяне, жалеючи, говорили Неверову: «Эх, и голова у тебя, Александр Сергеич! Только пропадешь ты, если останешься с нами» [2].

В Камышовке Неверов написал рассказы «Музыка», «Под песнь вьюги», «Серые дни» и др. В них красочно, в метких подробностях выступала жизнь деревни. Материалом служили непосредственные наблюдения, факты действительности и раздумья. Так, смерть камышовского бедняка-крестьянина Силантьева, отправившегося по миру в село Озерки и на обратном пути замерзшего, послужила содержанием рассказа «Под песнь вьюги». Когда Неверов увидел его труп (Силантьев выведен под именем Арефы) с комом земли в руках, то сказал: «Эх, бедный! Век мечтал о земле да так и умер с комышком кормилицы...» [3]

Рассказ был напечатан в «Вестнике трезвости», отку-

---

[1] П. Скобелева-Неверова. Мои воспоминания. — «Народный учитель», 1929, № 3, стр. 16.

[2] Там же, стр. 18.

Но Неверов не пропал. Он много читал, работал над собой, целыми ночами писал, вел работу среди населения, общался с соседями-учителями. В 1909 году произошло знакомство с учительницей деревни Андреевки П. А. Зеленцовой, ставшей в 1912 году женой писателя.

В работе с крестьянами, которым Неверов читал свои рассказы и политические брошюры, приходилось быть очень осторожным, соблюдать строгую конспирацию: реакция усиливалась, и полицейское око не дремало. Неверов был не новичок в подпольной пропаганде и действовал осмотрительно. Вот почему нужно с недоверием отнестись к воспоминаниям И. Варламова («Ульяновская правда», 1963, 8 сент.), где говорится, что Неверов заставлял ученика прятать политическую литературу, вел с ребятами беседы против царя и бога. Ознакомившись с этими воспоминаниями, П. А. Неверова писала мне: «Прочитала я статью и вполне с Вами согласна. Александр Сергеевич не мог так легкомысленно относиться к серьезному делу. Мальчишку послал бросить нелегальные книжки в крапиву, и тут же приехали с обыском. Мне было неприятно читать...» (Из архива автора.)

[3] А. С. Неверов в Камышовке. — «Волжская коммуна», № 294, 1939.

да автор получил письмо редактора: «Многоуважаемый Александр Сергеевич! Рукопись Вашу получил и сейчас прочитал. Мне она очень понравилась. Пойдет в июньской книжке журнала...

Не могу не восторгаться от тех задатков литературного творчества, которыми Вы, несомненно, обладаете. Коли Вы будете больше упражняться в своих занятиях литературным трудом, из Вас выработается настоящий большой писатель <...> Ваш Галкин».

Галкин был первым, кто заметил в столице талант Неверова и предсказал ему большую известность.

Несомненным признанием таланта явилось и появление прозы Неверова в передовых «толстых» журналах «Современный мир» и «Русское богатство». «Радость, конечно, трудно было измерить», — вспоминал писатель в статье о Короленко «Чуткое сердце». Неверов даже собирался бросить учительство, уехать в Петербург и целиком отдаться литературной работе. От этого шага предостерег его Короленко, прислав письмо, в котором говорил: «Всякую Вашу работу мы встретим с интересом, но не советую Вам пока бросать учительство и ехать в столицу в надежде на литературную работу» [1].

В произведениях, созданных в Камышовке, отчетливо проявились многие стороны яркого самобытного таланта писателя: кровная заинтересованность в вопросах современности, полное и всестороннее знакомство с деревенским бытом, умение наблюдать и многоцветно передавать впечатления, точность и картинность изображения, сочный язык. В камышовский период прозвучали многие мотивы его позднейшего творчества.

Взять хотя бы один из них — жажду жизни. Он впервые надрывно прозвенел в рассказе «Серые дни» (1910). В глухой деревушке живет молодая учительница Катрик. Ее нежная, раненая душа томится в раздумье о своей жизни, о жизни других, тоскует и рвется. Вот Катрик стоит у окна и плачет молча, без слез, с сухими глазами. «А в городе теперь весело... Там — вечный праздник. И жизнь там — огромная лампа, где сгорают быстро, не чувствуя мук. А гореть надо все равно...» Ни Катрик, ни сам автор не представляют еще себе, что значит гореть

---

[1] Письма взяты из неопубликованных воспоминаний П. А. Неверовой. (Архив автора.)

в жизни, во имя чего. Но они знают, что жить так, как тянутся эти серые дни обывательщины, нельзя. И Катрик исступленно кричит: «Я хочу жить! Слышите: хо-чу-у!»

Пройдет несколько лет. Над страной красным полымем будет полыхать Октябрь, и Неверов устами безымянного красноармейца в рассказе «Я хочу жить» (1920) скажет, как и во имя чего нужно жить: «Я хочу жить, а для этого я должен отстрелять солнечные весенние дни для себя, для Сережи с Нюськой и для тех, кто не видит старыми, заплаканными глазами. Мне придется или совсем лечь на талых просыхающих полях, или вернуться домой победителем. Другого пути нет. Любовь моя к жизни ведет меня в бой. Это мой путь».

И молодые учителя в рассказе «Шкрабы» (1923) знают, что значит жить. И хотят жить, чтобы «выучить кое-что из Маркса, познакомиться с материализмом и работать вместе с коммунистами на общую пользу».

Проникшись горем крестьянина, угнетаемого кулаком и помещиком, стиснутого безысходной нуждой, бесправием и темнотой, Неверов с первых же своих творческих шагов с явной симпатией выводит волевых людей, мстящих за свое унижение. Это сторож Парфен, поджигающий барский дом («Музыка», 1909), крестьянка Домна, с помощью «красного петуха» дающая отпор кулаку-кабатчику («Баба-Иван», 1910).

В эти годы развертывается и публицистическая деятельность Неверова. В газете «Симбирские вести» появляются статьи Неверова в защиту крестьянской бедноты от произвола царской администрации, кулаков и купцов. Писал он под псевдонимом «Червяков», «Бой» и «Червячков».

Осенью 1910 года А. С. Неверов получил назначение в церковно-приходскую школу деревни Колодная (ныне Красноярского района Куйбышевской области).

5. Мелекесс

В Мелекесс Александр Сергеевич Неверов впервые попал в 1902 году пятнадцатилетним мальчуганом. Дед устроил его по «торговой части» в мануфактурный магазин купца Березина. В свободное от работы время,

украдкой от хозяев, Саша продолжал читать попадавшиеся под руку книги, писал стихи, которые потом читал единственной своей слушательнице кухарке Анисье.

Весной 1903 года Неверов узнал от хозяев, что в городе на Большой улице живет настоящий сочинитель: печатает свои стихи в столичном журнале. То был крестьянский поэт С. В. Денисов. К нему и пришел Саша со своими стихами. Денисов посоветовал внимательно читать Кольцова, Никитина, Некрасова, изучать родной язык. Неверов засел за учебники, но дело без наставников подвигалось туго.

Случай свел Сашу со стариком-живописцем, который принял горячее участие в судьбе юноши. «Был он души чуткой, доброй, и я ему обязан дальнейшей судьбой моей», — писал впоследствии Неверов в автобиографии [1]. Живописец направил его в Озерскую второклассную учительскую школу, куда Саша приехал в конце лета 1903 года, прожив в Мелекессе свыше года.

Уже будучи учителем, Неверов изредка заглядывал в Мелекесс к Денисову. Последний раз Неверов посетил Мелекесс летом 1923 года. «Похожу по селам, понаблюдаю, погляжу на мужиков», — писал он брату. «Надо посмотреть, — говорил он жене, — как живет советская деревня, как работают женотделы на местах и какие настроения у молодежи» [2].

Вместе с инструктором женотдела Екатериной Васильевной Семеновой, корреспонденткой журнала «Крестьянка», писатель отправился по родному Заволжью [3].

---

[1] Писатели-современники. М., ГИЗ, 1928, стр. 143—144.

[2] Из неопубликованных воспоминаний П. А. Неверовой.

[3] Семенова вспоминает, что Неверов присутствовал на всех крестьянских собраниях, которые она проводила, целыми днями был на людях: встречался со стариками, молодежью, с сельской интеллигенцией. «Очень внимательно выслушивал своих собеседников, — подчеркивает Семенова, — умел вызвать на откровенный разговор» (Е. Семенова. Памятная встреча. — «Волжская коммуна» № 299, 1958).

В одном селе писатель читал двум местным учительницам и Семеновой свои тронувшие до слез рассказы о страданиях голодающих крестьян в Поволжье. Учительницы в свою очередь рассказали Неверову, что они пережили во время голода и как налаживается школьное дело.

Дорогой Семенова познакомила своего спутника с собственной биографией. Писатель слушал молча, а потом повернулся к Екатерине Васильевне и сказал: «Знаете? Напишу я рассказ, а героиню

Поездка по уезду продолжалась месяц и закончилась Мелекессом. В городе писатель имел длительную беседу с председателем Мелекесского уисполкома тов. Моделло, побывал в детском саду, где заведующей оказалась подруга его детства и юности.

Тепло встретила Неверова городская интеллигенция. На вечере встречи Александр Сергеевич читал только что вышедшую из печати повесть «Андрон Непутевый». Приняли восторженно.

Кроме рассказа «Шкрабы», на собранном материале написаны очерки «Дела культурные», которые, к сожалению, до сих пор не напечатаны.

По мнению Н. И. Страхова, автора книги «Александр Неверов» (Куйбышев, Кн. изд., 1961), поволжские впечатления писатель использовал в заключительных главах известного романа «Гуси-лебеди».

В память пребывания А. С. Неверова в Мелекессе одна из улиц города названа именем писателя.

назову вашим именем». Так появился рассказ «Шкрабы», о котором за несколько дней до своей смерти автор писал Е. В. Семеновой: «Написал рассказ «Шкрабы» (т. е. школьные работники), где учительница Екатерина Васильевна». (Там же.)

Конечно, «Шкрабы» не просто пересказ услышанного. Но, как писала впоследствии Семенова, в рассказе действительно изображен кусочек ее жизни.

ИСЧЕЗНУВШИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА

Образование Куйбышевского водохранилища отразилось и на положении литературных мест. Одни, как село Тургенево (Чердаклинского района), совсем исчезли даже на карте (жители Тургенева влились в село Андреевку), другие — Архангельское, Никольское-на-Черемшане (того же района), — сохранив свои названия, переместились на новые территории. Все они оставили памятный след в истории культуры нашего края, и знать о них необходимо.

1. Архангельское

Село Архангельское (Репьевка) — один из центров дворянской усадебной культуры. В конце XVIII века село принадлежало известному богачу-театралу Н. А. Дурасову, который имел роскошный дворец со своим театром. Здесь выступала его известная в Поволжье крепостная труппа. На представления, сопровождаемые хором и оркестром, собиралось все окрестное дворянство.

Культурным дворянским центром Архангельское продолжало оставаться и в первой половине XIX столетия. В селе находился пансион для дворянских детей, который содержал священник Троицкий, окончивший Казанскую духовную академию. Троицкому помогала жена,

хорошо знавшая немецкий и французский языки. Сюда отдали учиться и юного Гончарова.

В пансионе Гончаров пробыл два года (1820—1822), получил неплохое первоначальное образование и «положил основание изучению французского и немецкого языка». В автобиографии Гончаров называет Троицкого умным и ученым человеком.

В пансионе будущий писатель много читал. Он познакомился с Державиным, Фонвизиным, Ломоносовым, Карамзиным и другими писателями, с увлечением поглощал книги о путешествиях, прочитал таких французских писателей, как Расин, Корнель, Вольтер, Руссо. С жадностью набрасывался на сказки. Такое «повальное чтение», по словам Гончарова, много ему дало.

Пансион стоял на центральной площади, окруженный старыми парками и помещичьими усадьбами. С одной стороны видны были синеющие симбирские горы, с другой — разливы Волги, любимой реки писателя. В своих воспоминаниях «На родине» Гончаров писал: «Меня нередко манили куда-то вдаль широкие разливы Волги, со множеством плавающих, как лебеди, белых парусов. Я целые часы мечтательно, еще ребенком, вглядывался в эту широкую пелену вод» [1].

Детские впечатления нашли некоторые отражения во «Фрегате Паллада», а архангельский пансион послужил прообразом «маленького пансиона», заведенного отцом Штольца в селе Верхлеве («Обломов»).

В пору пребывания Гончарова в пансионе произошли волнения архангельских крепостных, доведенных до отчаяния бесчеловечным обращением помещицы Наумовой. Гончаров был свидетелем наказания крестьян. Запечатлелась и барская обстановка—это было частично использовано в описании Обломовки. По мнению М. Ф. Суперанского, одного из исследователей жизни Гончарова, критическое отношение к обломовщине зародилось у писателя в пансионе Троицкого.

От Дурасова Архангельское перешло к князю Хованскому, женатому на сестре декабриста Ивашева. В 30—50-е годы прошлого столетия здесь бывали братья Языковы, часто гостил граф Соллогуб, который написал

---

[1] И. Гончаров. На родине. Изд. «Ульяновск. правда», 1956, стр. 18.

очерк «Поездка в Архангельское». Появлялся П. В. Анненков, литератор и нумизмат князь М. Г. Баратаев. В Архангельском воспитывались привезенные из Сибири после смерти родителей дети декабриста Ивашева.

2. Никольское-на-Черемшане

На даровом труде многих тысяч крепостных крестьян вырос еще один центр дворянской культуры— село Никольское-на-Черемшане. Возникшее в 50-х годах XVII столетия, оно в середине XVIII века перешло в руки известного поволжского миллионера И. Б. Твердышева. Симбирский старожил, человек широкого размаха, Твердышев прославился открытием медных и железных руд в Оренбургской губернии. В Никольском он построил огромную усадьбу с каменными флигелями, манежем, с садом-парком и прекрасными оранжереями.

Однако центром усадебной культуры Никольское сделалось, когда стало собственностью богатого симбирского помещика Н. А. Дурасова (умер в 1818 году). Товарищ и приятель поэта И. И. Дмитриева, Дурасов принадлежал к числу тех дворян, у которых высокая культура соединялась с крепостными прихотями и затеями, выражавшими, по замечанию Н. А. Добролюбова, «полное неуважение обычаев, взглядов и нужд крестьян».

Большой хлебосол, Дурасов созывал на свои никольские пиршества чуть ли не всю губернию. Считалось невозможным проехать Никольское, не заехав к его хозяину, — иначе камердинер Дурасова догонял с приглашением вернуться. Так именно попал в Никольское летом 1798 года вместе со своей семьей С. Т. Аксаков. Подробное описание этого пребывания в Никольском он оставил в книге «Детские годы Багрова внука».

Аксаков подробно передал обстановку никольского дворца, быт и жизнь его хозяина, отношение к нему крепостных крестьян. Интересно, что Никольское преподало Аксакову один из первых уроков в области классовых взаимоотношений. Послушав речи дурасовских мужиков, писатель «вывел заключение и сделал новое открытие: крестьянин насмехался над барином, а я привык думать, что крестьяне смотрят на своих господ с благо-

говением и все их поступки и слова считаются разумными» [1].

В начале 20-х годов Никольское было куплено матерью писателя В. А. Соллогуба. Семья новой владелицы приезжала в Никольское по летам, а всеми делами богатого имения (18 тысяч десятин) заправлял В. И. Григорович, отец знаменитого писателя-реалиста Д. В. Григоровича.

Дмитрий Васильевич Григорович (1822—1900) родился в Симбирске, но детство провел в Никольском. В своих интересных «Литературных воспоминаниях» он описывает жизнь местных помещиков, дает образ крепостника-изувера Короткова и его дворового палача Грызлова.

«Когда он (Коротков. — К. С.) выезжал на улицу деревни, — пишет Григорович, — в сопровождении крепостного Грызлова, своего экзекутора, или, вернее, домашнего палача, ребятишки стремглав ныряли в подворотни, бабы падали ничком, у мужиков мороз пробегал по телу... Грызлов, — говорил Коротков. — Нужны деньги... Проезжая по деревням, я видел много там этой мелкоты, шушеры накопилось, распорядись!

Это значило, что Грызлову поручалось объехать деревни Короткова, забрать по усмотрению лишних детей и девок, продать их, а деньги доставить помещику» [2].

«Рассказы эти и все, что приходилось тогда слышать о жизни помещиков, — вспоминал писатель, — производили на меня сильное впечатление» [3].

В картинах детства и надо искать первый источник появления замечательных повестей «Деревня» (1846) и «Антон Горемыка» (1847), сразу сделавших Григоровича известным. Обе повести звучали гневным протестом против крепостного права. Одним из первых Григорович взглянул на мужика, как на человека. Его повести выдвигали на первое место крестьянский вопрос, приобретавший все большую политическую актуальность.

Художественным отзвуком пребывания Григоровича на Волге являются его строчки в начале заключительной главы романа «Рыбаки»: «Я был на Волге в первые

---

[1] С. Т. Аксаков. Избр. соч., М.—Л., 1949, стр. 225.

[2] Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. Л., Изд. «Academia», 1928, стр. 8.

[3] Там же, стр. 216.

годы моего детства. В моей памяти успели изгладиться живописные холмы, леса и села, которые на протяжении многих и многих сотен верст смотрятся в светлые благодатные волжские волны».

Надолго связал себя с Никольским В. А. Соллогуб (1813—1882). Свое пребывание в волжских местах, которые он неплохо знал, писатель расценивал как важный «эпизод, много повлиявший» на его жизнь. Навсегда запомнились Волга, природа, люди, песни. «На Волге, — писал Соллогуб, — мне стали понятны и грусть, и удаль русского чувства. Я угадал кровную связь и с почвою и с населением» [1].

Это признание в устах графа, аристократа до мозга костей, каким являлся Соллогуб, довольно интересно. Путешествиям и жизни в Заволжье писатель в известной степени обязан появлению в его творчестве демократической тематики, от которой он стал отходить в позднейшие годы своей жизни.

В 1848 году Соллогуб все лето прожил в Никольском. Здесь он работал над «Степными письмами» и исторической пьесой «Местники». Последний раз писатель приезжал в Никольское летом 1881 года.

3. Тургенево

Село Тургенево — родовое поместье замечательной семьи Тургеневых, занявшей почетное место в истории русской литературы.

Здесь жил в ссылке в 80—90-х годах XVIII столетия глава семьи Иван Петрович Тургенев (1752—1807), сочинитель и переводчик, сподвижник знаменитого своего друга Н. И. Новикова. Здесь Тургенев занимался воспитанием своих сыновей, энергично насаждал масонство, написал несколько сочинений.

В «милом» Тургеневе прошла значительная часть юных лет Андрея Ивановича Тургенева (1781—1803), поэта-романтика, первые стихи которого были навеяны окружающей сельской обстановкой.

---

[1] В. А. Соллогуб. Воспоминания. М.—Л., «Academia», 1931, стр. 224.

Особенно любил Тургенево и Волгу Александр Иванович Тургенев (1785—1845)[1].

Глубоко был привязан к селу и Николай Иванович Тургенев (1789—1871), известный декабрист. Только в основе этой привязанности лежали уже другие начала, другие побуждения и мысли рождала она в его душе. Дворянский революционер ужаснулся в Тургеневе тому, что почти не замечали его братья и что оказалось решающим моментом в формировании политического облика декабриста. «Принадлежа по своему рождению к классу рабовладельцев, я знал с детства тяжелое положение миллионов людей, которые стонут в России в узах рабства, — писал он. — Зрелище столь вопиющей несправедливости живо поразило мое юное воображение и оставило в душе неизгладимое впечатление»[2].

За участие в заговоре декабристов Н. И. Тургенева приговорили к смертной казни (заочно). Он поселился в Париже. Побывать в Тургеневе он сумел лишь в 1857 году.

«В начале 1900 года в здешней жизни появился новый фактор — человек с экономическим размахом, с широким, незаурядным миросозерцанием, человек увлекательный, видный беллетрист Гарин-Михайловский». Так записано в церковной летописи села Тургенева, куда писатель-демократ Николай Георгиевич Гарин-Михайловский (1852—1906), не освободившись еще от народнических иллюзий, приехал продолжать свои сельскохозяйственные и социально-культурные опыты, имевшие целью улучшить благосостояние трудового крестьянства. Для этого писатель снял у местного помещика на два года землю. Человек огромной энергии, размаха, инициативы, Гарин закупил новые сельскохо-

---

[1] В годы учения за границей он то и дело вспоминает родные места, Волгу. (См.: «Архив братьев Тургеневых», вып. 2. СПб., 1911.) Когда обстоятельства потребовали продажи Тургенева, он долго на это не мог решиться, а продав имение двоюродному брату, горько заплакал и взял с него слово не обижать крестьян. Тоска по родному селу не оставляла Тургенева до смерти.

[2] «Вестник Европы», 1909, № 1, стр. 167.

В Тургеневе Николай Иванович уничтожил барщину, передал крестьянам землю, водоемы, мельницы, выдал деньги для открытия кассы взаимопомощи бедствующим крестьянам, отпустил на волю всех дворовых, открыл медицинский пункт, разрешил желающим жениться на вольных, освободив последних от всяких господских работ.

зяйственные машины, пригнал из Сибири целые косяки лошадей, стал сеять не виданные в этих местах мак, подсолнечник, чечевицу, люцерну, строил планы лесонасаждения, орошения, на 70 процентов повысил заработную плату крестьянам-рабочим.

Много труда и средств положил Гарин на благоустройство села, на просвещение. Организовал пожарное депо и приобрел весь инвентарь, капитально отремонтировал полуразвалившуюся школу, вместе с учителем Сергиевским выявил всех бедных учеников и помог им учиться. Маломощным крестьянским семьям оказывал поддержку лесом, скотом, семенами.

Деятельность Гарина пришлась местным хозяевам сельской жизни не по нутру. Вот что записал здешний священник в церковной летописи: «Несмотря на довольно симпатичную личность, влияние его (Гарина. — К. С.) на местную жизнь во всех отношениях отрицательное... Страшно повышенная заработная плата на 70 процентов... экономически развратила жителей. Появилась характерная черта у местного населения — больше взять и меньше дать. Уменьшилось и предложение рук. Стали появляться городские замашки в обстановке».

Недовольны были Гариным окрестные помещики, кулаки, духовенство, начальство, полиция, которая по предписанию свыше следила за каждым шагом писателя. Гарина объявили «богохульником», «соблазнителем к беспечности», «развратителем жителей». Подкупленные люди портили у Гарина машины, морили скот и, наконец, сожгли мельницу, амбары, инвентарь. Через полтора года после приезда Гарина та же церковная летопись с удовлетворением отмечала: «Осенью этого года (1901. — К. С.) началась печальная эпопея гаринского сельского хозяйства».

С Гариным в Тургеневе произошло то же, что и в 90-х годах в деревне Гундоровке Самарской губернии и что ярко описано им в интересных очерках «Несколько лет в деревне» — книге, по оригинальности и самобытности, по откровенности единственной в нашей литературе [1].

---

[1] Гарин-Михайловский не жил безвыездно в Тургеневе. Он часто бывал в селе Ахматов Белый Ключ (ныне Вашкаймского района), где по доверенности владелицы Садовской управлял ее имением, наезжал в Симбирск. Симбирский полицмейстер 29 июля 1901 года сообщал начальнику симбирского жандармского управления, что

Уезжая совсем из Тургенева, писатель понял, что спасти крестьянство можно только организованной борьбой и свержением помещичье-буржуазного строя.

«...состоящий под негласным надзором полиции инженер путей сообщения Николай Георгиевич Михайловский приезжал в Симбирск 8-го сего июля и останавливался в Троицких номерах, а 10 того же июля выбыл в арендуемое им имение при с. Тургеневе, Ставропольского уезда». (В. Григорченко. Новое о Гарине-Михайловском. — «Ульяновская правда» № 144, 1962.)

ДРУГИЕ МЕСТА, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНТЕРЕС

Акшуат (Барышского района). Село, бывшее имение В. Н. Поливанова, предводителя дворянства и председателя Симбирской губернской ученой архивной комиссии, автора многих ценных краеведческих работ. В огромном парке имения Поливанов в 1890 году открыл музей, для которого выстроил специальное здание в классическом стиле. Музей включал более десятка отделов и был известен далеко за пределами губернии. В его художественном отделе находились бюсты Петра I, Языкова, Пушкина, Крылова, гипсовые посмертные маски Пушкина и Белинского, портреты Ивана Грозного и др., картины Клевера, Писемского, Левитана, Крачковского. В отделе рукописей хранилось 16 писем Гоголя, несколько сот ненапечатанных писем П. М. Языкова, рукописи неизданных рассказов Соллогуба, письма, записки, рисунки, альбомы, автографы Пушкина, Лермонтова, Карамзина, Жуковского, Вольтера и др.

В бурные дни 1917 года многие экспонаты погибли, попали в случайные руки. Некоторые затем нашлись. Так, в 1939 году неожиданно обнаружились лермонтовские рисунки и портреты. Их прислал в Москву из Батуми некто И. П. Овсяный, купивший все это в 1925 году в Ульяновске у Н. П. Пыляева, который в свою оче-

редь приобрел ценности в 1920 году в обмен на муку /и хлеб у бывшего служащего имения Акшуат.

Лермонтовские вещи попали в Акшуат не случайно. Отец В. Н. Поливанова Н. И. Поливанов (1814—1872) был близким к Лермонтову человеком, однокашником его по Московскому университету и юнкерской школе. Известно письмо Лермонтова Поливанову, которого поэт под именем «Лафа» воспел в юнкерских поэмах «Гошпиталь» и «Уланша». Ему же, сидя у него в комнате в ожидании одной неприятности, он написал стихотворение:

Послушай! вспомни обо мне,
Когда законом осужденный,
В чужой я буду стороне —
Изгнанник мрачный и презренный...

Н. И. Поливанов интересовался художественной литературой и искусством. В Акшуатском музее имелся специальный «Лермонтовский уголок», где хранились автографы поэта, его рисунки, рисунки знакомых, портреты, альбомы.

В 30—50-х годах прошлого столетия Акшуат был местом встреч писателей Д. В. Давыдова, В. А. Соллогуба, Д. П. Ознобишина, Н. М. Языкова и его братьев, А. В. Бестужева и др.

Аникеевка (деревня Майнского района). Родина талантливого прогрессивного писателя В. Н. Назарьева (1830—1902).

Беклемишево. С этим селом Вешкаймского района связан небезызвестный в эпоху Пушкина поэт и остряк, автор нашумевшей книги «Сенсация и замечания г-жи Курдюковой за границей» Иван Петрович Мятлев (1796—1844).

И. П. Мятлев был близок к Пушкину. Великий поэт в шутку звал его «Ишкой», любил его острый бойкий стих, часто бывал у него и даже сочинял вместе с ним шуточные песни, вроде известного «Поминания» («Надо помянуть»). Дань внимания Мятлеву отдал и Лермонтов, признававшийся в своей любви к его стихам.

Беклемишево вместе с деревней Бутырки и большим селом Порецкое принадлежали отцу поэта, человеку сказочных богатств, которые, как диковинка, описывались в специальной книге. Трудно сказать, чем привлекало к себе Беклемишево (биографические сведения о Мятлевых чрезвычайно скудны, их архив еще весь не разо-

бран), но в начале XIX века семья Мятлевых частенько живала здесь по летам, приезжая со всеми чадами и домочадцами. В 1808 году отец поэта открыл в Беклемишеве школу для крепостных крестьян — едва ли не первую сельскую начальную школу в нашей области.

Пребывание будущего поэта в деревне было тем окном в народ, в котором так нуждался Мятлев, отданный на воспитание веренице иностранных гувернеров. Сельская природа, общение с крестьянскими мальчиками, поездки к соседям, их рассказы и собственные наблюдения — все это было ново, по-своему интересно и явилось той почвой, из которой впоследствии проросли элементы народности в поэзии Мятлева: «Новый год», «Разговор барина с Афонькой» и др. Некоторые стихотворения Мятлева — «Настоечка тройная» и особенно «Фонарики-сударики» с известным припевом:

Фонарики-сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят, —

на долгие десятилетия сделались любимыми песнями городской и сельской мастеровщины.

Карамзинка (Майнского района). См. о ней на стр. 12—14.

Никольское (Кузоватовского района). В 50—60-е годы прошлого столетия принадлежало библиографу, историку литературы, поэту, первому русскому «микрологисту» М. П. Логинову (1823—1875). Блестящий и остроумный, Логинов в молодости дружил с Некрасовым, Панаевым, под псевдонимом Скорбный поэт печатал в «Современнике» стихи. Позднее стал консерватором. Известны его труды по истории масонства.

Паньшино (село Радищевского района). Родина русского советского писателя Кузьмы Яковлевича Горбунова (род. в 1903 году), выходца из крестьянской семьи. Закончил школу II ступени. Печатался в газетах Ульяновска и Сызрани. В 1925 году появилась его первая книга — сборник рассказов из крестьянской жизни «Шефовы сапоги». За ней последовали другие сочинения писателя.

Лучшее произведение Горбунова — роман «Ледолом» (1929), который высоко оценен Горьким. «Ледолом» повествует о начале социалистического преобразования

деревни. Жизнь села нашла отражение также в повестях «Чайная», «Уют» (1930) и «Семья (1936).

Полбино (Ртищево-Каменка). В этом селе (Майнского района) провел свое детство поэт А. А. Коринфский. В 80-е и последующие годы он занимался в Каменке сбором фольклора, который вошел в его книгу «В мире сказаний» и послужил материалом для некоторых стихотворений.

Радищево, бывшая Дворянская Терешка. Родовое поместье отца великого русского писателя-революционера Александра Николаевича Радищева (1749—1802). Здесь А. Н. Радищев жил в 1798 году по возвращении из Сибири.

Дворянская Терешка привлекла писателя возможностью собрать побольше материала для нового своего произведения и провести агрономические исследования, которыми он серьезно увлекался, занимаясь крестьянским вопросом. «Описание моего владения» — так называлось это сочинение, оставшееся незаконченным. В нем Радищев думал рассмотреть крестьянское хозяйство, выяснить причины его неблагополучия и предложить способы его улучшения.

Несомненный интерес представляют агрономические исследования Радищева — описание почвенных разрезов и химических анализов. Изучение почв приводит писателя к выводу о необходимости удобрения их навозом, о замене сохи плугом, о развитии огородного земледелия. Радищев стремился ввести в хозяйства крестьян села возделывание картофеля, только что внедрявшегося в земледельческую практику.

Писатель жил в усадьбе, находившейся на правой стороне реки Терешки и окруженной большим садом, от которого остались старые тополя и ветлы.

В октябре 1918 года общее собрание граждан села постановило переименовать село Дворянскую Терешку в село Радищево, ставшее сейчас районным центром.

Репьевка (Новоспасского района). В 30-е годы XIX столетия село было одним из культурных центров Симбирской губернии. Принадлежало богатым помещикам Бестужевым, которые приходились близкими родственниками декабристам Бестужевым, в том числе и известному писателю Марлинскому. В 30-е годы Репьевкой владел А. В. Бестужев (умер в 1864 г.), весьма обра-

зованный, передовой человек, увлекавшийся поэзией: его стихи появлялись в «Современнике» и других журналах.

Культурной славе Репьевки много содействовала жена Бестужева, родная сестра поэта Языкова, женщина с большими умственными запросами. Она организовала широкую запись фольклора. Именно ей Языков советовал «не ослабевать... в деятельности на... поприще всенародной литературы». О Репьевке поэт писал, что «там рапсодов много и сановитая древность процветает».

В Репьевке у Бестужевых собирались Д. В. Давыдов, Языковы, П. В. Ознобишин, Валуев; в 50-е годы бывал П. В. Анненков.

Репьевка упоминается в романе К. Федина «Необыкновенное лето». «Сцена жестокой расправы кулаков с советскими людьми в Репьевке не что иное, как один из эпизодов кулацкого мятежа «чапанов» под Сызранью... Само название села — Репьевка, не существующее в Хвалынском уезде, где происходит действие в моем романе, подсказано мне памятью о сызранской Репьевке, куда наезжал некогда гостить Денис Давыдов из своей Верхней Мазы», — пишет Федин («Сызранские встречи». — «Волжская коммуна» № 47, 1952).

Самайкино (Новоспасского района). Здесь в разное время жил русский поэт, переводчик, журналист, автор известной сатиры «Дом сумасшедших» (1814) А. Ф. Воейков (1779—1839).

Сенгилей (бывший уездный город, ныне районный центр). К нему имеет отношение писатель Евгений Николаевич Чириков (1864—1932).

Сын симбирского безземельного дворянина, Чириков был исключен из Казанского университета, сидел в тюрьме, скитался, находился под надзором полиции. Перепробовав немало профессий, стал журналистом, писателем. В лучших своих произведениях Чириков обличал пошлость уездных обывателей, обанкротившихся народников («Инвалиды», «Чужестранцы»). В период реакции отошел от актуальных общественных тем, превратившись в типичного буржуазного либерала. После Октября писатель эмигрировал.

В Сенгилее Чириков жил в начале 90-х годов прошлого столетия. В это время отец писателя бросил свою семью. Мать Чирикова вынуждена была поступить тапер-

шей в клуб Сенгилея, «а я начал бегать по урокам», — писал о себе Чириков. Сенгилеевские наблюдения нашли место в некоторых рассказах, в частности в рассказе «В лощине меж гор». В основу произведения положен факт из местной жизни: врач не смог выехать к больному, так как лошади были заняты перевозкой свиней к земскому начальнику. Написанный с гоголевским юмором, рассказ получил одобрение Л. Н. Толстого. «С большим удовольствием прочел его рассказ «В лощине меж гор», — говорил Л. Толстой (В. А. Поссе. Мой жизненный путь. М. — Л., ЗИФ, 1929, стр. 184).

В публицистическом очерке «Провинциальные картинки» («Жизнь», 1900, т. 10) Чириков, вспоминая рассказ «В лощине меж гор», рисует самоуправство сенгилеевских заправил, преследование ими врачей, не угодивших жене председателя земской управы.

«Сын провинции», Чириков хорошо знал нравы провинциальной жизни. Но, показывая ее в своих талантливо написанных «Провинциальных картинках» и рассказах, он не видел за частным общее, ему не хватало силы обобщения, остроты обличения.

Софьино (Радищевского района). Отсюда вышел талантливый поэт Николай Андреевич Панов (1861—1906), автор известных народных песен «Наша улица травою заросла», «Снежки белые пушисты», «Травушка-муравушка», «Лучинушка». Сын крепостного крестьянина, он всю жизнь вел непрерывную борьбу за кусок хлеба и умер в Петербурге в больнице для чернорабочих. Главные темы лирики Панова (сборники «Песни и думы», «Вперед», «Гусли звончаты» и др.) — природа, труд, тяжелая жизнь народа.

Троицкое (село Инзенского района). Здесь прошли детские годы поэта Д. П. Ознобишина (1804—1877). В зрелые годы он собирал тут местный фольклор. В 60-е годы, работая по выборам, занимался благоустройством своих крестьян.

Ундоры (Ульяновского района). В прошлом (конец XVIII и первая половина XIX веков) — один из центров дворянской усадебной культуры. Родина видного члена Южного общества декабристов Василия Петровича Ивашева (1797—1841). Ундоры — место встреч писателей Д. В. Давыдова, Н. М. Языкова, Д. П. Ознобишина, братьев Киреевских, П. В. Анненкова, В. А. Соллогуба.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ

о писателях, не упомянутых в основном тексте.

Азарх Р. М. (р. 1897). Автор книг «Октябрь в Москве», «Сыны народа», «Отважные», «Борьба продолжается», «Дорога чести». В конце 20-х годов Азарх некоторое время работала в Ульяновске редактором газеты «Пролетарский путь».

Белов М. Н. (р. 1875). Сын крестьянина с. Васильевки Цильнинского района. Много скитался. Печататься начал с 1905 года. В 1908 году вышел сборник его стихотворений.

Бунаков П. П. (1888—?). Поэт. Писать стал с 1906 года. Сотрудничал в дореволюционных журналах и газетах: «Будильник», «Заноза», «Вестник Европы» и др. С 1917 года работал в революционных изданиях. Одно время в газете «Беднота». Много писал в местные газеты и журналы.

Глинка-Волжский А. С. (1878—1940). Литературовед, критик. Родился в Симбирске в дворянской семье. Учился в Московском университете. В 1901 году за участие в уличных студенческих беспорядках и по обвинению в издании нелегального журнала «Студенческая жизнь» подвергался аресту и сидел в одиночной камере. Потом был выслан в Симбирск, где занялся литературной работой. Здесь написал свою первую книгу «Два очерка об Успенском и Достоевском». Среди советских литературоведов Глинка-Волжский считался одним из серьезных знатоков А. Чехова и Гл. Успенского.

Гранин Д. А. (р. 1918). Известный прозаик. Автор повести «Домбровский», романов «Искатели», «После

свадьбы», «Иду на грозу». В начале Великой Отечественной войны учился в Ульяновском танковом училище.

Гриневич А. М. (1895—1921). Поэт. В 1915 году в Симбирске вышел сборник его стихов под названием «Стихотворения». Помещал статьи в журнале «Вопросы философии».

Денисов С. В. (1853—1910). Крестьянский поэт, автор сборника «Стихотворения крестьянина Денисова» (1886). Выходец из бедной крестьянской семьи, закончил начальную школу, служил волостным писарем в нашем Заволжье, с 1902 года жил в Мелекессе. В 1886 году в журнале «Чтение для народа» появилась его ода «Волга». В своих простых, незатейливых стихах Денисов описывал родную природу, тяжелую крестьянскую жизнь.

Державин Н. А. (1888—1928). Литературовед, краевед. Окончил Симбирскую духовную семинарию и три курса Петербургского психоневрологического института. Литературная деятельность Державина началась в 1907 году в журнале «Театр и искусство». Активно участвовал в центральной и местной прессе. Писал статьи и очерки о Д. Н. Садовникове, Д. Д. Минаеве, И. А. Гончарове и других писателях, о Симбирском театре. Составил обширный библиографический указатель по всем вопросам местного края. Работал над «Словарем достопамятных людей Симбирской губернии», собрав более 20 тысяч биобиблиографических записей, погибших в 1918 году в Полоцке во время оккупации его немцами.

Ильин Н. Н. (Нилли, 1884—1944). Писал статьи, стихи, очерки. Автор брошюр, издатель первой в провинции газеты с творчеством писателей из народа. В первые годы революции организовал в Симбирске Дом народного творчества. Печатался в «Записках Передвижного театра», «Красной ниве», «Прожекторе», в местных газетах и сборниках.

Каронин-Петропавловский Н. Е. (1853—1892). Писатель-демократ, автор произведений «О парашкинцах», «Мой мир» и др. Весной 1881 года Каронин вместе с семьей жил в Заволжской пригородной слободе Канава. Здесь писатель отдыхал после тюремного заключения в Петербурге перед отправкой в пятилетнюю ссылку в Сибирь. В Канаве он близко сошелся с местными крестьянами, принимал участие в их работах.

Каронин помогал устраивать земледельческую толстовскую колонию в селе Архангельском.

Карцев А. Д. (1900—1967). Советский писатель. Известен его большой роман «Магистраль». Кроме того, перу Карцева принадлежат повести «Отдых», «Слобода», «Народ на трассе», «Зеленые холмы», «Связисты», «Паровоз Черепановых» и пьеса «Дорога победы». Родился писатель в Симбирске в семье почтово-телеграфного служащего, учился в 1-й мужской гимназии, которую окончил в 1918 году уже как школу II ступени. Карцев не раз бывал в Ульяновске. С его помощью в 1947 году начал выходить альманах «Литературный Ульяновск», где в 1948 году был напечатан его очерк «На путях ульяновских». При содействии Карцева была создана Ульяновская писательская организация.

Клеменц Д. А. (1848—1914). Революционер, журналист, ученый, поэт, автор популярных песен «Ах ты, доля, моя доля», «Дубинушка», «Ой, ребята, плохо дело». Ему же принадлежит стихотворение «Братья, вперед!», которое в 70-х годах прошлого века стало гимном радикально настроенной молодежи. В 1873 году, уйдя в народ, исколесил ряд губерний, в том числе и Симбирскую (в этом же году появилась его песня «Ах ты, доля...»).

Мальцев Е. Ю. (р. 1917). Известный советский писатель, лауреат Государственной премии СССР, автор романов «Горячие ключи», «От всего сердца», «Войди в каждый дом». Мальцев родился в Сибири, учился в 3-й средней школе Ульяновска. По признанию писателя, с Ульяновском его «связывает самое дорогое: первая любовь, первое рабочее место... Бывая на промышленных предприятиях города и в окружающих колхозах с корреспондентским билетом ульяновской газеты, я много видел, наблюдал, запоминал... И вот... стал писателем...» Весной 1954 года Мальцев был в нашей области в творческой командировке. Побывал в колхозах, в Мелекессе, встречался с читателями, с молодежью, с писателями Ульяновска.

Маненков В. И. (?—1904). Поэт, журналист. Из крестьян с. Устеренки. Воспитывался у писателя В. Н. Назарьева. Литературная деятельность началась в 80-х годах XIX века. Печатался в «Русском слове» и поволжских газетах.

Маслов Г. (1894—1920). Поэт. Автор поэмы «Аврора». Отдельное издание ее вышло в 1922 году.

Митрейкин К. Н. (1905—1934). Поэт. Родился в Симбирске. Состоял в литературной группе «Стрежень» (Ульяновск), являвшейся филиалом «Перевала». Автор сборников стихов «Бронза» (1928), «Я разбиваю себя» (1931), «Боевая лирика» (1931), «Штурм неба» (1934), поэмы «УКК» (1932), отмеченных влияниями конструктивистов. Умер в Москве.

Никонов В. А. (р. 1904). Поэт, ученый. В 1924 году в Ульяновске вышли два сборника его стихов: «Молодняк» и «Чужие стихи». Составитель «Краткого топонимического словаря» (1966).

Пальм А. И. (1822—1885). Писатель-петрашевец. Автор известного в свое время автобиографического романа «Алексей Слободин» (1872). Родился в Симбирске в семье чиновника. В городе прошло его детство.

Поляков А. С. (1882—1923). Питомец симбирской 1-й гимназии. Пушкинист. Работал над словарем симбирских писателей.

Поморский А. Н. (р. 1891). Известный поэт. Сборники его стихов: «Песни борьбы», «Море», «Советская страна» и др. Еще задолго до Октября его стихотворение «Рабочий дворец» стало песней, распевавшейся на революционных маевках. В 1927—1928 годах Поморский был редактором Ульяновской газеты «Пролетарский путь».

Премиров М. (1878—?). Окончил Симбирскую духовную семинарию. Учился в Юрьевском университете. Сотрудник столичных и провинциальных газет и журналов. Писал очерки, рассказы. Отдельное издание: «Рассказы». СПб, 1909.

Пустынин Н. С. (1862—?). Автор рассказов и повестей.

Пяткин Е. О. (1884—?). Талантливый юморист, писавший преимущественно под псевдонимом Евгений Венский. Его книги: «Вас требует ревизор» (1911), «Мое копыто» (1914), «Буржуй в переплете» (1921), «Волк-злодеич» (1925), «Петька-подпасок» (1927) и др.

Рутько Арс. (р. 1909). Писать начал в 1932 году, когда жил в Ульяновске и работал в газете «Пролетарский путь». После 1937 года десять лет не печатался. А потом — поездки по стране и новые книги: «Бессмерт-

ная земля», «Голубиные годы», «Есть море синее», «Пленительная звезда», «У земной колыбели», «Тебе, мое сердце» и др.

Серафимович А. С. (1863—1949). Первый раз попал в Симбирск в сентябре 1918 года как корреспондент газеты «Правда». О своем пребывании в городе и на Восточном фронте, проходившем в Заволжье, рассказал в очерках «Впечатления», опубликованных в «Правде» в ноябре. Писатель сообщал об изменениях в самом городе, высоко оценил роль симбирских военных комиссаров. В 1921 году Серафимович вторично посетил Симбирск, о чем поведал в очерке «Дети». В конце августа 1942 года писатель с семьей был эвакуирован в Ульяновск (где поселился на Советской ул., д. № 10/2). В это время Серафимовичу шел 79-й год, но он был бодр, ходил всегда пешком, часто бывал в городском комитете партии, встречался с трудящимися города. В Ульяновске Серафимович написал рассказ «Ребенок», который прочитал 29 августа 1942 года при встрече с читателями во Дворце книги имени В. И. Ленина. В конце ноября 1942 года А. С. Серафимович выехал из Ульяновска в Москву.

Смирнов-Симбирский (Ульяновский) В. А. (р. 1897). Поэт, прозаик, драматург. Родился в Сенгилее. В 1922 году вышла его поэма «Атаман». С 1932 года живет в Саратове. Автор повести «Зарево», пьес «Сын Отечества», «Великий демократ», «Ульяновы (Сестры Ильича)».

Старостин М. Н. (?—1896). Родился и вырос в селе Тушна Сенгилеевского района. Автор сборника рассказов «Годы огневые, годы трудовые», «Волжские зори», «Военные рассказы», романа «Сыны отечества».

Старостин-Маненков В. Я. (?—1896). «Известный провинциальный журналист» (Горький). Поэт из народа. Умер в Симбирске.

Тибушкин П. В. (1902—1954). Автор повести «Куда ведут дороги». Родился в бедняцкой семье с. Алешкина Тереньгульского района. С 14 лет пошел «в люди»: батрак, мальчик в магазине, чернорабочий и т. п. В 1918 году — боец-доброволец Чапаевской дивизии. Был ранен. Затем находился на партийно-советской работе.

Тимофеев А. В. (1812—1883). Поэт и прозаик. Молодые годы прошли на Суре в Симбирской губер-

нии. Писать начал с 1833 года. Самое ценное в творчестве Тимофеева — оригинальные песни, в которых есть и простота, и задушевность, и неподдельная народность. В них мы находим и горемычную любовь девушки, и змею-тоску, грызущую сердце добра молодца, и удаль, и горькую жизненную долю, т. е. то, чего так много в старинных народных песнях. Песни имели успех у читателей и композиторов. Наиболее широкое распространение получили следующие: «Ах вы, ветры буйные», «Река шумит, река ревет», «Борода», «Предчувствие», «Оседлаю коня», «Свадьба» («Нас венчали не в церкви»). По свидетельству Д. И. Ульянова, «Свадьбу» — музыка Варламова — очень любил В. И. Ленин.

Удалов А. А. (р. 1914). Уроженец Симбирска. Пишет рассказы, повести, романы. Наиболее известны: «Марина» (1940), «Первый снег» (1956), «Однажды летом» (1957), «Чаша терпения» (1966).

Хомяков А. С. (1804—1860). Славянофил, поэт. Был женат на родной сестре поэта Н. М. Языкова. Во время своих неоднократных приездов в Симбирск Хомяков занимался изучением дворянских архивов, интересовался симбирской стариной.

Черный Ф. (1867—1922). Настоящая фамилия Ф. С. Синицын. Писатель из народа. Родился в селе Аксакове Майнского района. Скитался по России, переменил много профессий. В 1916 году поселился в Симбирске, где и умер. Автор очерков, статей, рассказов. В рассказе «Стихийно» описал революционное движение крестьян в 1905 году в родном селе. Ему принадлежит книга «Тени жизни».

Шагарова С. (р. 1907). Поэтесса. Жила в Симбирске в годы революции. Ее стихи, отмеченные глубокой искренностью, непосредственным чувством, печатались в местных газетах, в «Комсомольской правде», в журнале «Прожектор».

Шагинян М. С. (р. 1888). Выдающаяся советская писательница, ученый. Ее роман «Перемена» — одно из первых произведений о гражданской войне — получил высокую оценку В. И. Ленина. В 30-х годах около четырех лет жила в Ульяновске, где изучала документы, связанные с педагогической и общественной деятельностью И. Н. Ульянова. Много ездила по районам нашей области, записывала устные рассказы бывших учеников

Ильи Николаевича, учителей-«ульяновцев». В результате родилась книга «Билет по истории» («Семья Ульяновых»). В 50-х годах Шагинян снова приехала в Ульяновск собирать материал для второй книги о семье Ульяновых. «Первая всероссийская» появилась в 1965 году.

Эрлих В. (?—1937). Поэт. Друг Есенина. Родился в семье симбирского врача. Учился в местной гимназии, в Казанском и Петербургском университетах. Перу Эрлиха принадлежат книги «Арсенал», «Порядок битвы», «Книга стихов», «Стихотворения и поэмы».

Яровой Ф. Е. (1887—1951). Настоящая фамилия Комаров. Сын безземельного крестьянина с. Озерки Чердаклинского района, где вместе с А. Неверовым окончил учительскую школу. Более 11 лет работал учителем в школах Заволжья. Литературная деятельность Ярового началась в 1913 году, но по-настоящему развернулась лишь после Октября. Яровой писал очерки, стихи, рассказы, повести, романы, пьесы, в которых изображал заволжскую деревню в годы революции («На большой дороге», «Бабий бунт», «На острие ножа», «Жизнь цветет» и др.). Сильное впечатление оставляет повесть из жизни детей-сирот «Кубический памятник». Вот что писал о ней Горький автору: «Очень хорошая повесть. Написана просто и трогает. Следовало бы рекомендовать ее матерям». Умер в Москве.

СПИСОК

литературных мест области

Аксаково Майнского района: **С. Т. Аксаков, Ф. Черный.**
Алешкино Тереньгульского района: **П. В. Тибушкин.**
Андреевка Чердаклинского района: **Н. Н. Благов.**
Аникеевка Майнского района: **В. Н. Назарьев.**
Архангельское Сурского района: **А. М. Горький.**
Архангельское Чердаклинского района: **И. А. Гончаров.**
Беклемишево Вешкаймского района: **И. П. Мятлев.**
Бригадировка Мелекесского района: **А. Н. Толстой.**
Васильевка Цильнинского района: **М. Н. Белов.**
Верхняя Маза Радищевского района: **Д. В. Давыдов.**
Вишенки Мелекесского района: **С. Т. Аксаков.**
Войкино Чердаклинского района: **А. Н. Толстой.**
Камышовка Чердаклинского района: **А. С. Неверов.**
Карамзинка Майнского района: **Н. М. Карамзин.**
Карсун Карсунского района: **И. И. Гольц-Миллер.**
Лукино Кузоватовского района: **С. Г. Скиталец, И. Н. Ульянов.**
Мелекесс: **А. Веселый, С. В. Денисов, А. Г. Лебеденко, А. С. Неверов, Н. В. Шелгунов.**
Новиковка Старомайнского района: **А. С. Неверов, Д. Н. Садовников.**
Никольское-на-Черемшане, бывшее Мелекесского района: **С. Т. Аксаков, Д. В. Григорович, В. А. Соллогуб.**
Ново-Никулино Цильнинского района: **В. Н. Назарьев, И. Н. Ульянов.**
Новый Письмерь Мелекесского района: **А. С. Неверов.**
Озерки Чердаклинского района: **А. С. Неверов, Ф. Е. Яровой.**
Павловка Павловского района: **Ф. И. Панферов.**
Паньшино Радищевского района: **К. Я. Горбунов.**
Полбино (Ртищево-Каменка) Майнского района: **А. А. Коринфский.**
Проломиха Инзенского района: **Н. П. Огарев.**
Радищево (Дворянская Терешка): **А. Н. Радищев.**
Русская Бекшанка Барышского района: **М. Н. Богданов.**
Самайкино Новоспасского района: **А. Ф. Воейков.**
Сенгилей Сенгилеевского района: **В. А. Смирнов-Симбирский (Ульяновский), Е. Н. Чириков.**
Софьино Радищевского района: **Н. А. Панов.**

Стоговка Кузоватовского района: **С. Г. Скиталец, И. Н. Ульянов.**
Троицкое Инзенского района: **Д. П. Ознобишин.**
Тургенево, бывшее Чердаклинского района: **Н. Г. Гарин-Михайловский, А. Н. Толстой, семья Тургеневых.**
Тушна Сенгилеевского района: **М. Н. Старостин.**
Ульяновск (Симбирск): **Р. Азарх, Аксаковы, П. Александров, П. В. Анненков, П. С. Бейсов, Н. А. Бекетов, П. П. Бекетов, Ю. Д. Беляев, В. Н. Билль-Белоцерковский, Н. Н. Благов, М. Н. Богданов, П. Бунаков, М. И. Веревкин, И. А. Второв, А. С. Глинка-Волжский, И. А. Гончаров, К. Я. Горбунов, Д. А. Гранин, Д. В. Григорович, А. М. Гриневич, Д. В. Давыдов, В. А. Дедюхин, Г. В. Державин, Н. А. Державин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский, К. Иванов, Н. Н. Ильин (Нилли), А. А. Караваева, Н. М. Карамзин, Н. Е. Каронин-Петропавловский, А. Д. Карцев, Г. И. Коновалов, А. А. Коринфский, В. И. Ленин, Н. К. Лебедев-Морской, Е. Ю. Мальцев, Г. Маслов, Д. Д. Минаев, Д. И. Минаев, К. Н. Митрейкин, В. Н. Назарьев, В. А. Никонов, Н. П. Огарев, Д. П. Ознобишин, А. Н. Островский, А. И. Пальм, А. С. Поляков, А. Н. Поморский, Г. Н. Потанин, М. Премиров, Н. С. Пустынин, А. С. Пушкин, Е. О. Пяткин (Евг. Венский), Арс. Рутько, Д. Н. Садовников, Н. М. Сатин, А. С. Серафимович, С. Г. Скиталец, В. А. Соллогуб, В. Я. Старостин-Маненков, А. В. Тимофеев, А. Н. Толстой, Л. Н. Толстой, Тургеневы (семья), А. А. Удалов, И. Н. Ульянов, А. С. Хомяков, А. И. Царев, Н. Г. Цыганов, Н. Г. Чернышевский, М. С. Шагинян, С. Шагарова, Т. Г. Шевченко, В. В. Шкваркин, Н. Я. Шестаков, В. Эрлих, Н. М. Языков.**
Устеренка Цильнинского района: **В. И. Маненков.**
Чириково Цильнинского района: **П. В. Анненков, Н. В. Гоголь, С. Шагарова.**
Чуфарово Сурского района: **С. Т. Аксаков.**
Языково Майнского района: **А. С. Пушкин, Н. М. Языков.**
Яксашное Помряськино Старомайнского района: **А. К. Новопольцев.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Симбирск — Ульяновск 5
Аксаковские места 94
Аксаково 94
Чуфарово 96
Вишенки 98
Верхняя Маза 101
Языково 108
Проломиха 115
Карсун 122
Чириково 127
Заволжский заповедник фольклора 134
Русская Бекшанка 139
Новое Никулино 143
Павловка 148
Мелекесс 151
А. Н. Толстой и Симбирское Поволжье . . 156
Неверовские уголки 162
Новиковка 162
Озерки 164
Новый Письмерь 166
Камышовка 168
Мелекесс 172
Исчезнувшие литературные места 175
Архангельское 175
Никольское-на-Черемшане 177
Тургенево 179
Другие места, представляющие литературный интерес 183
Приложения 189
Краткие сведения о писателях, не упомянутых в основном тексте . . 190
Список литературных мест области 197

Константин Алексеевич
Селиванов

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Очерки

Редактор **Я. Л. Погорелов.**
Художественный редактор **П. И. Карчевский.**
Художник **В. Г. Евграфов.**
Технический редактор **Е. А. Плаксина.**
Корректор **С. Е. Бухман.**

НГ91326. Сдано в набор 29/VII 1968 г. Подп. в печ. 24/XII 1968 г.
Бумага 84×108$^{1}/_{32}$. Газетная. Печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10,52.
Тираж 5000. Цена 42 коп.

Приволжское книжное издательство. Саратов, Вольская, 81.
Производственное объединение «Полиграфист»,
Саратов, пр. Кирова, 27. Заказ 2828.